

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

5
М А Й
1959

Самое короткое путешествие
из Европы в Азию. Обелиск
у ст. Уржумна.

Фото С. Крапивниченко

УРАЛЬСКИЙ Седопыт

5 МАИ 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ НАШЕЙ МАГНИТКИ

ЛЕНИНУ ПОМОГАЛ
Е. Ананьев

МУКАМ НАПЕРЕКОР
А. Силаков

«У НАС НА ГЛАЗАХ ГОРОДИЩЕ
РОДИТСЯ...»
Л. Большаков

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК
Б. Ручьев

НА ПУТИ К МЕЧТЕ
А. Киоин

КАЧКАНАР
Из альбома художника А. Бурака

ЧЕРНОГЛАЗЫЙ ОРЛЕНОК
Генерал-майор А. Гундорин

ТЕЛЕФОН
А. Бондин

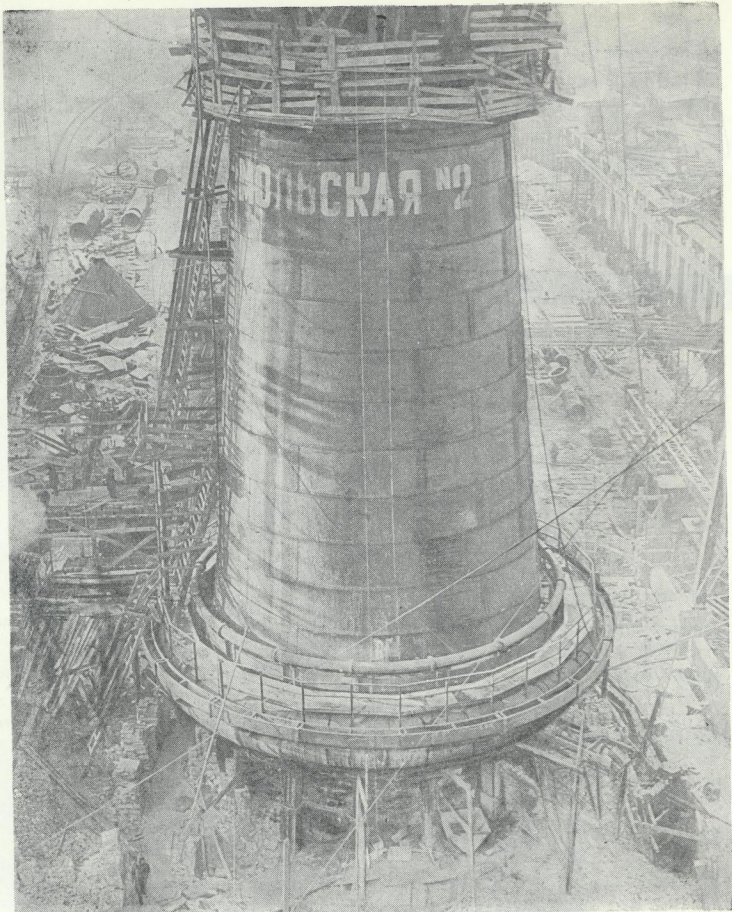
БЕРЕЗЫ НА РАССВЕТЕ
И. Лавров

СКОЛЬКО СТОЛБОВ «ЕВРОПА — АЗИЯ»?

Солнце греет,
зеленеют ветки!
Жизнь кипит,
как вешняя вода.
Мы выступаем
в чудо Семилетки
Молодую
армией труда.
Первожая
небо голубое!
Мы проходим
шагом строевым.
Счастье,
завоеванное с боем,
Никому
век не отдадим!

Б. МАРЬЕВ

Магнитогорск очень молод. Обычно, когда рассказывают историю города, сравнивают старое с новым, то говорят, что было до Октябрьской революции и что стало теперь. Такого сравнения не сделаешь по нашей родной Магнитке, как называют Магнитогорск старожилы. Нашему городу всего

тридцать лет. Но история его интересна, увлекательна и героична — это большая страница в истории Советской страны.

«Самая благородная задача из тех, что ставят перед собой молодые следопыты, — идти по следам героев Родины. Историю творят живые люди. В стремительном походе к коммунизму весь наш путь отмечен именами тысяч и тысяч патриотов, ко-

ИСТОРИЯ

нашей

МАГНИТКИ

торые по-геройски выполняют свой долг, совершая большие дела и в труде и в бою», — писали Герой Социалистического Труда Ф. Петухов и Герой Советского Союза Н. Андреев в восьмом номере «Уральского следопыта» за 1958 год.

И вот мы, ученики 9-го и 10-го класса магнитогорской средней школы № 41, решили собирать материалы, искать, устанавливать и уточнять все, что касается истории нашей родной Магнитки.

В городе много людей, которые еще хорошо помнят короткое, овеянное славой строительства детство Магнитогорска. Старожилы рассказывают, как сюда, в уральские степи, шли, а потом ехали землекопы, затем камешники, бетонщики и арматурщики. Их сменили монтажники, а монтажников — металлурги, выросшие, выучившиеся из землекопов.

Сначала город был полотняный, большинство жителей обитало в палатках. Первая палатка у горы Магнитной появилась 10 марта 1929 года. Следующий период развития города можно назвать земляным — строили бараки, и всюду-всюду велись колоссальные земляные работы, перекопали всю степь вокруг горы. Потом был период бетонный — бетонировались фундаменты будущих цехов, возводились стены корпусов завода. И, наконец, был период монтажный — сваривали, клепали, шла сборка оборудования.

Все это рождало тысячи героев.

В сборе материалов нам помогут все те, кто в годы первой пятилетки приехали в палатки Магнитостроя. Со многими мы уже разговаривали. В рассказах оживают станционные здания конца двадцатых годов, на стенах расклеены плакаты:

«Тебя зовут Магнитострой!»

А на различных заводах страны в те дни на станках прикреплялись лозунги:

«Рабочие, помните, что эту турбину вы делаете для Магнитостроя!»
«Мостовики, от ваших темпов зависит пуск Магнитогорского комбината!»

На Урал мчались поезда, и на вагонах были надписи:

«Железнодорожники! Этот груз предназначен Магнитострою — двигайте его без задержки!»

Мы знаем, что рабочие со всех концов страны — представители тридцати шести национальностей — возводили Магнитку. Бригады Шайхетдинова, Морозова, Евсюкова, Руднева, не считаясь ни со временем, ни с морозами, в рекордные сроки построили железобетонную стену плотины. Самоотверженная работа длилась 75 осенних и 75 зимних дней. Укладывали по 700—800 кубометров в сутки. Бетонировка основания плотины шла при тридцативосьмиградусном морозе без тепляков.

Один из участников этих героических дел экскаваторщик Жердев рассказывает:

— Помню, был случай. Сидел за рычагами экскаватора, грузил землю в вагоны. Дул сильный сибирский ветер, не обращаю на него внимания, работаю. И вдруг чувствую, как ноги мои примерзают к подошвам валенок. Начал оттирать ногу, а валенки, оказывается, уже прочно примерзли к железному полу...

Когда мороз перевалил за сорок, представители американской фирмы, которые за большие деньги помогали нам на первых порах развития советской индустрии, отказались производить монтаж и тем более задувать доменную печь. После переговоров вице-президент фирмы «Макки» мистер Хейвен в конце концов милостиво согласился начать задувку первой домы при условии, если ему разрешат выписать из Америки двести инженеров и мастеров. Тогда магнитостроители вежливо раскланялись с мистером и сами успешно задули печь в январские морозы. На другой день она дала первый чугун...

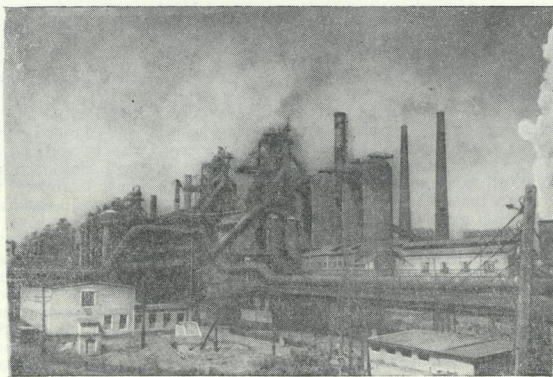
Из татарской деревни Курнаш на строительство приехал малограмотный парень Хабибулла Галиуллин. Он оказался смекалистым, начал учиться, и его назначили бригадиром. Скоро бригада Галиуллина стала одной из самых передовых на Магнитострое и поставила мировой рекорд тех дней — уложила за одну смену 1196 замесов бетона. Впоследствии Галиуллин стал директором бетонзавода.

Сейчас в нашем городе много больших и светлых школ. В одной из них преподает математику Марфа Павловна Левицкая — первая учительница Магнитогорска. Когда в 1930 году она приехала сюда, то нашла лишь учеников, а школы еще не было. И каждый день проработовдил где-нибудь местечко для занятий прямо на стройке. Живут и трудятся сейчас в Магнитогорске и первых пять врачей города: Барышев, Витковская, Дробышев, Евгеньева и Смурова.

В наши дни Магнитогорский металлургический комбинат стал одним из крупнейших в мире. Это множество смежных, связанных между собой предприятий. Рядом с доменными печами, мартенами и прокатными станами работают коксохимический цех, калибровочный и метизный заводы, рудообогатительные фабрики, завод горного оборудования. Да и такие цехи, как коксохимический, сами — целые заводы. Десятки тысяч людей трудятся ежедневно на нашем комбинате, и эшелон за эшелон с готовой продукцией идут во все концы страны для самых различных нужд народного хозяйства.

И в этой героической работе каждый день, начиная с первой пятилетки до сегодняшних дней семилетки, отмечен именами тех, кто вошел в историю.

История нашего Магнитогорска еще никем не написана, она ждет своих будущих исследователей. Мы будем записы-

вать все, что узнаем о своем городе, разыщем имена всех тех, кто создавал ему славу. Ни один герой не должен остаться неизвестным. Мы соберем и сбережем все самое примечательное о делах наших отцов, чтобы передать весть о них будущим поколениям. Если у следопытов других областей Урала есть материалы по нашей Магнитке, просим присылать их нам.

И мы призываем всех следопытов: давайте искать героев, которые делали историю наших советских заводов и фабрик, городов и сел, колхозов и железных дорог — славную историю коммунистического строительства родной страны.

Пройдут годы. Советский народ успешно закончит нынешнюю семилетку. Мы вырастем и к тому времени сами станем работать для блага своего народа. Школь-

ники будущего подхватят и продолжат начатое нами дело сбора материалов для истории, как мы продолжим дело наших отцов и дедов, творящих историю Родины. Потомки будут удивляться, знакомясь с нашими днями. Во всех грядущих веках люди с почтением и восторгом будут называть, повторять имена самых достойных — тех, кто закладывал фундамент коммунизма, тех, кто прослыл героем вчера и сегодня.

Мы просим «Уральский следопыт» печатать все наиболее интересное из того, что пришлют следопыты о знаменитых людях нашей советской эпохи — о рабочих, инженерах, о всех тех, кто много сделал для родной страны.

Следопыты
магнитогорской
средней школы № 41

От редакции: «Уральский следопыт» горячо поддерживает замечательное начинание патриотов молодого города, откликнувшихся на призыв Героя Социалистического Труда Ф. Петухова и Героя Советского Союза Н. Андреева. В ближайших номерах редакция заведет на страницах журнала постоянный раздел для публикации таких материалов.

«Уральский следопыт» объявляет постоянный литературный конкурс на самую интересную заметку о герое прошедших пятилеток, о герое нынешней семилетки. Это должно быть увлекательное сообщение о случае из жизни советского человека, случае из его повседневной работы, в котором раскрываются черты сильного характера нашего современника.

В конкурсе могут принять участие все желающие. Лучшие материалы будут премированы. В числе премий фотоаппараты, туристское снаряжение, памятные подарки «Уральского следопыта», бесплатная годовая подписка на наш журнал.

Итоги конкурса будут подводиться раз в год, в октябре, в годовщину основания Ленинского комсомола.

ЛЕНИНУ ПОМОГАЛ

Это было давно, когда Советская власть только пришла в тундру.

Поздним вечером Няруй Нечу возвращался с удачного промысла. Может, он и еще охотился бы в тундре, да выпал снег и началась пурга, все равно следы зверя пропадут.

Оленьи кисы неслышно ступали по мягкому снегу. Хотя были сумерки и охотника не могли увидеть в стойбище, Няруй прошел по всем дорожкам, даже сделал небольшой крюк.

За спиной у него было три пса, на пояс болтался десяток горнostaев с черными кончиками хвостов. Богата добыча! Может, хватит на платье жене и на рубаху сыну. Няруй шел по стойбищу и улыбался, не чувствуя колющего ветра. Когда он поравнялся с чумом на самом берегу озера, еще раз широко улыбнулся, обмел от снега кисы и приподнял полог.

Сразу же охватило тепло. Оно шекотало щеки, заползало под малицу. Теплый взгляд жены Саване тоже согрел.

Охотник не спеша снял добычу, потом втянул голову, резко нагнулся, и малица, как шкура убитого зверя, упала к ногам.

— Едайка спит? — спросил он о сыне, прикасываясь к очагу.

На костре грелся уха.

— Нет, убежал к соседям... — ответила худенькая, как тростинка, Саване, ставя перед хозяином чашку с ухой.

— Здоров?

— Ничего...

— Какие новости?

— Да вот, завтра новые торговые люди лавку открывают.

— Хорошо. Есть чего понести.

— А может, дождемся купца Сашку? — неуверенно спросила Саване, сощурив свои слегка раскрасные карие глаза. — Шаман-то говорил, не нужно с этими людьми торговать. Ругаться будет.

— Шаман... — недовольно пробормотал Няруй, дую на горячую уху. Он не любил жадного шамана Сэхэ, с его маленькими хитрыми глазками, бегающими, как мышь по тундре.

— Зверя отгонит, охоты не будет, — тихо, но настойчиво продолжала жена.

Няруй рассмеялся. Ложка дрожала в его руке.

— Я вот нынче не принес ему подарок, а охота, однако, шибко хорошая.

— Не принес? — огорченно воскликнула Саване.

Няруй обвел глазами чум, как бы опасаясь, что его могут подслушать, и тихо продолжал. — Помнишь, Сэхэ ругал меня, что не бываю на Святом острове, мало подарков оставляю. Я пообещал, а потом в Красный чум пошел. Новый заведующий Федор Иванович сказал: «Не ходи». Я и не ходил. Жалко добычу отдавать. Жена закрыла лицо руками, ожидая немедленного наказания от богов.

Охотник снова беззвучно рассмеялся.

— Да ты не бойся. Видишь, все равно добыча хорошая. Завтра в Красный чум пойдем. Ладно, все сразу сдавать не будем, посмотреть надо. Только двух псов на платье и на рубаху, пожалуйста, не хватит. Сашка не давал.

На следующее утро они пошли в магазин. Недавно выстроенное, еще отливающее желтизной свежее теса здание выглядело приветливо. Около крыльца разметен снег, над дверями, на длинном куске красной материи, что-то было написано. Что — Няруй не знал.

— Добро пожаловать! — прочел, подходя вслед за охотником, заведующий Красным чумом Федор Иванович. — Ну, что же, пойдем, товарищ. Первым покупателем будешь.

Няруй в нерешительности остановился. Он видел, что неподалеку от лавки стояло еще несколько человек, но никто не заходил, каждый ждал, пока другой начнет торг. «А может, правда, лучше Сашку дожидаться», — мелькнуло у него. Потом посмотрел на улыбающегося Федора Ивановича и открыл дверь. Саване не решилась зайти в магазин. Прикованная суровым взглядом Сэхэ — он тоже был около новой лавки, — женщина осталась на крыльце.

Впервые увидел Няруй сразу столько товаров. На полках лежали кипы красивых разноцветных материй, плитки красивых разноцветных висели ружья, капканы; на полу стояли ящики с конфетами, сахаром, мукой.

— Хо-о, — удовлетворенно хмыкнул Няруй и подал двух псов. — Сколько дашь? Продавщица, молодая девушка со стриженными по-мальчишески белокурными волосами, взглянув на Федора Ивановича, взяла шкурки, внимательно осмотрела

их, подула на белоснежный ворс и с приятной улыбкой сказала:

— Хорошие шкурки.

— На платье и рубаху хватит?

— Сейчас подсчитаем,— девушка зашелкала на счетах. Потом отошла от них и сказала Нярую, посмотрев на него голубыми, как вода в озере, глазами: — Хватит и еще останется. Выбирайте.

Няруй открыл дверь магазина, позвал Саване. Вслед за ней появились в магазине и другие охотники. Вошел и Сэхэ.

Продавищица приветливо поздоровалась со всеми. Положила на прилавок несколько кусков цветастой материи. Жена Няруя отобрала два: один яркий-преяркий, с крупными многоцветными горошинками,— для себя, другой, потемнее, в один цвет,— для мужской рубахи.

Нярую понравилась торговля. Он продал еще пять горностаевых шкурок, потребовал чаю, сахару, хлеба.

— Ишь какой,— рассмеялся Федор Иванович.— Не все сразу выложил.

Глядя на товарища, оживились и остальные. Появились спрятанные за пазухами шкурки. Как ни шептал рассерженный Сэхэ, как ни отговаривал, торговля началась. Шаман то и дело бросал недобрые взгляды на продавищицу и на Федора Ивановича.

Когда Няруй отобрал все нужные товары, продавищица выдала ему их и протянула еще какие-то цветные бумажки,

— Это зачем?
— Это деньги,— сказала, улыбаясь, девушка.— придете в следующий раз, подадите — еще табаку и сахару получите.

— Хо-о! И завтра приду — получу?

— И завтра.

— А если послезавтра?

— Хоть через месяц.

— Врет, врет она, обманывает,— злобно шипел по-ненецки Сэхэ.

Няруй повернулся к нему, смерил взглядом, но ничего не ответил. «А может, правда, обманет».

Три дня терпел он. Потом решил проверить силу бумажек.

Придя в магазин еще с двумя охотниками — жена не пошла, ее отговорил Сэхэ,— Няруй по-

ложил на прилавок деньги. К его удивлению, продавщица сразу подала то, что обещала в прошлый раз: и хлеб, и табак, и сахар, даже добавила кусок туалетного мыла. Федор Иванович, который был здесь, рассказал, для чего нужно мыло. Няруй не понял, но мыло взял.

— Это все мне? — удивился он.

— Да.

— Я ведь не принес пушнины?

— Но вы принесли деньги. Пушнину раньше

сдали.

— Раньше я шибко много получил.

— А полагалось еще больше.

— Чудеса... — качал головой Няруй. — Сашка никогда столько не давал.

— Чудеса... — согласились остальные охотники. — Совсем пушнину не принес — товар получил. Хорошо, однако, девка торгует.

— Богатый купец девка — сказал Няруй. —

Шибко много товаров имеет, больше, чем Сашка. Где достала столько?

— Это не ее товары, — объяснил Федор Иванович.

— А какой купец послал?

— Не купец.

— Кто же?

— Большой человек. Он всем народам счастье принес. Теперь простые люди — сами хозяева.

— Кто такой большой человек? Почему не знаю?

Заведующий Красным чумом ответил:

— Его зовут Ленин.

— Где он живет? В каком чуме?

— Далеко живет, — улыбнулся Федор Иванович. — И не в чуме, а в большом городе Москве. Откуда на сотне олешков скачи — не до скачешь.

— Откуда ж тогда Ленин знает, что нам надо?

— Он все знает.

И, расстегнув пальто, заведующий Красным чумом показал на значок в виде флажка, украшавший лацкан пиджака. Няруй долго рассматривал человека, нарисованного на флажке, его крутой лоб, бороду клинышом,

— Он и еще товары пошлет?

— Обязательно.

— Хороший человек, однако, — вздохнул охотник. И вдруг, осмелившись, поирсия: — Продай. Любую шкурку бери.

— Продать не могу. Так подарю. Держи, на дружбу. — Федор Иванович свинтил значок с пиджака.

— Спасибо. Большой спасибо, друг, — Няруй прижал значок к сердцу. — О Ленине шибко помнить буду. Он у меня здесь.

Весь вечер и следующий день охотник сидел в чуме у очага. Саване и Едайко то и дело подходили к нему, любовались работой. Из бересты, из тонких, как оленьи жилы, кореньев, из мхов различных цветов и оттенков Няруй смастерил красивую шкатулку. В крышку и по бокам он вделал цветные камни, найденные им давно, еще когда он водил хозяйские стада оленей в предгорьях Урала. Потом уложил на дно, на пушистый, многоцветный мох, драгоценный ленинский значок.

— Смотри, сынок, — прижал он к себе Едайку, — смотри на этого человека. Ленин... Он в тундру много товаров привез.

Вечером Няруй понес показывать шкатулку Федору Ивановичу и молодой продавщице. А на завтра отправился на промысел. И опять охота удачная была. Нет, врет шаман Сэхэ, не его боги слушают.

Придя домой, охотник почувствовал что-то неладное. Саване ходила грустная, будто в воду опущенная, глаза ее были красны от слез. Едва Няруй обмолвился о том, что завтра пойдет в лавку, как жена повисла у него на руке. Съезжившись, будто от холода, тихонько всхлипывая, она послала его:

— Не ходи, убьют вас, всех убьют.

— Что говоришь, глупая?! — оборвал он ее. — Одно слово — женщина. Нет ума.

Но Саване только теснее прижималась к руке мужа.

— Убьют. Едайко от богатых детей слышал, что сегодня ночью убьют Федора Ивановича и девку торговую. А лавку сожгут.

— Что-о-о? — Няруй сразу вскочил, схватился за ружье. — Буди сына.

Заспанный и испуганный мальчуган подтвердил слова матери. Он слышал, как Сэхэ и купец Сашка, который приехал вчера вечером, собрав еще двух-трех многооленных богатеев и их ра-

ботников, решили напасть на магазин сегодня ночью, когда все уснут.

Отстранив сына, Няруй задумался, обняв руки колени. Что делать? Пришли в Ней-то хорошие люди, которых послал Ленин, а их хотят убить богатеи. Где справедливость? Разве эти люди обидели кого, разве обманули? Нет, они привезли охотникам товары, много товаров, больше, чем возил купец Сашка. Потому и злятся на них Сашка. И Сэхэ на них зло держит, потому что они ему шаманить мешают.

Няруй поднялся в чуме во весь рост, не замечая, как дым ест глаза, решительно атакнул малицу, взял ружье и патроны.

Саване пыталась удержать его, хватаясь за малицу, но под грозным взглядом мужа притихла. Приказав обо всем молчать, охотник вышел из чума.

Ночь уже поступила к стойбищу. Луна, скрытая тучами, бросала слабый свет. На земле лежали призрачные тени. Темные силуэты чумов и магазина, казалось, топили во мгле. Вдалеке, словно огромное полотно, растливалась потемневшая гладь заснеженного озера. Ни звука, ни шороха. Только в другом конце стойбища жалобно скулил пес, да неподалеку, в чуме Сэхэ, едва виднелся тщательно скрываемый огонек.

«Ждут, волки проклятые», — подумал Няруй. Через несколько минут он тихо постучался к заведующему Красным чумом.

— Кто там? — сонно спросил тот.

— Тише, — понижая голос, сказал в дверь охотник. — Это я, Няруй Нечу. Открой побыстрее, Федор Иванович.

Тщательно проверив, заперта ли дверь, Няруй zvolнованно заговорил:

— Большой беда, Федор Иванович! Шаман и купец Сашка хотят сегодня магазин поджечь, теб с продавщицей убить. С ними еще много оленьих хозяев приехали.

— Сколько человек?

— Не знаю, однако семь-восемь будет.

— Да-а, жаркая ночь предстоит.

— Не тревожься, Федор Иванович, — торопливо проговорил Няруй. — В обиду не дадим. Пойду к охотникам

Няруй быстро пошел к стойбищу. Он предупредил тех охотников, которые вместе с ним торговали в новой лавке, которые вместе с ним не любили шамана Сэхэ и купца Сашку. Решили незаметно пройти в магазин и там встретить волков. По пути Няруй забежал в чум.

— Куда ушел, никому не говори, — наказывал он жене, торопливо собирая патроны. — Сына из чума не пускай!

Саване молчала, глядя с тоской на мужа. Потом, видимо, решила:

— Возьми меня, Няруй! И я с тобой.

— Нельзя, — сурово оборвал ее охотник, — не бабе это дело.

— Возьми, торговая лавка одна там будет. Вместе нам легче станет. Возьми, — умоляюще добавила она.

— Ладно, идем, — согласился Няруй, — сына бери, да быстро.

...Ночь. Тишина. Темь. Лишь мерцает у шамана Сэхэ еле заметный огонек.

Вдур рядом с его чумом легла полоска света, потом исчезла. Снова появилась и опять исчезла. И так несколько раз.

— Выходят, — прошептал Няруй. Все настояжались. Взяли в руки ружья. Снова наступила

тревожная тишина, прерываемая то глубоким вздохом, то легким шумом, когда задевали в темноте рукой какой-нибудь предмет. Саване сидела с молодойкой продавщицей в глубине комнаты и ласково, как мать, поглаживала ее стриженные волосы.

Огонь в чуме Сэхэ совсем погас. Оттуда все ушли. Значит, сейчас они будут здесь, около магазина. Охотники пригнувшись ближе к дверям. Няруй вдруг услышал стук своего сердца.

Еле уловимо послышался скрип снега, шорохи. Они приближались, звучали все ближе, отчетливее. В сенях стали слышны осторожные шаги. В окне показались чей-то силуэт. Конечно, ничего снаружи не увидят: в доме темно. Но ствол одного ружья на всякий случай повернулся в сторону окна.

В сени вошло несколько человек. Они нажали на дверь, стараясь взломать ее. Дверь поддавалась, скрипела. И вдруг, уступив напору, распахнулась. Вслед за ней трое бандитов влетели в комнату продавщицы.

— Стой! — вдруг услышали они голос и, опешив, подняли руки. Прямо на них были направлены стволы пяти ружей.

Няруй ненавидяще глядел на Сэхэ, на его бегающие глаза и отвисший от страха подбородок. Попался, волк! Слабого человека ты кулаком сшибаешь с ног и, как заяц, бежишь от сильного!

Вдур Сэхэ упал и на четвереньках пополз к выходу, прячась за своих подручных.

— Врешь, не убежишь! — два выстрела Няруя заставили Сэхэ охнуть. Раненный в ногу и руку, он грузно свалился на пол и остался лежать.

На улице в это время было тоже темно. Спрятанные на берегу озера охотники вместе с Федором Ивановичем неслышно окружили магазин и захватили остальных бандитов. Только хитрый купец Сашка, наблюдавший за всем изда-лека, сумел вовремя укатить на своих оленях.

Стойбище проснулось. Из всех чумов на выстрелы сбежались люди. Они увидели связанных бандитов, которых должны были утром везти в милицию ближнего поселка. Молодая продавщица благодарно обнимала Саване. Федор Иванович крепко пожимал руку Няруя.

— Спасибо, Няруй. Ты жизнь нам спас. Магазин спас. Собой рисковал.

— А как же иначе? — просто ответил охотник. — Ленину помогал.

* * *

Вот какую историю рассказал мне однажды Няруй Нечу. Мы сидели на крыльце нового дома, куда старый охотник переселился из чума. В руках Няруй держал узорчатую шкатулку:

— Здесь — все большое, что в жизни было, — охотник задумчиво посмотрел на шкатулку.

— Вот значок, я тогда впервые про Ленина узнал. Вот этот Трудовой орден за работу в колхозе. Второй — Отчественной войны — с фронта прислали. Едайко заслужил, а сам за Родину жизнь отдал. Нынче часто его с Федором Ивановичем вспоминаем, он и сейчас секретарем райкома у нас.

Старик глубоко вздохнул. Потом поднялся, показал рукой на поселок, выросший в тундре, на большое оленье стадо, еле видное вдалеке, на здание школы, на ката, плывущие по Оби.

— Все наше. Вот как мы Ленину помогаем!

О. АНАНЬЕВ
Рисунок С. КИПРИНА

Рис. Ю. Ефимова

А. Силаков
МУЖАМ
наперекор

Летчик, казалось, потерял сознание. Но это лишь казалось. Когда левая рука Фабера полезла в карман галифе за пистолетом майора, летчик вдруг подогнул под себя подкованные сапоги и выбросил их с силой стальной пружины. Фабер отлетел метра на два, стукнулся о беседку. Потом попытался подняться на нос судна. Трое цепко схватили его за руки. Немец повалился на спину.

— Школа костоломов,—отдышавшись, сказал он.— Неплохо для русского пилота.

Летчик торопливо нащупал в кармане пистолет и улыбнулся:

— Похвалила сук пила, когда зуб сломала. Нельзя, однако, вашему брату доверять.

Дядя Ваня тяжело поднялся на лыжах:

— Да что там цацкаться, швырнуть за борт. И без него горшит.

— Нет, надо довести багаж живым,—возразил летчик.

Фабер стоял, прижавшись к мачте и по-волчьи озираясь.

Через десять минут он наравне со всеми получил три сухаря и два глотка воды.

Всю следующую ночь Амалия не спала, хотя раненый больше не стонал. Жажда теперь не мучила. Вместо нее, появилась какая-то тупая тяжесть под ложеч-

кой и возле сердца. Такое ощущение испытывала Амалия в реке, когда она, за нырнув в Язу, как можно дольше старалась держаться под водой.

Утром начался день. Дядя Ваня совсем сдавал. Теперь он сидел не на беседке, а на дне вельбота. Голова его погнурилась и качалась в такт волне. В веслах находилось только пятеро. Но и они еле гребли. В вельботе прибавилось воды. Иногда от сильного толчка вода выплескивалась из-под настила на кого-нибудь из спящих. Но они не шевелились. Виктор лежал, наполовину высунувшись из-под тента. Голова его лежала на фуфайке, странно запрокинувшись. В такт качке она перекатывалась, словно камень. «Неужели мертв?» — Амалия похолодела, она бросилась к нему, растормошила. Он открыл глаза и протянул:

— Пить, пить...

Тогда, чтобы не слышать больше его голоса, она подбегала то к одному больному, то к другому, лихорадочно терла им виски, разувала их, выжимая ледяные мокрые портянки. На пальцах ног она заметила полозорительную белизну. Обморожение! Это грозит многим. Не надо забывать, в воде около нуля. Хавроньин достал из ИЗ флягу со спиртом. Ладони санитаря, жесткие, вздувшиеся, не годились для массажа. Он объяснил Амалии, как надо действовать, и она начала оттирать беловато-восковые скрюченные

пальцы ног. Вскоре они покраснели. Но узбек не морщился. Он твердил одно:

— Девушка, вода, больше давай вода.

Гребцы пили из резинового шланга. Их губы потрескались и вздулись от соли. Кое-кто высовывал из-под тента голову, открывал рот и ловил мелкую дождевую пыль.

Еще двое слегли от морской болезни, голода и жажды. И так из строя вышло десять человек. Когда они жаловались на рези в животе, Амалия снова приходилось пускать в ход бром. Тогда боли постепенно притуплялись. Больные засыпали, иные старались бодрствовать, даже пытались сесть за весла. Но это им не удавалось. Парень в коричневом пальто и в роговых очках после одной такой попытки виновато тронул Амалию за руки.

— Как вы умаялись... Зачем со мной возитесь? Мое место за бортом. Из-за меня и вы, девушка хорошая, погибнете.

Амалия приходилось утешать, прикалывать, просить, хотя она и сама-то еле стояла на ногах. Дядя Ваня пытался отвлекать больных долгими и неумелыми рассказами о былых приключениях на зимовках. Рассказы занимали время. Люди слушали, и вдруг кто-нибудь обрывал все это вздохом, полным тоскливой боли.

— Эх, мне бы лучше сейчас стакан воды. Полжизни бы отдал.

— Полжизни? Вон как!

Виктор, услышав это, поморщился, приподнялся, придерживая рукой больное плечо.

— Щедро обещают то, чего нет,— прерываясь, начал юноша.— Идет один голодный странник в пустыне и вздыхает: «О господи, если б мне сейчас двадцать пять золотых. Я бы целых пять отдал из них тебе на храм». И что же? Видит на дороге двадцать золотых. Руки затряслись, жалко стало денег. Подумал, подумал и начал изворачиваться перед богом. Дескать, спасибо за дары; и мне послал, что надо, и пять обещанных золотых заранее вычел...

Рассказ понравился.

Под тентом словно пробежал теплый ветерок. Даже старик-узбек засмеялся дробным смешком, поглаживая жидкие усы:

— Обещал ишак не крутить хвостом.

Но смех исчез, когда опять тот же тоскливый голос нарушил тишину:

— И чего мы, братцы, о пустаках тол-

куем. Эх, сейчас бы стаканчик колодезной водицы. За один стакан бы я...

Взоры всех снова обращались к бующему морю. Его монотонный рев оглушал людей и, казалось, притуплял тревоги. После некоторых колебаний Амалия стала пить морскую воду. Это тоже было своего рода забытьем. Сухая, колющая боль в горле утихла, но зато одолевала невыносимая сонливость. Девушка не поднимала головы даже тогда, когда волна ударяла ее в спину или в бок. Холодные брызги струйками протекали через голенища сапог до самых пальцев.

Еще вчера она чувствовала, что ноги у нее заняли. Потом эта боль прошла. Весь день ходила по вельботу от кормы до носа, то к Виктору, то к гребцам. А вот сегодня сапоги оказались слишком тесными. Потом появилась ломота в ступнях. Однако Амалия все еще терпела. Наконец, когда после трехчасовой гребли она поднялась на ноги, сильная боль пронзила ее до сердца. Амалия вскрикнула и упала на колени.

Летчик, Хавроньин и узбек подхватили ее и отнесли под тент. Дядя Ваня предложил сапоги:

— Да ты бери, девушка, мои просторнее. Не беспокойся, сапоги теперь мне нужны, как безрукому рукав. Я и так просижу под тентом. Обмотаю ноги тряпьем, и ладно.

Ее стали осторожно разувать. Но снять сапоги оказалось совершенно невозможно. Пришлось их разрезать. Только тогда, сняв носки, оголили обмороженные ноги. Глядя на эти вздувшиеся ступни с красно-синими, словно от гангрены, подтеками, Амалия невольно содрогнулась, но собралась с духом и сама прополоскала ноги в растворе марганцовки, смазала их вазелином и забинтовала.

Кораблю нужен флаг, страдающим — пример. Мужество маленькой хрупкой девушки, которая без стонов выносила варварскую боль, действовало лучше всяких бромов. И у тех истощенных десяти, которые лежали на дне вельбота неподвижно, и у тех двенадцати, которые еще держались, затеплилось что-то отрадное на сердце. Вот ведь — девчонка, а держится лучше мужчин. И что за сила наполняет ее измученное тело?

Лучше всех знал эту упрямую девушку с нежным сердцем Виктор. Он и гордился своей подругой и мучился от бессилия облегчить ее страдания.

Неожиданно его внимание привлек красный лоскуток, что висел на ржавом гвозде у мачты. Юноша заставил себя привстать, дотянуться до чемодана, вытащить оттуда моток жилки и крючок. Мысль пробуждалась, выходя из темных лабиринтов... На крючок, наживленный обыкновенным лоскутком, дед Виктора — старейший зимовщик Диксона — ловил треску, чтобы спастись от голода.

Когда Виктор вслух высказал свою мысль, все, кто мог, стали снаряжать самодельную снасть. Наконец ее забросили на такую глубину, на какую позволяла леска. Целый час люди напряженно ждали. Затем наступило разочарование, потому безразличие. Иссякла уже всякая надежда. И когда Виктор, вяло держа в руке жилку, задремал, он вдруг почувствовал рывок.

На палубе поднялась сутолока. Пять человек вцепились в жилку, торопясь вытащить добычу. Наконец здоровенная иссиня-серебристая треска затрепыхалась в лодке. Теперь люди наперебой закидывали удочку то с правого, то с левого борта...

Между тем Амалия немедленно пустила в ход свои скромные знания поварихи. Не вставая с кормы, она стала потрошить рыбу. Трое, под консультацией дяди Вани, самого искусного добытчика огня, стали разжигать костер. Посредине вельбота на беседке выдолбили долотом дыру. Дно, выбитое из алюминиевой кастрюли, заменило сковороду.

Летчик и его шумливый помощник санитар Хавроньин разрубили мачту, разломали два ящика из-под бечевки и инструментов на растопку. Через час рыба была готова.

Аптекари могли бы позавидовать умению людей делить, когда их желудки пусты. Равную порцию получил и Фабер. Осунувшийся, помрачневший, он медленно подошел к Амалии из своего уединенного угла. Принимая еду, смотрел не в лицо Амалии, а на пальцы ее рук. И потом, когда он ел, все также неподвижно смотрел на руки.

— Под ногтями скоро станет нарывать, — наконец выговорил он, как будто хотел ее обрадовать. — Да-да, вы видите синие подтеки? Это наделала соленая вода. Боли придут ужасные. Поверьте морскому диверсанту высшей школы. Надо пальцы окунуть в легкий карболовый раствор. Но поможет мало.

Он ожидал, что его слова размягчат твердость русской фанатички. Она не выдержит, испугается и попятится назад... Фабер все еще надеялся на то, что именно через нее он склонит к плену всю команду. В конце концов передатчик цел, он — под беседкой на корме, у этого старого полярника. Вызвать своих по радио еще не поздно...

Предсказания Фабера сбылись. На следующий день пальцы Амалии вздулись. Ногти жгло, ломило, как будто в живое мясо всадили десятки раскаленных игл. Амалия закусил губы и упорно пыталась ухаживать за теми, кто лежал от истощения и качки. Ей часто приходилось отдыхать. И тогда Фабер шел на помощь. Вместе с летчиком, Хавроньиным и живучим старичком-узбеком он растирал больным суконной руки, ноги, давал им пить морской воды.

Дядя Ваня, глядя на Фабера, задумчиво качал тяжелой головой:
— Неужели человеком стал?

Но Амалия смотрела на Фабера все так же исхода. Она не верила ему. Однажды случилось так, что Фаберу пришлось сидеть за веслами около пяти часов. Он

отлично понимал, что заменить его сейчас больше никому. В голове зародился план.

— Хотя я пленный,— важно начал Фабер,— но издеваться надо мной — подлость.

— В чем дело, Фабер? — спросил дядя Ваня.

— Мне давным-давно нужна замена. Черт возьми, я имею право!

— Право...

Дядя Ваня поморщился, поднял голову, окинул понимающим взглядом спавших летчика и парня с санитарной сумкой, пополз к беседке на коленях. Но, когда он попробовал достать рукой до весел, ослабевшая кисть разжалась и сорвалась. Узбек, желтый, с вспухшими веками, выполз из-под тента.

— Слушай, дядя Ваня, буду работать за тебя, за всех. Не надо, иди на место, слушай!

— Нет, я пойду,— вмешался вдруг парень в роговых очках, который давно лежал молчком.

— Почему, а разве я без рук? — заметил Виктор и тоже, перебираясь по борту, потянулся к веслам.

Фабер хладнокровно смотрел, как тяжелые, обессиленные люди, корчась от боли и качаясь, наперебой торопились заменить полярника. Он наблюдал, поджав губы, холодными, тусклыми глазами. Он заранее знал исход. Теперь черед девушки. Ей придется, наконец, слатся. Амалия, морщась, поднялась с кормы и нервно подошла к беседке. Она взмахнула веслом раз. Фабер ждал. Никто не произнес ни звука. Она сделала взмах опять. Изпод ногтей потекли струйки крови. Лицо ее побледнело. Девушка молчала, продолжая работать веслами.

Холодное спокойствие покинуло Фабера.

— Черт возьми, почему молчите? Эта боль не для женских нервов. Вы должны рвать волосы, стонать. Вы слышите? Мы изучали психологию по курсу Брандта. Мы знаем, что такое боль под ногтями!

Летчик проснулся и сердито отстранил врага:

— Ну, чего взбеленился, Фабер? Изучали, изучали... Опять теория в отрыве от дел людских. Плохо вы Россию изучали, иначе не пошли бы воевать...

На следующий день утром, глянув на бушующее море, дядя Ваня в отчаянии спросил:

— Будет ли этому конец?

Море все так же неистово бросало свои тяжелые валы. Теперь люди уже не гребли, как прежде, они лишь шевелили веслами. Больше всего занимались откачкой ледяной воды. Воду вычерпывали даже те, кто не мог стоять. Вычерпывали сидя, лежа, пригоршнями и шапками. Посреди вельбота все еще дымился костер. Но теперь он был не нужен. Треска больше не попадалась.

Дождь шел редко, и за вчерашний день с трудом насобирали три стакана. Сухари давным-давно поели. Кто-то нашел в сумке кусок воска. Съели и его. Съели три ремня из сырмятины, две банки ячменных высевок, выпили бутылку киновари на сахарном растворе. Люди перебирали рюкзаки, чемоданы, ящики, залезали даже под бухты с такелажом. И никто не заболел, никто не жаловался на желудок.

— Будет ли этому конец? — снова настойчиво повторил распухшими губами дядя Ваня, и Амалия, глянув на него, испугалась, что сейчас он сойдет с ума.

Пустили в ход последнюю бутылку со спиртом. Хавронин разбавил спирт морской водой и каждому, хочет он или не хочет, влил в рот по равной доле. Когда все выпили, первым оживился узбек. Он подошел к старому полярнику.

— Будет ли, говоришь, конец, начальник? Конец всему бывает, слушай.

Амалия удивилась, что человек ответил на вопрос спустя десять минут. Как будто у него в мозгах все это время происходило замедленное торможение. И вот алкоголь ослабил тормоза. Долго хранимые потайные мысли выползли наружу.

— Да,— бессильно повалившись к борту, повторил худосочный парень в роговых очках,— видно, не дошел наш тральщик. Споткнулся, видно, братцы. Эх, сколько там людей погибло.

И тогда вздохмаченный, осунувшийся Фабер опять заговорил:

— Люди, еще не поздно! Дайте рацию! Довольно безумства! Пусть плен, но все же жизнь! Ведь через час, ну, через сутки, мы пойдем на дно...

Худошавый парень в коричневом пальто повернул голову к оратору. Дядя Ваня приподнялся, но так и не сказал ни слова. Фабер кричал силло, надрываясь:

— Хватит! Самоубийство — это жертва принципа. Долой политику! Давайте жить!

Амалия глянула вперед. Фабер опустил весло, и что-то серебристое выпало в

воду из-под кителя. Она заметила фольгу и крошки шоколада. Так вот почему так стойко держался этот немец! Он прятал под полюю шоколад, когда голодные люди ему, подлецу, отдавали свои крохи. Она чуть не вскрикнула, Фабер заметил это, поблденел... И тут же она сжала губы. Крикнешь — разорвут его на части, а толку что?

Высоченная, в серых буранах волна неслась на борт. Ее острозубые верхушки вот-вот уже вопьются в зыбкое суденышко. Ей почему-то пришла на память картина «Девятый вал». А Фабер все сидел, опустив весло и умоляюще глядя на Амалию.

Она бросилась к диверсанту и с гневом выкрикнула:

— Табань же, ржавый гвоздь! Табань! А то конец...

Голос прозвучал, как сигнал, и вместе с Фабером все остальные почти непроизвольно взмахнули веслами. Волну успели разорубить, хотя она и залила бот по шиколотку. Леденящая вода, проникнув в обувь, словно вывела людей из забытья. Все до одного взялись за дело. Кто переносил на сухое место грузы, кто налег на весла. Но никто не оглянулся в сторону Фабера.

А он стоял, отшатнувшись, закинув за спину скрюченные руки. Казалось, его сводила судорога. Он молчал и чего-то

ждал. Он не верил, что эти люди не хотят сдаваться.

— Вы сумасшедшие фанатики,— выкрикнул вдруг Фабер.

Ему опять никто не ответил.

Люди выплескивали воду. Виктор поднял на Фабера глаза, но тут же взгляд его скользнул по самодельной печке. От раскаленных стенок с шипением шел пар. «Это ведь вода...» Виктор вздрогнул, поднялся и опять упал.

— Амалия, знаешь? — он сдерживал неровное дыхание, сердце у него стучало. — Амалия, у нас найдется еще одна кастрюля?

— Конечно,— ответила она.

— И крышка тоже?

— Да, а зачем тебе?

— Мы действительно стали как сумасшедшие с этим типом Фабером. Мы спасены...

Дядя Ваня, наконец, собрался с силами, проговорил:

— Да расскажи ты, парень, толком, что надумал.

— Что рассказывать? Будем добывать пресную воду.

Около двух часов разводили костер. Дров от мачты осталось мало. Разломали все ящики из-под инструментов и даже оторвали двойные доски от борта. Под огонь поставили кастрюлю, накрыв ее крышкой. В крышке выдолбили дыру, вставили в нее конец резинового шланга. Второй конец пониже опустили в литровую бутылку из-под спирта.

После часового подогрева кастрюля закипела, и струйки пара потекли по трубе, охлаждаясь. В бутылке они превращались в конденсат. Мелкие росинки медленно собирались в струйки. Сырые дрова горели плохо. К тому же много пара уходило через неровную дыру в крышке кастрюли. Через час натекло примерно около стакана влаги. Вместе с этими каплями воды сочилась сама вера в жизнь. Значит, надо гнать воду непрерывно сутки, чтобы добыть каждому стакан. Но где набрать столько дров? И люди снова приуныли.

— Ха-ха-ха,— раздался вдруг дикий смех Фабера.

Летчик, посмотрев на искаженное лицо диверсанта, заметил:

— Да он, видать, свихнулся.

— Я вас понял и раскрыл,— пророчески говорил немец. Мокрые волосы его сбились на лоб. Глаза горели.— Фюрер

может проиграть войну. Я спасу Германию. Я спасу...

Он пугливо пятился на нос, как будто кто-то собирался его схватить. И вдруг, не поворачиваясь, спиной со всего размаху прыгнул в воду, но тут же вынырнул и закричал еще безумнее:

— Спасите!

Летчик оторвал от мачты остатки снасти и бросил Фаберу конец. Но тот, захлебываясь, не в силах был удержать веревку.

Кое-как подтащили его поближе к борту и подняли наверх. Фабер совсем околечел. Его натерли денатуратом и влили в рот полстакана воды, которую люди добывали с таким трудом. К вечеру начался горячечный бред.

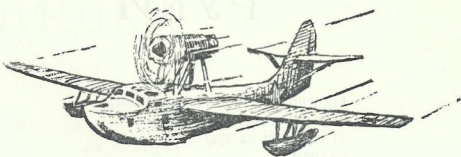
— Капитан, я не убивал, я невиновен. Уберите труп, я невиновен. Волки, всюду волки... Люди, мы пропали.

Через час он умер.

— Волки ему мерещились. И сам как волк, — сказал Виктор, поправляя повязку на плече.

* * *

Утром следующего дня пилот и штурман гидросамолета заметили на притихших волнах безжизненный вельбот. Когда

они пронеслись над ним, то увидели полужащих людей, которые силились подняться.

Самолет сделал второй заход. Алая ракета вырвалась из кабины летчика и взвилась дугой. Четверо в вельботе медленно поднялись на ноги: девушка с непокрытой головой, военный в кожаном реглане, высокий темноволосый юноша в фуфайке с забинтованным плечом и коренастый человек с санитарной сумкой.

Самолет сел, причалил к судну. Сбросили трап.

Спустя несколько недель полярники, а вместе с ними и Амалия, приехали на мыс Челюскина. Наперекор мукам и тяжелым испытаниям они достигли цели.

Север — тоже фронт.

г. Ленинград

РУКИ

Венцент ШАРГУНОВ

Он троллейбусным гуденьем,
как ребенок, убаюкан.
И затихли на коленях,
задремав,
большие руки.
Улыбается мужчина —
он, наверно, добрый,
чуткий.

С точки зренья медицины,
у кого большие руки,
у того большое сердце.
Он сидит в спецовке серой,
просмоленной.
Кто он,

где он?
Ничего о нем не знаю.
Что он делал,
что он сделал?

Снова руки я читаю.
На руках —
крутые жилы,
темную резьбой —
морщинки,

говорят,
они тропинки,
что проходим мы по жизни.
Сыпью —
вьединки окалин,
шрам
пролег
полоской узкой.

Видно, много испытали,
очень много
эти руки.

Сколько на руках
отметин!
Сколько метили на свете
Работяги-руки сами!..
У меня

перед глазами
эти руки будут долго.
Я раздумываю строго,
на свои
гляжу
с тревогой.

Когда кукуруза пришла на Урал?

«Королеву полей», кукурузу, на Урале стали выращивать недавно, начиная с 1954 года, когда по призыву партии ей была открыта «зеленая улица». А теперь новая для края культура стала уже привычной.

Колхоз имени Ленина в Ирбитском районе получил в 1957 году рекордный по стране урожай — 1548 центнеров зеленой массы с гектара. Пионеры начальной школы № 2 совхоза «Пышминский» вырастили на одном гектаре 1100 центнеров кукурузы.

Но, оказывается, интерес к этому замечательному растению проявлялся на Урале еще

много лет назад. Краеведы сообщали, что во второй половине XIX века уральские крестьяне пытались выращивать и внедрять кукурузу в наших условиях.

Недавно нашлись новые, весьма интересные сообщения.

В «Земледельческой газете» за 1914 и 1915 годы в трех небольших заметках Н. А. Скалозубов пишет, что в Курганском уезде (ныне Курганская область) им испытывалось 25 сортов кукурузы в 1913 году и 35 сортов в 1914 году. По его словам, все сорта «дали тот или иной процент вызревших початков». Скалозубов ут-

МАЛЬЧИШКА

Я очень еще мальчишка,
был мысленно в каждой из стран.
Я всем увлекаюсь слишком
и вижу во сне марсиан.

Дерусь —
не оставляю без сдачи,
пусть часто бываю побит.
От боли любой
не заплачу.

Заплачу —
тайком
от обид.

Мне,
выбрав камней дорожных,
«блины» по воде пускать.
С восторгом
повсюду
тревожить

застойную тишь да гладь.
Я прыгаю с крыши
на спор,
барахтаюсь в жарком снегу.

Взлетаю
на скользкую насыпь,
за поездом
долго
бегу.

Я знаю,
когда-нибудь после
серьезнее жить научусь.
Но все ж
равнодушно взрослым
быть сроду не соглашусь.

верждал, что кукурузу вполне можно выращи-
вать для получения хорошего зерна, а стебли и
листья использовать на корм животным.

Однако на дореволюционном Урале кукуру-
за не смогла пробить себе дорогу на крестьян-
ские поля. Ею вновь заинтересовались крестья-
не Зауралья позднее, уже в советское время.

В Шадринском государственном архиве есть
документы, из которых видно, что в 1921 году
крестьянин Балин привез с Украины 3 фунта ку-
курузного зерна, посеял его и получил зрелые
початки. В следующие годы Балин достиг уро-
жая зерна от 100 до 250 пудов с десятины.
В 1924 году через газету «Рабоче-крестьянская
правда» крестьянин-опытник горячо призвал
крестьян последовать его примеру и выращивать
эту выгодную культуру в Зауралье.

Кукурузой интересовались и в центральной
части Урала. Более того, здесь испытывали и
вводили новые, более приспособленные к су-
ровым климатическим условиям Урала сорта.

Так, в 1930 году в Ирбитском районе селек-
ционер П. Ф. Думнов подбирал скороспелые сор-
та для выращивания в местных условиях. И не
без успеха. Из одного такого образца, получен-
ного от Думнова, Башкирская государственная
селекционная станция вывела широко известную
теперь раннеспелый сорт Чимшинская-1.

В эти же годы изучением кукурузы как си-
лосной культуры занимались в Шадринске и на

Соликамской опытной станции. В Соликамске
еще в те годы сделали вывод, что кукуруза на
Урале как силосная культура будет выгодна.

А в 1940-х годах в Куединском районе Перм-
ской области Г. Г. Горбунов вывел новый сорт
кукурузы — Куединская гибридная. В течение
1947—1954 годов урожай зерна дошел с 30 до
60 центнеров с гектара, а зеленой массы — до
250 центнеров. За все эти годы не было случая,
чтобы кукуруза колхозника Горбунова не давала
спелых початков.

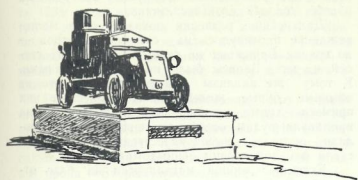
Много занимались кукурузой на Южном
Урале — в Башкирии. Эта культура появилась
здесь еще лет 50 назад. Завезли ее переселенцы
из Черниговской, Полтавской, Могилевской и
других губерний. На своих маленьких участках
они, в конце концов, вывели сорта, приспособ-
ленные к местным условиям.

В тридцатые годы энтузиасты кукурузы в
Башкирии пробовали внедрить ее на поля кол-
хозов и совхозов как зерновую культуру. Одна-
ко низкий уровень земледелия тех лет не по-
зволил достичь их дело до конца.

Как видите, кукуруза на Урале не такая уж
новая культура — уральские земледельцы зна-
комы с ней давно.

Э. Л. КЛИМАШЕВСКИЙ,
научный сотрудник УНИИ
сельского хозяйства

«У НАС НА ГЛАЗАХ ГОРОДИЩЕ РОДИТСЯ...»

Федор Иванович Толкачев возвращался с XXI съезда партии.

Он соскучился по привычному делу, по комбинату, по городу. Достав из кармана пачку фотографий Ново-Троицка, которые брал с собой в Москву, начал рассматривать.

— Что это?

Голубоглазый парнишка из соседнего купе, любопытный до всего, разглядывал через плечо Федора Ивановича снимок, который тот держал в руке.

— Броневик? Настоящий?..

— Памятник это. У нас в городе... — ответил Толкачев. — Видишь ли, сынок...

И под нетерпеливый перестук кресел завязалась эта беседа.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

...Стоит этот памятник у самой дороги. На высоком постаменте из светлого камня — металлический макет броневика, того самого, о котором в злых местах сложены песни и легенды. Их начали создавать в то время, когда шла упорная, тяжелая борьба за власть Советов. Атаман белоказачьего войска Дутов со всех сторон обложил Орск. Силы врага в несколько раз превышали небольшой гарнизон затерянного в степи, но очень важного в стратегическом отношении города. Его защитники находились на голодном пайке, истощались бое-

припасы. Однако ничто не могло сломить боевой дух тех, кто решил во что бы то ни стало драться до конца. Среди них был матросский экипаж броневика под командой большевика-балтица Филиппа Подзорова. Сюда, в бесконечные, как море, оренбургские степи, моряков послал сам Ленин, и каждый из них, посланцев Ильича, воевал геройски.

В один из дней августа 1918 года экипаж броневика совершил свой последний подвиг.

...Немногочисленная группа красногвардейцев держала оборону на высотах. Их пулеметы уже исчерпали весь боевой запас. Одна за другой умолкали винтовки. Но защитники города и не помышляли о сдаче. Они приготовились броситься в штыки, в смертельный рукопашный бой. И вот в это время из-за холма появился броневик. На полной скорости мчался он, обрушивая на врага огонь своих пулеметов. Красногвардейцы с новой силой бросились на белоказавов и заставили их повернуть вспять.

Однако на этот раз Филипп Подзоров увлекся погоней за врагом. Место было незнакомым, броневик застрял в болотной топи. Белоказавки воспользовались духом, но напрасно. На предложение сдаться броневик ответил огнем. На дальних и ближних подступах к грозной машине появились десятки мертвых тел. Лишенный способности двигаться, броневик превратился в неприступную крепость. Враги сожгли его. В последнее мгновение из горевшей машины донеслись слова «Интернационала».

Теперь на месте гибели броневика — памятник. Его построили комсомольцы Ново-Троицка — города, которого тогда, в дни боев за Советскую власть, не было и в помине.

Всем известно, что такое электрический выключатель. В комнате на стене он сделан для напряжения 127—220 вольт. А если напряжение больше? Как тогда?

Для мощных линий дальних электропередач, строящихся в новой семилетке, понадобились такие гигантские выключатели, которых еще не знает мировая техника.

На снимке С. Кропивицкого — новый выключатель МЭП-500, рассчитанный на напряжение 500 000 вольт. Его создали инженеры и рабочие завода «Урал-электроаппарат» для линии электропередач Волга — Урал.

ПИОНЕР

— А это, — Федор Иванович показал вторую фотографию, — наш самый старый пионер.

Со снимка тегло улыбался крепкий, коренастый человек со снежно-белой головой и глубокими морщинами на обветренном лице.

— Иосиф Леонтьевич Рудницкий — первооткрыватель железных руд нашего района.

...Январской ночью 1910 года слесарь Одесского судостроительного завода был арестован за участие в подпольном кружке РСДРП. Приговор судебной палаты гласил: ссылка на поселение в места «не столь отдаленные». Этап провела его почти через всю Россию, чтобы на долгие годы оставить в сибирской глухомани.

Район Ново-Троицка в 1947 году.

Единственными предприятиями в тех местах, где оказался Рудницкий, были небольшие, полукустарные золотые прииски. На одном из них начал работать ссыльный слесарь. Здесь он впервые заглянул в глубь земли, здесь в нем родился геолог.

На приисках Рудницкий встретил революцию. Ссыльный стал свободным, рабочий — ведущим приисками. Енисейское золото пошло на удовлетворение первых нужд родившейся в огне боев Советской Республики. В 1923 году он поехал учиться. Трудно было расставаться с этими сказочно богатыми местами, но Рудницкий уезжал только для того, чтобы вернуться сюда настоящим геологом.

Однако так получилось, что возвратиться не пришлось.

— Значит, в Сибирь, коллега? — переспросил своего сорокалетнего выпускника профессор горного института. — Одобряю! Но я бы попросил вас сделать кратковременную остановку: это по пути. Оренбургский горный трест крайне нуждается в геологе. Хотя бы на три месяца...

И Иосиф Леонтьевич приехал в Халилово, где развертывались большие поисковые работы. Три месяца растянулись на тридцать лет — не смог оторваться от начатого дела.

Рудницкий разведывал обнаруженные незадолго перед его приездом никелевые руды, занимался хромитом, магнетитом. Он исходил сотни километров, ощущая каждую пядь земли. Вскоре неумолимый разведчик был вознаграж-

Тот же район спустя десять лет.

ден. Недра района, как обнаружил он, хранили в себе мощный слой железняка.

Дальнейшие разведки показали, что месторождение протянулось на сотни километров — до границ Башкирии на севере и казахских степей на юге. Запасы были поистине огромными. К тому же анализы показывали, что это не обычные бурые железняки. Имевшиеся в них примеси хрома, никеля, марганца и титана придавали рудам особое значение. Они позволили получать высококачественные чугуны и стали без добавления ценных материалов.

Комбинат черной металлургии на базе открытых Рудницким богатейших руд стал заветной мечтой геолога. Он все чаще думал о новом гиганте, который поднимется в этих ставших уже родными местах. Дальнейшие упорные поиски, и результат ялицо: чистый известняк, глины, кварциты, формовочные пески. Для нового предприятия имеется все.

О будущем комбинате думал, конечно, не один Рудницкий. С радостью узнал он о том, что на XVIII съезде партии каждому делегату была вручена книжечка «Орско-Халиловская проблема». Потом прочел в решениях съезда: «Начать строительство новых металлургических заводов на Южном Урале на халиловских и бакальских рудах».

Рудницкий стал главным геологом комбината-новостройки. Много внес он и в создание самого города. Первые кирпичи на стройке жилых домов положены старым геологом. Его руками высажены и первые деревья в Ново-Троицке.

— Вот почему мы называем его пионером, — закончил рассказ Федор Иванович. — Почетное это звание...

ДОМНЫ — МОЯ БИОГРАФИЯ

— Домны? — спросил паренек, разглядывая следующий снимок.

— Домны, — подтвердил Федор Иванович. — Ишь, как сестры стоят... Вся биография моя — домны. Майевка, Магнитогорск, Нижний Тагил, а в последние годы — Ново-Троицк. Здесь я пустил пятнадцатую и шестнадцатую домны в своей жизни. Для нашего комбината они — первая и вторая. Вот они и на снимке.

Помню, вызвали меня из Майевки в Москву к товарищу Орджоникидзе. Удивился сначала: зачем мог понадобиться я, простой рабочий, народному комиссару. В приемной наркома народ со всей державы, люди все солидные. Первым вызвали меня. Встал навстречу Орджоникидзе и говорит: — Здравствуете, товарищ Толкачев, знаем мы о вашей работе, хорошо действуете.

Распросил о жизни, о делах на заводе, а потом и говорит:

— Посылаем мы сейчас лучших металлургов, чтобы уральский металл налаживать. И вас туда направить хотим. Как смотрите?

— На Урал? Далеко... Донбасс родным стал, обосновались вроде крепко.

Но ведь нужно для пользы народа. И поехал я на Урал.

...Первая домна Орско-Халиловского метал-

дургического комбината вступила в строй в марте 1955 года, вторая, известная всей стране, три с половиной года спустя. Слава к ней пришла уже в самом начале стройки. Молодые патриоты области объявили ее комсомольской и взяли обязательство вести дому в эксплуатацию за девять месяцев.

Если принять во внимание, что первая строилась два с половиной года, то станет понятным: срок был очень смелым. Но и ему пришлось отступить перед горячими сердцами и сильными руками молодежи. На 35 дней раньше срока «Вторая-комсомольская» дала чугуна, который сейчас знают повсюду! За него благодарят автомобилестроители Москвы и Горького, тракторостроители Харькова и Сталинграда. Его высоко ценят на предприятиях точного машиностроения и в экспериментальных институтах. Природнодегидрированный — снабженный необходимыми добавками от природы — чугун Ново-Троицка снискал добрую славу. Ее создают ученики обер-мастера Толкачева.

И сейчас, подъезжая к городу, Федор Иванович думал о том, чем порадуят его Сафаргалей Халилов, Алексей Африн, Алеша Первушин, как работает в эти дни смена молодого мастера Василия Федченко, первой на комбинате ставшая под знамена бригад коммунистического труда...

— А я вас видел в кино! — вдруг воскликнул паренек, внимательно смотревший на Толкачева. — На домне вы были. Чугун шел, будто огненная река.

— Дело у нас такое, огненное, — ответил Федор Иванович.

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД!

Кто-то из стоявших у окна сказал:

— Вот и Ново-Троицк!

Федор Иванович и паренек прильнули к стеклу. Чем дальше шел поезд, тем шире раскрывалась панорама горсда. Здесь все было знакомо.

Как великаны-богатыри, высятся коксовые батареи; в небо уходят массивные трубы. Коксохимический цех — настоящий «комбинат в комбинате». Он производит не только кокс, отсюда идут сульфат аммония — ценное азотное удобрение для полей; нужные в промышленности бензол и каменноугольная смола; полупродукты для выпуска медицинских препаратов, пластмасс...

И через семь лет эта продукция останется для коксохимиков главной. Но выработать ее будут в два раза больше. Для этого пристроят еще две коксовые батареи, новые химические установки. На помощь коллективу придут автоматы. Уже сейчас тут есть сплошь автоматизированные участки. Скажем, на сортировке кокса рабочий у пульта заменил целый штат машинистов, электриков, слесарей.

— Домны... Теплоэлектростраль... Мар-

тен... Копровый цех... — громко называл Толкачев. А сам думал о третьей домне, которая станет рядом с двумя действующими, о новых турбоагрегатах и котлах, что появятся в хозяйстве энергетиков, о семи мартовских печах, намечаемых к пуску в семилетие. Уже в будущем году комбинат начнет работать на полный металлургический цикл. Могучие прокатные станы превратят стальные слитки в рельсы, балки, полосы, листы. Пока прокатный цех целиком и полностью в руках строителей. Впрочем, не только строителей... Над толколистным станом, как раньше над второй домной, взяли шефство комсомольские организации города и области.

...Прямо к железнодорожной линии уже подступали улицы города. Всего десять лет назад генеральный план застройки города был только в линиях проектов, а ныне он осзаем и зрим. Уже застроена примерно половина города. Но весь он устремлен в завтрашний день. Толкачев подумал, что если бы сейчас городам присваивали гербы, то на гербе Ново-Троицка обязательно были бы башенные краны — так много их в городе.

Четверть миллиона квадратных метров жилых домов построено здесь за все прошлые годы, и столько же даст начавшаяся семилетка. Разрозненные поселки сольются вместе, в единый город, со своим театром и ширококраным кино, с горнометаллургическим техникумом, с институтом, с огромным парком в пойме Урала и фруктовыми садами на сотнях гектаров, с асфальтированными магистралями и трамвайными линиями, которые удлиннятся из года в год.

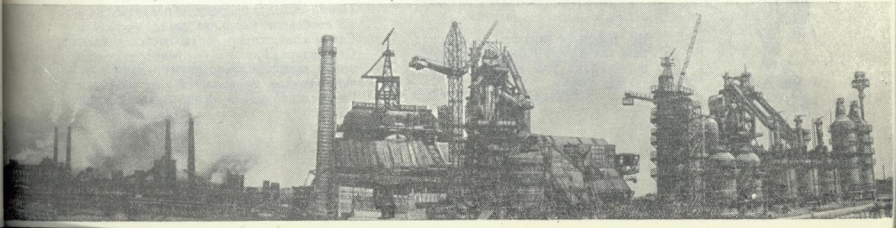
«1965-й год — 100 тыс. жителей», — так значится в плане развития города. А ему в том году исполнится только двадцать лет. Завидная юность!

Пассажирский поезд подходил к перрону. Уже слышались шумные возгласы встречающих, смех и песни. Вепкрытая ях, из репродуктора звучали стихи Владимира Маяковского:

У этого
города
нету традиции,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.
У нас
на глазах
городище родится
из воли
Урала,
труда
и энергии.

Они были написаны о другом городе. Но, слыша их здесь, в Ново-Троицке, думалось, что эти строки относятся именно к нему — городу без «вчера», но зато с таким чудесным «завтра».

Л. БОЛЬШАКОВ

Четвертый век

Глава из поэмы „Индустриальная история“

1

Ныне, веруя истую верой
в труд и правду, в закон и еду,
как строитель, особенной мерой
исчисление жизни веду.
Не за день или час —

за минуту
горизонт раздавался слегка,
мы чуток вырастали, как будто,
за два года пройдя сквозь века:
Земляной,

Деревянный,

Бетонный...

И уже замирает душа,
как загрохал над первой домной
завершающий век — Монтажа.
Он зиял перед нами разрезом
тайных стогов для огненных рек,
крыл железом, мостил их железом
и клепал их в железо навек.
В бужоке бронзового закала
пятым

праздничным

веком Литья
на глазах по часам вырастала
домна-матюшка,

юность моя,
не кренясь от сварного убора,
тягой в добрые тысячи тонн.
Знать, под стать ей земная опора,
нашей вечной завкаски бетон!
И задолго до первого снега,
все глаза устремив на январь,
ожиданием нового века
жил

единственный наш
календарь.

Не терпя ни единой поправки,
мы считали от каждой зари:
— Сколько зорек осталось до плавки?..
Вот — сто пять...

Сто четыре...

Сто три...

2

Но покамест, знамен не склоняя,
шли мы фронтом бетонных работ,
пусть слана уже домна вторая,
третью строим...

Четвертая ждет!

А кругом уже хмарились дали,
Ветер пуговки рвал на груди,
И на нас то снежком опадали,
то лились окладные дожди.

3

Как-то раз у крылечка столовой,
издалече приметный на взгляд,
увидали мы новый тесовый
с трехметровым значеньем плакат.
А на нем, как живой, без движенья,
дожий парень с разинутым ртом
встал навстречу нам ростом саженым,
прямо в лоб мой нацелился перстом,
будто требуя спросом законным,
строгой совестью точный ответ:
«Стой, товарищ!

А техникой домны
ты уже овладел или нет?»
Кто-то вычитал скороговоркой,
дескать, в девять часов в аккурат
мистер Шпрот, консультант из Нью-Йорка,
для рабочих читает доклад...
День субботний, а времени мало:
надо в баню и надо в кино.
Только сердце всегда уступало,
если домны касалось оно.
После смены, почти что не рада
в бездорожье терпеть маяту,
все же срочно решила бригада
навести на себя красоту.
Отскреблась от бетона и глины,
каждый сам спардился, как мот.
Апельсиновый блеск гуталина
не зажег моих драных сапог.
Первой выгой бесилась погода,
на путях становясь на дыбы...
И застряла бригада у входа,
вся, как в мыле, от жаркой ходьбы.
Лучше было сидеть бы нам дома...
Только вижу: по списку с листа
вызываются члены цехкома,
за столом занимают места.
И шепнул я: «За мною, ребята!»
Сам пробился. Повел и повел...
Прямо с ходу, по залу, к раздатке,
на свободное место, за стол.
Сел у края, совсем задыхаясь.
Отдыхался. Гляжу... А правей —
вся в шелку, проморенном духами,
чистокровная дама червей,
Глаз свинцовый, а бровь будто с нитку,

медным жиром горят волосы,
и лежит на плечах впередилку,
скала зубы в лицо мне, лиса.
И сейчас же, как яблочко красный,
услышал я, не чувствуя ног:
— Молодой человек, как ужасно
пахнет ваксой от ваших сапог!..
Но, звеня в колокольчик по чину,
председатель собрания встает
и выводит к трибуне мужчину,
дескать, вот вам и сам мистер Шпрот!
Как ударили все мы в ладоши,
в тыщу битых с мозолями рук:
ты хоть мистер, но, видно, хороший;
раз ты с нами, так, стало быть, друг.
Как один поднялись для привета,
оказали великую честь...
— Ну! Учи, помогай нам, советуй!
Разгляди нас, какие мы есть!
Трижды, руки сцепив и раскинув,
мистер кланялся, счастлив и рад.
Трижды перстнем звенел по графину
и кричал нам:

— Россия! Ол-райт!..

И, когда отошел, успокоясь,
сердце с сердцем забилось в лад,
глянул мистер в то сердце людское,
руки вскинул и начал доклад.

То назад оседая на пятках,
то на цыпках подавшись вперед,
говорил никому непонятно,
но сильно говорил мистер Шпрот.
Вудто вновь со столба по соседству
в ту трубу заработал опять:
первый радиоголос из детства:
звук железный, а слов не понять!..
Но, поставив последний крючочек
в свой с червонным обрезом блокнот,
встала сбоку мадам-переводчик,
равнодушно начав перевод:

— Мистер Шпрот потрясен и растроган,
лично видя, как трудно живет
богатырь, но покинутый богом,
черный труженик, русский народ!..
Тут я даже чихнул втихомолку:
«Верно, мистер! А бог-то при чем?
Может, ты, брат, не нашего толку
или крепко попами строчен?»

Ну, а речи ведут по порядку:
мистер — дама, и всяк в свой черед.

Мистер нам загадает загадку —
дама ключик к загадке дает.
Даже малость вокруг осветлело,
вширь и высь подраздался барак.
И по технике самого дела

мистер Шпрот нам докладывал так:
домна — уникум — нравом упряма,
столь ей надобно средств и ума,
так что даже Америка-мама
чуть не плачет с той дочкой сама.
Так ведь это ж царница прогресса,
все у ней на особый манер:
каждый мастер —

по классу профессор,
а любой горновой — инженер.
Что ж ты хочешь, касатка Россия,
с ничтогой бросаешь в бой,
или технику лбами ослять
голорукие слуги твои?
Кто из слуг твоих встанет у горнов
на премудрых и страшных печак?
Кто из слуг твоих схватит за горло

катастрофу, аварию, крах?

И, вздохнув умирительно, сладко,
аж в словах зажурчала слеза,
мистер нас оглядел и — заплакал,
рукавом утирая глаза.

Плакал мистер не меньше минуты
от щедрот христианской любви,
что раздеты, Россия, разуты,
не накормлены люди твои!..
Мы отчаянно сдвинули брови,
зуд смешинки на рту заглушив,
дескать, плачь, дорогой, на здоровье,
да про нас языком не греши.
Но уже, багровоющий к буре,
накаляясь во гневе молчком,
ахнул Шпрот по фанерной трибуне
двухпудовым на вид кулачком.

То ли вестником господа бога
грозный мистер поблазнился ей,
как по нотам, торжественно, строго
заработала дама червей:

— Мистер Шпрот возмущен беспардонным
своеволием русских коллег,

что монтируют первые докны
сверх возможностей, в холод и снег.
И отныне до самого лета
консультант-металлург мистер Шпрот
налагает последнее вето
на объекты монтажных работ...
Мы глазели с открытыми ртами,
в суть, как в мусть, проникая не вдруг.
И стоял, подобоси, перед нами,
будто впрямь господин наших рук,
сытый, сбитый из жира да сдобы,
на трибуну осев животом,
этот Шпрот, разопревший от злости,
сразу ставший заморским китом.
И, почти воссияв от успеха,
услыхал он, как всюду, не в лад,
в зале прыскали в шапки со смеха
работяги монтажных бригад.
Вспыхнул мистер, окинув сурово
молодые глаза по рядам...

И прочла нам последнее слово
с патефонным сердечком мадам:
— Мистер Шпрот глубоко озабочен
неразумностью мистеров тех,
кто позволил здесь русским рабочим
вызывать непочтительный смех!..
И тогда, от единого вдоха,
как пробрал нас да пронял всерьез
не смешок,

а безудержный хохот,
до упаду, до хрипа, до слез.
Все разгадки, что в душах молчали,
все смешинки, что в горле росли,

ПОМНИТЕ, ДРУЗЬЯ!

Это редкий снимок неизвестного фронтового фотографа-любителя.

Одна из славных страниц Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — создание Уральского добровольческого танкового корпуса. Бойцам его и рабочим Урала, осуществившим в 1943 году корпус всем необходимым, ныне заложен памятник на привокзальной площади Свердловска.

Уральские танкисты-добровольцы дошли от Орла до Берлина, затем шло Прагу. На своем пути они освобождали на территории тогдашней фашистской Германии десятки гитлеровских концлагерей. Тысячи людей самых различных национальностей были избавлены от мучений в неволе.

Вот как описывает такую сцену один из уральцев-добровольцев.
"Через минуту "тридцатьчетверка" с бойцами на броне, которые держали автоматы наготове, подъезжала к низеньким, огороженным в три ряда колодочей проволочкой баракам без окон и без труб. Танк для движущую пулеметную очередь по будкам, возмущающимся над оградой. Во дворе забегали гитлеровцы, а из баракон неслись восторженные крики.

Сминая проволоку, машина прошла к первому барaku и толкнула орудием дверь. Запоры лопнули, дверь слетела с петель и упала. Из темницы высыпали изможденные, обросшие, оборванные люди. Они говорили на разных языках, и их восторженные возгласы сливались в единый гул радости.

Автоматчики рассыпались по всему двору. Одни хватили гитлеровцев, другие — орудия, чем попали открывали остальные барки. Тяжелый запах от скученных человеческих тел вырвался из каждой двери.

Оттуда вываливались толпы заключенных.
— Вива, Сталин!
— Наздар, Русь! Наздар, руда армада!
— Салют, Москва!
— Ура-а!

Крики людей, опьяненных счастьем и свежим воздухом, были громче, чем орудийные раскаты и рокот моторов на противоположном конце городка. Автоматчиков обнимали, потом подхватили и понесли на слабых руках, и каждый из освобожденных старался хоть прикоснуться к грубому суку солдатской шинели, к испаряемой, погтертой маске.

На снимке знаменитый французский прогрессивный деятель Эдуард Эррио — академик, писатель, историк, музыковед, бывший председатель Национального собрания Франции, неоднократно глава правительства — с женой и командиром Челябинской танковой бригады Фомичевым. Гитлеровцы арестовали и посадили Эррио в 1942 году, и он был освобожден уральскими танкистами весной 1945 года. Снимок сделан в день освобождения Эррио вместе с тысячами других узников.

Друзья советского народа во всем мире свято хранят в памяти дни освобождения Европы от фашизма.

Снимок прислан заместителем директора по научной части
Челябинского краеведческого музея Д. ТКАЛИЧЕМ

так взрывались, что лампы качали,
деревянные стены трясли...
Посеркав леденеющим взглядом,
в царской шубе в полста килограмм
мистер

под руку с дамой
парадом
пошагал, отдуваясь, к дверям...
Кто-то звал приступить к перекуру,
кто-то «С богом!» гремел через зал,
кто-то даже «товарищем» слуху
чай пить с сахаром мистера звал.
Где-то пала гармонь с перебором,
в темноте, обрываясь с ремня,
а один старичок из конторы,
как чумной, налетел на меня.
А потом, извините, как баба,
головенку в ладони зажал
и взревел:

— Мирового масштаба!
Чрезвычайно опасный скандал!..
...Так что, если бонтоность нарушив,
мы судили про все напрямик,
ты прости наши русские души,
юность нашу,

товарищ цехком!
Сам винось в неустойке немалой:
позабыв, что я твой активист,
как пустил я вдогонку трехпалый,
деревенский мальчишеский свист.

Борис РУЧЬЕВ,
г. Магнитогорск

Рисунки В. БУБЕНЩИКОВА

14 лет

со дня победного окончания
Великой Отечественной войны

НА ПУТИ К МЕЧТЕ

Две даты истории человечества

Человек мечтает. И самые дерзновенные мечты людей постепенно становятся замыслом, планом, затем явью и былью. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», — поется в любимой песне нашего народа.

Наступает время превращения в действительность и древней мечты людей о полетах к небесным светилам. Пока еще такие полеты невозможны: слишком велики препятствия, поставленные природой. Ведь ни одно из завоеваний человеческого гения не давалось легко. Но все те чудеса, которые созданы людьми, творились ими без отрыва от земли. Полет к Луне связан с тем, что человек впервые в истории должен покинуть привычную арену деятельности. И, покинув Землю, он будет действовать в условиях, совершенно необычных. Это, главным образом, и отличает задачу полета в Космос, к другим планетам, от всех задач, которые решались человечеством в прошлом.

Ныне в историю человечества вписаны две даты, которые школьники будущего будут заучивать наизусть. Это 4 октября 1957 года и 2 января 1959 года — дни, когда советские ученые и рабочие создали и запустили первый искусственный спутник Земли и первую космическую ракету.

Первые шаги на пути к космическим полетам люди будущего, возможно, станут отмечать как всенародный, всемирный, всепланетный праздник.

Как мечтали сначала

Около трехсот лет тому назад монах Мерсен и артиллерист Пти провели интересный опыт. Они установили пушку стволом вверх и выстрелили. Они хотели выяснить, упадет ли выпущенное по вертикали ядро обратно в жерло пушки.

Тщетно Мерсен и Пти ждали возвращения снаряда. И, повторив опыт несколь-

ко раз, они заключили, что ядро остается в небе.

Они, конечно, ошиблись. Если бы Мерсен и Пти хорошенько поискали, они непременно нашли бы ядра где-нибудь в окрестностях.

В 1865 году Жюль Верн в романе «Из пушки на Луну» описал путешествие своих героев в снаряде, выброшенном огромным, врытым в землю артиллерийским орудием. Снова, на этот раз в художественном произведении, пушку использовали для того, чтобы бросить прочь от Земли снаряд. Герои Жюль Верна долетели до Луны, облетели вокруг нее и благополучно вернулись на Землю. Но в действительности не только пушки XVII или XIX века, но даже самые мощные артиллерийские орудия наших дней не могут «вытолкнуть» снаряд за пределы Земли. Существует сила, которая удерживает земные тела у Земли и мешает им ее покинуть.

Великая сила природы

Сила эта известна давно: всякое тело, будучи подброшено, падает обратно на Землю.

Интересно, что самые важные знания об этой силе были получены не из наблюдений на Земле, а из изучения неба. В середине XVI века великий астроном Николай Коперник установил, что не Солнце и планеты вращаются вокруг Земли, а, наоборот, планеты и вместе с ними Земля вращаются вокруг Солнца. Земля служит центром вращения только для Луны.

Через несколько десятилетий другой ученый — Иоганн Кеплер точно вычислил, по каким именно путям движутся планеты вокруг Солнца. Оказалось, что они вращаются не по окружности, а по эллипсам. Кеплер поддал мысль, что причина планетных движений — какая-то сила, идущая от Солнца. А выяснил характер этой силы знаменитый Ньютон.

Ньютон сформулировал основные законы всякого механического движения.

Тело, на которое не действуют никакие

силы, или движется по прямой линии с постоянной скоростью, или находится в покое. Если же на тело действуют силы, то скорость изменяется либо по величине, либо по направлению, либо и по величине и по направлению.

Эти законы Ньютона позволяют решать задачи двоякого рода. Если известны силы, действующие на тело, то можно вычислить, как именно оно будет двигаться, по какому оно пойдет пути, с какими скоростями.

Если же известно, как тело движется, то можно определить, какие силы на него действуют.

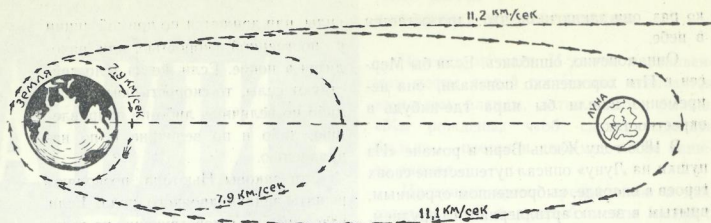
Ньютон применил к планетам открытые им законы движения. Он доказал, что между планетами и Солнцем действует сила притяжения, пропорциональные их массам и обратно пропорциональные квадратам расстояния между ними. Сила притяжения действует не только между Солнцем и планетами, но и вообще между всеми телами. Притяжение всякого тела к Земле — тоже одно из проявлений этой силы, названной силой всемирного тяготения. Ее и надо преодолеть, для того чтобы оторваться от Земли.

Интересно, что под действием такой силы тело всегда движется по вполне определенным известным траекториям — по окружностям, по эллипсу, параболе или гиперболе.

Как же оторваться от Земли?

Вокруг Солнца движутся восемь крупных планет, и среди них Земля ничем почти не выделяется. Она не самая крупная и не самая маленькая планета. Расположена от Солнца дальше, чем Меркурий и Венера. Зато отличается Земля плотностью,

она самая плотная из всех планет. Даже у Юпитера, объем которого в 1300 раз больше объема Земли, плотность почти в 4 раза меньше. Для нас это очень важно, так как именно поэтому сила притяжения у поверхности Земли относительно больше, чем у многих других планет. Зная свойства нашей планеты и пользуясь законом всемирного тяготения, можно вычислить, что нужно, чтобы брошенное с Земли тело не упало на нее обратно.

Расчеты показывают, что, пока скорость, сообщенная телу, меньше 7900 метров в секунду, то есть 7,9 километра в секунду, оно будет неизменно падать на Землю. Как только скорость тела достигнет 7,9 километра в секунду, то есть около 29 000 километров в час, оно уже на Землю не упадет. Но оно и не оторвется от Земли совсем, а станет вращаться вокруг, станет спутником Земли.

Эта скорость — 7,9 километра в секунду — называется первой космической скоростью. Ее называют также круговой скоростью.

Если скорость тела будет немного больше круговой, то и тогда оно не оторвется от Земли совсем, а также станет спутником. Но двигаться оно уже начнет не по окружности, а по эллипсу. И, чем больше избыток этой скорости, тем более вытянутым окажется эллипс.

Если же довести скорость тела до 11,2 километра в секунду, оно будет двигаться не по эллипсу, а по параболе.

Парабола — кривая незамкнутая, и

тело, получившее такую скорость, не вернется к Земле, а утратит всякую связь с ней.

Скорость 11,2 километра в секунду называется поэтому второй космической, или параболической, скоростью.

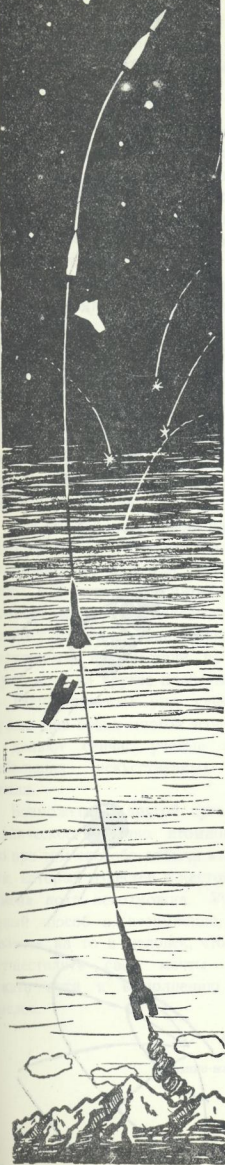
При еще большей скорости траекторией тела будет гиперболоа.

Итак, чтобы порвать с Землей, тело должно получить такой толчок, при котором его скорость превысит вторую космическую скорость — 11,2 километра в секунду, или около 40 000 километров в час. Но, порвав с Землей, тело еще не сможет порвать с Солнцем. Перестав быть спутником Земли, оно станет спутником Солнца, то есть планетой.

Тело, брошенное с Земли, может преодолеть и могучее солнечное притяжение. Для этого ему нужно сообщить скорость не менее 16,7 километра в секунду. Получив такую скорость — около 60 000 километров в час, — называемую третьей космической, или освобождающейся, скоростью, тело покинет пределы Солнечной системы и станет двигаться в необозримых просторах Вселенной. Затем оно может попасть в область притяжения какой-нибудь звезды, которая сделает его своим спутником-планетой.

Для путешествия на другие планеты нужен корабль, который мог бы получить на Земле по крайней мере вторую космическую скорость, то есть 40 000 километров в час.

Жюль Верн для этого предлагал пуш-

ку. Но никакое орудие не сможет сообщить снаряду космическую скорость: он выталкивается из ствола орудия и ускоряется давлением порохового газа, то есть ударами быстро движущихся частиц газа. Скорость снаряда не может быть больше скорости самих частиц, а при тех температурах и давлениях, которые может выдержать орудие, это не больше полутора-двух километров в секунду. Но даже если какое-нибудь чудовищное орудие и смогло бы сообщить снаряду космическую скорость, то она возникла бы почти мгновенно, за те немногие доли секунды, пока снаряд движется в канале ствола. И при таком быстром нарастании скорости любое живое существо будет раздавлено.

Не пушка, а ракета

Для путешествия к планетам корабль должен набирать нужную скорость постепенно. И не только у самой поверхности Земли, но и за пределами атмосферы. А самое главное, двигателю придется работать и ускорять движение до — полной пустоте, где кораблю не от чего отталкиваться.

Такой двигатель предложил великий русский ученый, страстный пропагандист внеземных полетов — Константин Эдуардович Циолковский. Он мечтал использовать для космических полетов ракету.

Если не вдаваться в детали, то ракета — это труба, закрытая с одной стороны и наполненная топливом. Сгорая, топливо превращается в газ высокого давления и температуры, который с силой вырывается из открытого конца ракеты. Ракета испытывает «отдачу» и устремляется в сторону, противоположную движению выходящего газа.

Однако, чтобы ракета могла приобрести нужную скорость, в ней нужно сжечь непомерно много топлива. Построить такую ракету совершенно невозможно. К. Э. Циолковский предложил много-

КАКАЯ ЖЕ ОНА — ЛУНА?

Поверхность той стороны Луны, что постоянно обращена к Земле, отчетливо видна «стеклянными глазами» исследователей неба — астрономов. При статкратном увеличении с помощью любительской подзорной трубы среднее расстояние до Луны сокращается до 4000 километров.

Поверхность Луны в 13,5 раза меньше поверхности Земли, объем ее составляет 1/50 часть земного объема.

Диаметр Луны — 3476 километров, а удалена она от нас примерно на 30,13 земных диаметров.

Как установлено новейшими исследованиями, восприятие солнечного тепла и его излучение, которые на Земле благодаря воздушной оболочке взаимно уравновешиваются, на Луне происходят необычайно быстро. За время четырнадцатидневного лунного дня поверхность ее нагревается до 120 градусов и в течение столь же продолжительной лунной ночи охлаждается до —160.

Предполагают, что небо на Луне совершенно черное, даже днем, так как там нет воздушной оболочки, которая рассеивала бы солнечный свет. Рядом с ярко блестящим Солнцем на небе спокойно сияют звезды. Поэтому лунная поверхность может служить идеальным местом для обсерватории. Ни атмосферные туманности, ни движение воздуха не могут помешать наблюдениям.

В сильные телескопы можно видеть детали лунной поверхности протяжением в 100 метров. Больше темные площадки ранее принимались наблюдателями за моря. Позднее, когда выяснилось, что на Луне нет воды, установили, что это низменности и равнины, которые кое-где пересекаются возвышенностями. Названия этим «темным пятнам» дали примерно в XVII веке. Они сохранились: Море Дождей, Море Облаков, Море Кризисов, Океан Бурь. Их отвечает-

КАКАЯ ЖЕ ОНА— ЛУНА?

ния называют заливами: Залив Росы, Залив Радуги, а небольшие отдельно расположенные участки — озерами: Озеро Смерти, Озеро Сновидений.

Есть там и болота. Это некоторые области, которые по яркости занимают промежуточное положение между морями и материками: Гнилое болото, Сонное болото.

Все более светлые части лунной поверхности гористы. Например, большое Море Дождей окаймлено «Альпами», «Апеннинами» и «Карпатами». Высочайшие вершины этих изрезанных ущельями гор на многие тысячи метров возвышаются над поверхностью: некоторые пики в «Апеннингах» высотой больше чем 6 000 метров.

Южная часть, как и многие другие места лунной поверхности, покрыта характерными кольцевыми горами, часто с конусами посередине. Их именуют кратерами, или цирками. Они носят имена прославленных деятелей науки, техники, истории: Платон, Коперник, Струве, Ньютон. Диаметр таких кольцевых гор колеблется от нескольких сот метров до более чем 200 километров.

Происхождение кольцевых гор до сих пор неясно ученым. Некоторые считают, что кратеры и цирки — это воронки, образовавшиеся в результате взрывов крупных метеорных тел, упавших на лунную поверхность. Такие же образования имеются на Земле, но со временем они разрушаются под действием воды и воздуха. На Луне они сохраняются в течение очень долгого времени, и за миллиарды лет их накопилось там, несомненно, много.

По другим теориям кратер образовался в результате вулканических извержений.

Но окончательно высчитать этот вопрос, как и многие другие, можно будет только в будущем, когда мы побываем на Луне или увидим ее вблизи.

ступенчатую ракету. Это несколько соединенных вместе ракет, действующих не одновременно, а последовательно. При взлете начинает работать первая, нижняя ракета (первая ступень). Израсходовав свое топливо, она отделяется, и начинает работать вторая ракета, и так далее... Скорости, развитые каждой из них, складываются. Последняя, верхняя ступень ракеты будет космическим кораблем, если она достигнет второй космической скорости.

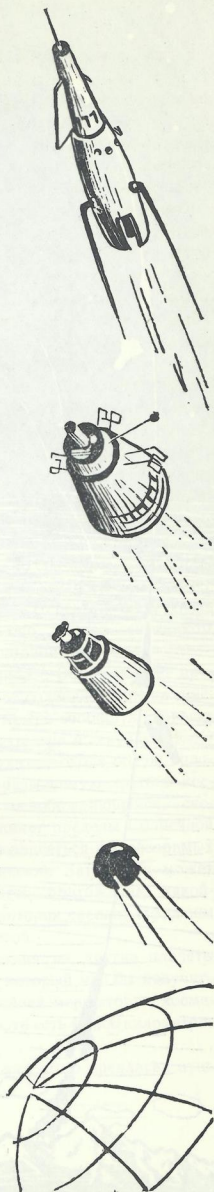
Многоступенчатыми ракетами и воспользовались советские ученые для запуска первых искусственных спутников Земли. Они достигли скорости, несколько большей первой космической. А 2 января 1959 года советская многоступенчатая ракета достигла и второй космической скорости — стала искусственной планетой.

Что же осталось сделать?

Будет время, межпланетная ракета с пассажирами, снабженными всем необходимым для жизни и для научных наблюдений, отправится в путешествие на Луну. Затем корабль должен будет взлететь с Луны, «спуститься» с нее и приземлиться. Программа как будто бы не очень сложная и времени потребует немного — всего несколько дней. Тем не менее она пока еще не осуществима.

При запуске искусственных спутников и искусственной планеты в космическое пространство удалось забросить около полутонны. Для этого в многоступенчатой ракете было запасено и сожжено огромное количество топлива на каждую тонну выбрасываемого веса.

Для посадки на Луне необходимо топливо, чтобы ракету затормозить. На Луне тоже действует сила тяготения, правда, меньше, чем на Земле. Вторая космическая скорость там равна только 2,5 километра в секунду. Эту скорость при посадке придется гасить работой двигателя, раке-

ты, а при взлете с Луны опять запустить его. При возвращении на Землю снова нужно будет топливо, чтобы затормозить ракету, иначе она, подобно метеору, сгорит в земной атмосфере.

Значит, в космическом корабле надо запасти такое количество топлива, которого хватило бы на дорогу туда и обратно. Поэтому корабль будет весить не одну тысячу тонн. Из них обратно на Землю тоже вернется большой груз: пассажиры, приборы, кабина и прочее.

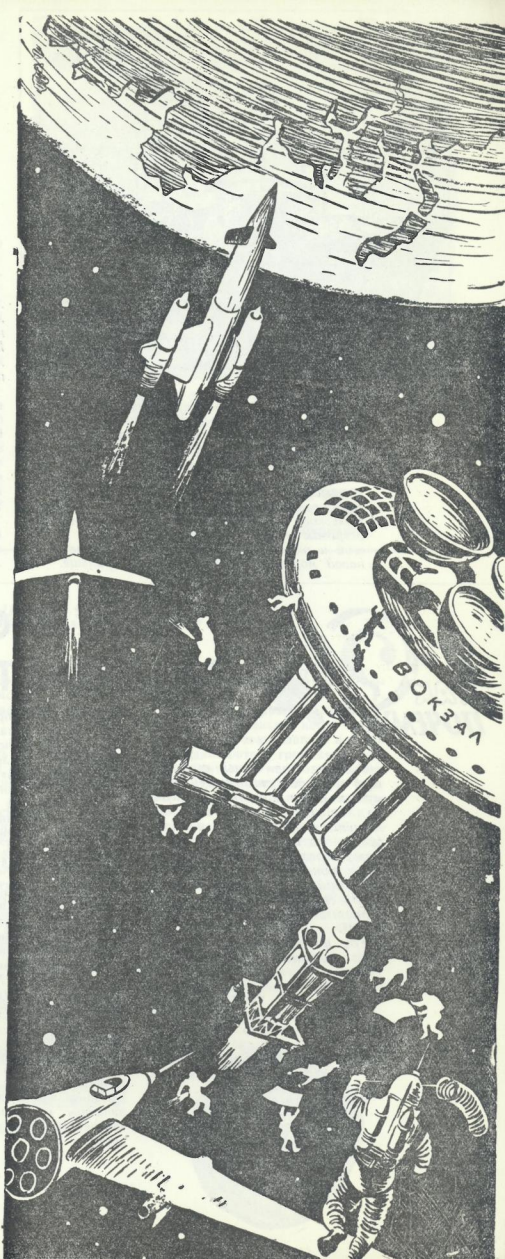
При запуске такого корабля с Земли придется сжигать не сотни, а сотни тысяч тонн топлива. Разумеется, никакая ракета такую массу топлива не вместит. Если же сделать расчет для полета на Марс, то окажется, что вес ракеты на старте должен быть равен десяткам или сотням миллионов тонн. Но это не значит, что полет человека на другие планеты по-прежнему остается только темой для авторов фантастических романов.

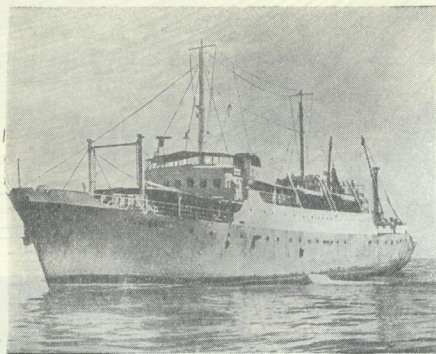
Все эти трудности были известны К. Э. Циолковскому. Поэтому он предложил стартовать не с Земли, а построить для этого искусственный спутник вне земной атмосферы. Расчет показывает, что при взлете с такого спутника «вокзала» станет возможным путешествие не только на Луну, но и на другие планеты.

Такие проекты уже существуют, но нужно еще очень многое исследовать, что и делают сейчас ученые с помощью небольших искусственных спутников Земли.

Возможен и другой путь — заменить техническое топливо атомной энергией. Но при том способе добычи атомной энергии, который известен в настоящее время, замена пока невозможна. Ученые ищут новый способ и, несомненно, найдут его. Человек на то и человек, чтобы мечтать, осуществлять свои мечты и, мечтая, искать пути к выполнению своих замыслов.

А. КИКОИН,
кандидат
физико-математических
наук

„СВЕРДЛОВСК“

Далеко от нашей Родины, у берегов Канады, лежит остров Ньюфаундленд. Суровые берега, холодный и влажный климат, скудная растительность делают этот остров малопривлекательным. Но ньюфаундлендские отмели богаты рыбой. Уже много лет из года в год сюда приходят корабли из Англии, Франции, Соединенных Штатов...

Свердловск у берегов Канады! Удивительное сочетание! Однако последние три года Мурманские моряки, промышленники треску, пикшу, морского окуня, очень связывают имя уральского города с побережьем Северной Америки.

Произошло это таким образом. Мурманские промысловики — настоящие следопыты морских просторов. Они ловят рыбу не только у побережья Кольского полуострова, а идут к Лофотенским островам и ищут рыбные стаи у острова Медвежий и около Шпицбергена. Несколько лет тому назад моряки задумали пойти еще дальше.

В 1954 году здесь побывал и первый советский корабль. На нем вместе с промысловиками были ученые. Началась разведка нового района. Скудные сведения о течениях, о погоде, разбросанные по различным книгам, изданным за границей, мало помогли. Нужно было самим изучать неосвоенные воды! Первый рейс не принес успеха. За ним последовал второй, третий.

Удача выпала на долю «Свердловска». Это большой новый корабль. Он может целыми месяцами ходить в море. Запасов топлива для его мощного дизеля хватает надолго. Обработка

ЧТО ЭТО ЗА МОНЕТА?

У одного из своих товарищей я увидела старинную медную монету и сфотографировала ее. На лицевой стороне монеты под короной изображены два соболя. По наружной кромке надпись: «Сибирская монета», а в центре другая надпись: «Копейка, 1772 год». На оборотной стороне монеты — вензель Екатерины II.

Где и кем была чеканена эта монета?

Л. СЕЛЬСКИЙ,
г. Фергана

Монета, о которой спрашивает Л. Сельский, чеканилась в Сибири на Кольванском монетном дворе. Под вензелем Екатерины II стоят буквы «КМ», они означают: «кольванская монета».

Этот монетный двор, основанный при Екатерине II, находился далеко от центра России, на Алтае, в Нижнем Сузуне на реке Оби, северо-западнее теперешнего Барнаула.

В отрогах Кольванского хребта с давних пор добывалась медная руда. В начале XVIII века уральский заводчик Акинфий Демидов построил там несколько меднорудных заводов. Около них и был основан Монетный двор.

Медную монету начали чеканить на нем с 1763 года. Предназначалась она только для Сибири. «Сибирская монета» выпускалась нескольких достоинств: полушка, деньга, копейка, 2 копейки, 5 копеек и 10 копеек. Внешним видом эти монеты отличались от своих «собратей», чеканенных на других монетных дворах.

Во-первых, они имели более художественный и своеобразный рисунок. В него были включены основные элементы герба Сибирского края: два соболя, увенчанные короной.

Во-вторых, «Сибирская монета» имела несколько меньшие размеры, чем другие подобной стоимости монеты России. Объясняется это тем, что кольванская медная руда была с некоторым содержанием серебра и даже золота.

После 1781 года Нижне-Сузунский монетный двор чеканил обыкновенную монету по готовым штампам, присылаемым из центра.

Прекратил свое существование этот самый далекий в России Монетный двор в 1848 году, когда большой пожар полностью уничтожил его.

Ю. САКНЫНЬ

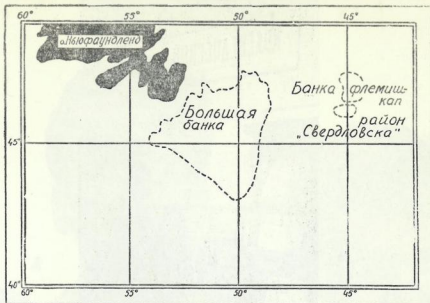

у берегов КАНАДЫ

рыбы происходит в помещении под палубой, а не на открытом воздухе, как на старых кораблях. «Свердловск» — настоящая плавучая фабрика. В порту к нему подгоняют железнодорожные вагоны и в них грузят готовую продукцию: консервы, мороженое тресковое филе, рыбную муку для корма скота, приготовленную из отходов.

И вот удача выпала на долю этого прекрасного корабля, названного в честь славного города тружеников! Команда «Свердловска» начала ловить рыбу не там, где ее добывали иностранцы. Моряки и ученые открыли новую рыбную отшель, лежащую в стороне от известных мест промысла. Это место назвали район «Свердловска».

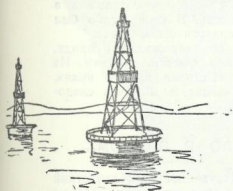
Может быть, океанографы и называют эти места, расположенные рядом с Ньюфаундлендскими банками, как-нибудь иначе, советские моряки, идя за рыбой к берегам Канады, говорят: «Мы идем в район «Свердловска». Славное имя индустриального центра Урала, перенесенное в далекий район, живет и здравствует!

Штурманы корабля составили промысловую карту открытого района. На ней показаны глубины, течения, места наиболее обильных уловов рыбы.

Позднее открыли еще одну промысловую отшель, названную «Одессой», по имени другого корабля. Постепенно советские моряки освоили весь крайний северо-запад Атлантического океана. Они ходят за рыбой и к Лабрадорскому полуострову и к западным берегам Гренландии.

Б. ЯРОГОВ,
сотрудник Полярного института,
г. Мурманск

ЖЕЛЕЗНЫЕ ОСТРОВА

метров. Кама выйдет из берегов, образуется Камское море. А берега, леса и скважины будут затоплены.

Что делать? Лес начали вырубать и вывозить на лесопильные заводы. А как поступить с нефтяными скважинами? Не бросать же их!

Нефтяники сначала удлиннили трубы скважин. Потом вокруг скважин на некотором расстоянии в почву были вертикально забиты длинные стальные балки, плотно соединенные между собой. Постепенно вокруг скважин поднялись сплошные железные стенки. Затем в середине металлического стакана строители насыпали землю. Получился железный остров.

От островов на берег по дну моря проложили трубы для перекачки нефти, электрические и телефонные кабели. Строительство железных островов ни на один день не останавливало работу промысла.

Сейчас на железных островах в Камском море возвышается не-

сколько десятков нефтяных вышек.

Летом на острове работают хорошо. Не осенью, когда ветер срывает с головы шапку, а в море поднимаются громадные волны, добраться к месту работы не легко. Однако нефтяники не унывают. Скоро управление скважинами на Камском море будет производиться с берега. С помощью ультракоротковолновой радиостанции диспетчер соединяется со скважиной. Прежде чем отдать приказ, он спрашивает скважину о работе механизмов. Автоматические приборы, установленные на морской скважине, отвечают диспетчеру по радио шифрованными сигналами. «Выслушав» их, диспетчер сообщает скважине наиболее удобный режим работы.

Так на железных островах в предстоящей семилетке будет работать автоматика. Она намного облегчит труд людей и увеличит добычу черного золота.

Б. ЦЫВЬЯН

Это произошло лет десять тому назад.

Недалеко от города Перми, на западном склоне Урала, было открыто месторождение нефти. Полазникское месторождение «черного золота» оказалось на глубине всего лишь 1300 метров, но... как раз под рекой Камой.

Чтобы добраться до него, нефтяники решили бурить скважины с берега с небольшим наклоном. Так и сделали. Все было хорошо. Скважины попадали точно под русло реки. Нефть находилась в пластах под большим давлением и сама поднималась на поверхность земли.

Но скоро пришлось решать новую задачу. Нефтяникам сообщали, что после окончания строительства плотины Камской ГЭС, уровень воды поднимется на 18

Музей в музее

В Ирбитском краеведческом музее, в зале «Оружие гражданской войны и революции» висит ружье. С виду оно ничем не примечательно: ружье как ружье. Но посетители музея разглядывают его с уважением. В 1907 году, в дни крупного восстания крестьян на Урале, оно было в руках крестьянина деревни Горки Гашкина. Он-то и подарил это ружье ребятам, следопытам Ирбитской первой средней школы им А. М. Горького. Это один из первых экспонатов, собранных ими. Потом экспонатов стало так много, что пришлось открыть свой музей. Зал № 2 в краеведческом музее и есть этот школьный музей. С 40-й годовщины Октября, когда он был организован, его посетили свыше четырех тысяч ирбитчан.

Пройдемся по музею. Стенды рассказывают о деятельности большевиков до революции и после Октября, о первых комсомольцах-ирбитчанах. В слезах, рисунках, фотографиях показан боевой путь Первого Камышловского полка и партизанского отряда А. К. Барышникова.

Здесь же оформленные ребятами альбомы — «История заводов города Ирбита».

В отделе нумизматики собраны монеты различных веков. В отделе археологии можно увидеть настоящий череп носорога со всеми зубами, рога древнего быка, кости мамонта. Тут же коллекция минералов, горных пород. Рядом — гербарии лекарственных растений.

И все собрано и оформлено руками следопытов.

Сейчас музей передан школе.

По следам истории

— Как это началось? — вспоминали недавно ребята.

— Да ведь с карты началось!

И верно, с карты.

В музее висит «звездная карта». В центре ее отмечен кружочком Ирбит, от него идут линии-стрелочки к Челябинску, Невьянску, Перми, Ленинграду, Ульяновску, Егоршино, Асбесту... Это места, где побывали туристы Ирбитской первой школы. Они познакомились с крупнейшими

У СЛЕДОПЫТОВ ИРБИТА

предприятиями Урала: Каменск-Уральским алюминевым заводом, Нижне-Тагильским металлургическим комбинатом, Арамилской суконой фабрикой, Баженовской МТС и другими.

Однажды на заседании кружка кто-то спросил, глядя на эту карту:

— Что же получается — с Ленинградом знакомы, Поволжье изучаем, а своего района не знаем? Может быть, есть книга по истории Ирбита?

Но руководитель Я. Л. Герштейн ответил, что книга есть, да издана она еще в 1872 году.

— Так давно?!

И решили: напишем историю города.

Начали с экскурсии в краеведческий музей, а потом пошли по памятным местам. Давно знакомые места и здания вдруг стали приобретать новое содержание. Следы истории ребята открывали там, где совсем ее не подозревали. Оказалось, что ничем не примечательное здание райпотребсоюза связано с именем крупнейшего московского фабриканта Саввы Морозова, который привозил товары на Ирбитскую ярмарку. В здании школы № 12 была провозглашена в 1918 году Советская власть. В селе Рудино был первый уральский металлургический завод.

Ребята беседовали со старожилками города, писали сочинения, делали снимки, рисунки. Из них составили альбом «История нашего края». Так начали свой увлекательный путь следопыты Ирбита.

Не все вошло в альбом...

Когда в деревне Кирга восьмидесятилетний Иван Маркелович Григорьев рассказал ребятам легенду, она не всем пришлась по вкусу. Мало ли слышали они легенд и сказаний, а эта была ничем не примечательная. В ней говорилось о том, как дружина Ермака в здешних местах сражалась с войсками татарских ханов. Один из татарских отрядов решил погибнуть, но не сдаваться в плен. Воины подрубил деревянные стойки, поддерживающие потолки землянок, и похоронили себя заживо.

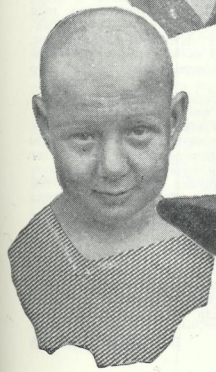
Легенда как легенда, но неожиданно старик добавил: «Хотите, покажу это место? Меня туда дед водил».

Вот это уже интересно! Легенда становилась живой историей. Взяли подводу и отправились в путь. Место нашли. Теперь дело за раскопками.

В деревне Крутой один старожил рассказал, что лет тридцать назад он рыл яму для

Ирбитские следопыты, учащиеся школы № 3 имени А. М. Горького: 1. Миша Пермяков, 2. Ляля Снегатица, 3. Валерий Зырянов, 4. Володя Речкалов, 5. Толя Егоров, 6. Борис Николаев, 7. Лена Волыньских, 8. Ляля Соини, 9. Люся Черемных, 10. Слава Елохин, 11. Женя Елфимов, 12. Валя Трушинова.

Фото Я. Герштейна

колоды в соседней деревне Пискуновой и на глубине 4—5 метров обнаружил огромные кости мамонта. Часть извлекли тогда, часть осталась. Это подтвердил и другой старик. Отправились вместе к заброшенному колоду.

Таких мест нашли немало. Их нанесли на отдельную карту — археологическую.

Археологическая карта входит в состав краеведческого атласа, который впервые в Советском Союзе сделали следопыты первой ирбитской школы. Мысль о том, чтобы создать такой атлас, возникла в 1956 году. Для начала сделали фото-схему района. На карту наклеили 40 маленьких фотографий; снимки населенных пунктов, ландшафтов, наиболее характерных для Ирбитского района. Этим занимался Виктор Белоногов.

Геологическая, почвенная, топографическая карты имелись в музее, туда только внесли изменения и исправления, взятые из справочников, книг, из собственных наблюдений.

Карту полезных ископаемых, лекарственных растений составили Володя Соин, Сережа Пупышев, Витя Колодеев, Лира Решетникова, Боря Елифанов.

Считают, что в Ирбитском районе есть только глина и песок. Но ребята интересовали даже самые незначительные месторождения полезных ископаемых, найденные раньше и случайно.

Летом 1958 года группа ребят вместе с директором краеведческого музея Л. М. Захаровым по заданию Уральского геологического управления исследовала район реки Кирга. Они собрали образцы найденных пород и с подробной объяснительной запиской отправили в Свердловск. Оказалось, что ребята открыли неизвестное до сих пор в Ирбитском районе месторождение графия. Отметили его на своей карте полезных ископаемых, а геологи дали о найденном месторождении справку.

А вскоре на карте появился значок золота. В Ирбитском районе и золото! А дело было так. Георгий Петрович Мордяхов — старейший учитель школы — рассказал ребятам, что, когда он был мальчишкой, его отец и другие крестьяне нашли золото в урочище близ деревни Мордяхихи. Мало его оказалось. Но раз оно было раньше, почему его не может быть сейчас! Надо поискать!

Одна из карт предназначена для начинающих туристов. Составили районную «круговетку»: 20—30 километров по радиусу, 180 километров протяженность. Можно путешествовать на лыжах, пешком, на велосипедах. На карте указаны наиболее интересные объекты для экскурсий, удобные места для привалов, ночлегов, дневков. Такое путешествие дает представление о природе и хозяйстве района. Следопыты первой школы прошли «круговетку», а теперь по ней идут другие школьники города, района.

Всего в атласе шестнадцать карт, и он не один. Инициативу ирбитчан подхватили все районы нашей области. В 1958 году такие краеведческие атласы привезли на слет в Свердловск многие школьники-туристы. Их стали создавать и в других городах нашей страны.

Увековечить память героя

О комиссаре Григории Александровиче Усевиче ребята прочитали в книге «История гражданской войны». Председатель Московского военного революционного комитета в октябре 1917 го-

да, один из командиров прославленного Камышловского полка, он погиб в первом бою за Советскую власть в Ирбитском районе в 1918 году. Но где и как — неизвестно.

Следопыты решили обратиться к очевидцам. А потом возникла идея — пройти по местам боев прославленного Камышловского полка.

Отправились в поселок Красногвардейский. Здесь формировался полк, здесь живут восемьдесят бывших бойцов и командиров его. По местам боев ребята повели Иван Григорьевич Филаретов — начальник связи полка и Иван Иванович Чебаков — начальник хозяйственной команды. Филаретов показал ребятам, где находился его блиндаж, где велась запись добровольцев. На лодках, совсем как в 1918 году, следопыты проплыли к месту большевистских сходок — на Тимин Камень. А потом прибыли на место первого боя, где в числе семи героев погиб комиссар Усевич.

От жителей соседней деревни ребята узнали, что после установления Советской власти бойцы поставили на месте могилы столбик-обелиск со звездочкой. Он, по-видимому, сгнил. Но ребятам все же повезло. Появился старик, который сам участвовал в захоронении бойцов. Он примерно помнил место, и с его помощью остаток обелиска был найден.

Над могилкой склонилось дерево, на нем сделали зарубку и написали: «Здесь могила комиссара Усевича».

А впереди...

Совсем недавно в школу пришел альбом-эстафета «Наши славные земляки-ирбитчане». Нужно было рассказать о пяти лучших людях города, а потом передать его в следующую школу. На очередном занятии кружка Яков Львович Герштейн сказал ребятам: «Посмотрите внимательней вокруг себя. Может быть, замечательные люди есть и среди нас, в нашей школе».

И оказалось, что преподаватель школы, физрук Михаил Тимофеевич Шелканов строил Комсомольск, в годы Отечественной войны добровольцем пошел на фронт, прошел боевой путь от рядового до гвардии майора, имеет четыре ордена и медали, коммунист. Славный земляк!

А Валя Вологодских закончила два года тому назад школу № 1, поступила на мотоциклетный завод, освоила профессию сверлошниц, стала одной из первых зачинательниц соревнования на звание ударницы коммунистического труда.

Ребята гордятся такой выпускницей.

А впереди... пора многих находок и встреч. Как только оттаят земля, у Северного моста надо раскопать скелет мамонта. Там уже нашли бивень и череп, но интересно найти весь скелет, собрать и выставить в музее. Летом раскинуть лагерь на месте татарского захоронения и там покопать, порасследовать. Ведь не зря сложили легенду!

И наконец — поехать на областной слет туристов в Свердловск, познакомиться с промышленными предприятиями, созданными в годы пятилеток.

Кстати, следопыты первой школы — участники трех Всероссийских туристских слетов, неоднократные победители областных слетов.

Е. КОНСТАНТИНОВА

КАЧКАНАР

Известный уральский живописец Александр Филиппович Бурак неутомимо работает над картинами, рассказывающими о жизни нашего своеобразного края — края тяжелой индустрии и дикой, нетронутой природы. Художник много ездит по Уралу в поисках наиболее выразительных пейзажей, знакомится с производством, с героями своих будущих произведений, изучает их жизнь и труд. Сейчас Александр Филиппович увлекся новой темой: как осваивается наша уральская «железная велика», рудное месторождение, одна из новостроек семилетки — Качканар (см. «Уральский следопыт» № 7, 1959 г.). Публикуем заметки А. Ф. Бурака, его рисунки и этюды о Качканаре.

1

Двенадцать лет назад я впервые побывал в этих тогда совершенно диких местах Северного Урала. Знаменитая гора Качканар! Говорят, что она вся из железной руды.

...Подвода подъезжала к присковому поселку Косья в ненастный холодный день. Могучий силуэт вершины Качканара вырисовывался еще издали. Чем ближе подъезжаешь, тем величественнее она выглядит. Темные леса, голые скалы, крутые, неприступные. Заморосил дождь, все потемнело вокруг, и Качканар стал еще суворее.

Вот и первые домики поселка притулились к самому подножию горы. У меня был адрес Туркеевых, и я заспешил к ним.

Здесь я познакомился и подружился с Рудиком, тринадцатилетним сыном хозяйки. Договорились, что Рудик утром пойдет со мной на вершину Качканара.

Утром, чуть забрезжил рассвет, я услышал над ухом голос:

— Дядя Саша, вставайте.

Я открыл глаза. Рудик уже одет. Широкий отцовский пиджак, старая с изломанным козырьком фуражка, из-под нее пыльными клочьями вылезают белые кудри.

Через пятнадцать минут мы шагаем по тихим улицам поселка. Рудик быстро идет впереди. Я вижу перед собой его большие, поношенные сапоги, спутанную спину, узелок на плечах. В правой руке сучковатая палка.

Через километр начался лес. Сначала мелкие ели, сосенки. Потом пошел лиственный кустарник: березки, осинки. Мы шли по дорожке.

— Дорожка идет до вершины? — спросил я.

— Тропка идет в обход горы, по ней идти долго. Мы пойдем прямо, вверх.

— А не забудимся?

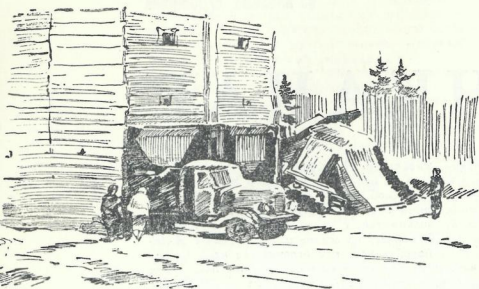
— Пройдем! — уверенно ответил Рудик.

Лес становится гуще. Высокие ели, сосны. Затрещал под ногами валежник, когда мы свернули с тропки, и высокая трава обступила нас. Порой черные коряги преграждают нам путь. Мы перелезаем, перешагиваем через них, некоторые приходится обходить стороной.

— Когда-то был большой пожар. Он прошел полосой, и здесь словно кладбище леса, — рассказывает Рудик.

Я смело иду за ним. Пройдя метров триста-четыреста по этому дикому кладбищу леса, мы вступаем в полосу каменных россыпей. Все устало камнями самой причудливой формы. Мягкий густой мох покрыл их толстым слоем.

Останавливаемся, чтобы написать этюд. Пишу, как в лихорадке. Хочется быстрее запечатлеть эту неповторимую красоту, величие могучего сказочного пейзажа. Закрыв плотным серым тоном холст, вписываю причудливые силуэты скал, там и здесь выступающие группы елей, пихт, коряг. Захватывает какое-то очень сильное настроение, очень необычный колорит, цвет.

Снова подъем. Огромные вековые деревья стоят, плотно прижавшись друг к другу. Куда ни кинешь взор — стволы, стволы и стволы. Глянешь вверх — сплошные ветки. Огромные лапы пихт, кедров, елей словно переплелись друг с другом. Они закрывают небо. Даже в яркий солнечный день здесь темно. Густой мягкий мох покрыл все кругом. Он взгорблен, вырисовывается каждый камень под ним, пень, ствол сваленного дерева. По колена утопают ноги. На стволах деревьев, на сучьях тоже густой мох.

Идем час, два, а лес все гуще и гуще. Приятная вначале мягкость мха начинает утомлять, хочется скорей ступить на твердую землю.

Вышли на каменную реку. Рушась от времени, скалистые вершины гор падали здесь у подножия скал, затем катились ниже, еще ниже. Одни камни ложились на другие, в лощинах их становилось больше и больше, образовались как бы каменные реки. Выйдешь на такую россыпь, и, действительно, словно огромная, волнующаяся река перед тобой. Камни, камни и камни.

Идем все выше... Деревья низенькие, уродливые. Их корни цепко укрепились в щелях камней, сосут из них влагу, которой мало на вершине. Каждый день, каждый час борются они с сильными пронизывающими ветрами. И хоть тяжело им, хоть изуродованы их тела, но они крепки и живут долгие-долгие годы.

Россыпи стали еще крупней, и, наконец, начались скалы. Это вершина.

В 1952 году я с группой художников снова поехал на Качканар. Меня тянула его суровая красота. На этот раз я ехал в знакомые места и был проводником для товарищей. Новой жизнью зажил старинный прииск Косья. Там и здесь выросли новые дома, много людей, машин. Сразу чувствовался — ожил Качканар. Еще дорого слышали мы, что сюда наехало много геологических партий, ведутся большие разведывательные работы.

Вот мы и на вершине. Но я не узнаю ее. Словно гигантские ходули, высятся между камней треугольники буровых вышек. Одна... две... три... пять.

У вышек горят костры, спуют люди. Это геологи бурят серую громаду горы, изучают ее недра, проверяют и подсчитывают богатства, которые таит в себе Качканар.

КАК ЭТО БЫЛО...

Дело было так. Приехал на Урал корреспондент и попросил редакцию «Уральского следопыта» помочь ему.

— Только вы можете это сделать, — сказал он. — Я пишу очерк об Урале. Вот если бы охоту на медведя засняли! Помогите мне.

Корреспонденту объяснили, что зимой каждый уважающий себя медведь спит в теплой берлоге и очень трудно его отыскать. А кроме того, Урал — это не один медведь, у нас есть и гигантские зайцы, и на них работают интересные люди.

— Неужели на всем Урале не отыщется для меня ни одного медведя? Да ведь у вас их тысячи! — продолжал настаивать корреспондент.

Не хотелось следопытам перед гостем лицом в грязь ударить. Нашли для него медведя, когда он убедил, что снимки в наших городах и на заводах им уже сделаны.

В охотничьем хозяйстве под Сысертью живет ручной медведь Митяка. Держат его здесь для притравки охотничьих собак. Ведь и собакам, прежде чем стать настоящими медвежатниками, нужно учиться.

Вот этого Митюку и решили использовать для разгравивания медвежьей охоты.

Роль охотника исполнил Валя Платонов, школьник из Свердловска.

Конечно, никто и не собирался убивать медведя. Валя должен был целиться в него из ружья, а корреспондент все это собирался фотографировать. Снимал и наш фотограф В. Дянов, его снимки и опубликованы.

Но сделать все задуманное оказалось не очень легко.

Мы подошли к ближней вышке.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуйте! Милости просим.

Завязывается разговор. К нам подходят веселые, сильные люди.

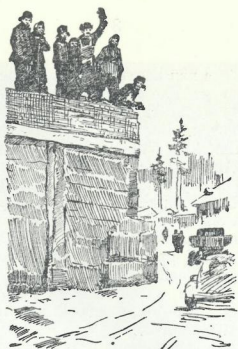
— Вы что, художники? Приехали рисовать. Успевайте, а то скоро все разроем.

У бурильного станка возится рабочий. В его светлых волосах играют лучи солнца. Я быстро направляюсь к нему. Конечно, это Рудик.

Лицо его возмужало, над губой пробивается светлый пушок. Обветренное лицо посмуглело, лишь светлые кудрявые волосы остались прежними: и сейчас они не могут поместиться под кепкой, лезут из-под козырька, свисают на уши.

Рудик окончил десять классов и решил поработать с геологами, а потом поступить в техникум.

Друзья-художники разбрелись в раз-

ные стороны, а я остался с бурильщиками. Теперь уже меня волновала не природа, а люди, их работа. Тем более, здесь мой старый приятель Рудик.

На дикой неприступной вершине, куда и пешком-то еле заберешься, среди хаоса скал — вышки, машины, спокойно работающих парни.

— Как же завезли сюда станки, трубы? — спросил я.

— Мы же не туристы, это они готовятся месяцами к походам, — улыбаясь, ответил Рудик. — Зимой, когда щели между камней забиты снегом, по твердому насту на лошадях притащили станки и все необходимое...

Там, у будки, в которой ночевал Рудик, зародилась у меня мысль написать картину «К вершине горы Качканар». Я писал много этюдов: делал зарисовки буровых вышек, рабочих, рассматривающих и приводящих в порядок керны, локко орудующих у станков.

О загадочном происшествии, показанном на фотографиях в третьем номере журнала.

Дело в том, что Митька, хотя и ручной, но все-таки медведь и позировать перед фотоаппаратом особого желания не изъявлял. Да и отпустить его с веревки опасно: вдруг захочет пойти в лес прогуляться, лови его там.

Валя тоже боится и медведю близко подойти: ручной, ручной, а как хватит, стрелять-то нельзя! Егеря, Николай Васильевич, решил рискнуть — пустить медведя без веревки.

— Разве это охота, когда зверь приязан, — шутил он. — Не бойтесь, ближе подойдите! Медведя подвели к незамерзшему ручью, и веревку отвязали. Валя с ружьем стоял на другой стороне ручья. Фотографы приготовились к съемке. Вдруг Митька, видимо, захотел напиться, направился прямо в сторону охотника.

Валя сделал прыжок в сторону, соскочил с дык и побегал. Напрасно мы старались его остановить.

— Ничего, успокоится, — смеялся егеря. — Бывает, и взрослые охотники от медведя бегают.

В момент бегства охотника и удалось сделать несколько снимков. Они оказались лучшими из всего, что было сфотографировано на этой «медвежьей охоте».

Так корреспондент получил снимки медвежьей охоты, а Валя Платонов впервые в жизни встретился с медведем. Когда мы возвратились в деревню, Митька с Валей уже были настоящими друзьями. Молодой охотник забыл про свой испуг, и ему не хотелось расставаться с Митькой.

Б. ГРИШИН.

Работа над картиной продолжается несколько лет. И вот опять я на Качканаре. Теперь это не тихое местечко, это город Качканарск. Большие дома с паровым отоплением, с ваннами, магазины, общежития, клуб. Еще больше строится: растут новые корпуса жилых зданий, бетонного завода, лесопильного и деревообрабатывающего цехов. Работают экскаваторы, по всем направлениям снуют машины.

И опять, представьте, встречаю Рудика. Возмужавший, энергичный, жизнерадостный. Он здесь хозяин, страстный участник огромного строительства, молодой специалист.

Как и первые два раза, Качканар захватывает. Я работаю над полотном — стараюсь передать размах строительства.

Черная металлургия на Урале будет продолжать развиваться, нужна руда. В контрольных цифрах семилетки, в докладе на XXI съезде партии говорилось о нашем комбинате. В 1965 году он должен дать шесть миллионов тонн агломерата. Чтоб получить такое количество, нужно переработать десятки миллионов тонн породы. Каждые шесть минут из карьеров будет выходить эшелон руды. Карьеры будут оснащены мощными экскаваторами, добывающими руду открытым способом.

Как бывало прежде, мы с Рудиком забралась на высокую гору. Перед нами широко раскинулась панорама стройки.

— Там, вдаль, видите, Гусевы горы, — увлеченно рассказывает Рудик, — это карьеры первой очереди. Вон там, где расчищена площадка, будут корпуса

дробилок. Корпус крупного дробления — это гигантское здание, такое, каких еще не строили в нашей стране. Глубина котлована превысит шестьдесят метров.

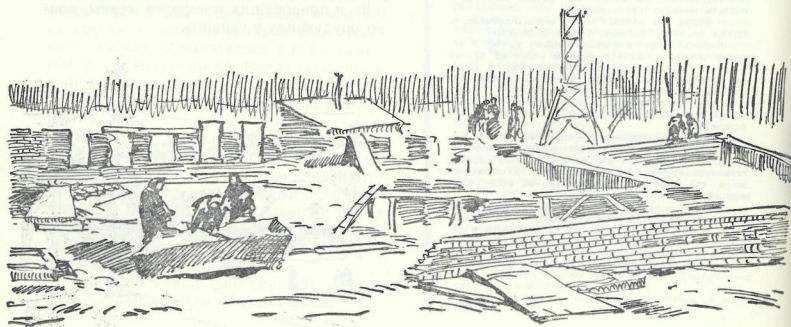
Больше десятка экскаваторов и около сорока пяти самосвалов выроят его, как намечено по графику, за полтора года. А сколько нужно уложить бетона в фундаменты! Наземная часть поднимется на тридцать метров. А вон там, около леса, вырастет корпус мелкого дробления. Порода пойдет по транспортерам, по ленте, шириной в два метра, и будет дробиться до состояния зубного порошка. Рядом разместится цех сухой магнитной сепарации.

После обогащения концентрат поступит на агломерационную фабрику, где мелкие частицы руды при высокой температуре будут спекаться, получится агломерат с шестьюдесятью тремя процентами железа, это лучшая пища для доменных печей. Агломерат пойдет на Ново-Тагильский, Кушвинский и другие заводы.

Комбинату нужно много воды, на реке Вые соорудят плотину, высотой пятьдесят три метра. Глубина водохранилища достигнет тридцати трех метров. Чтобы построить плотину, нужно около трех лет, а первую очередь комбината решено пустить в 1961 году. Поэтому изыскиваются возможности и другого водоснабжения.

Вот что рассказывает Рудик.

Я горжусь тем, что знаю своего приятеля с детских лет. Он рос на моих глазах, он водил меня по диким склонам Качканара, по бурно растущему городу, по местам будущих корпусов. В кипучей жизни создающегося Качканарского комбината такие люди, как Рудик, мне представляются героями будущих картин.

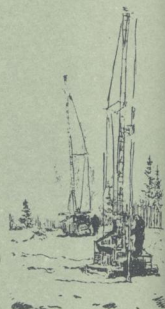

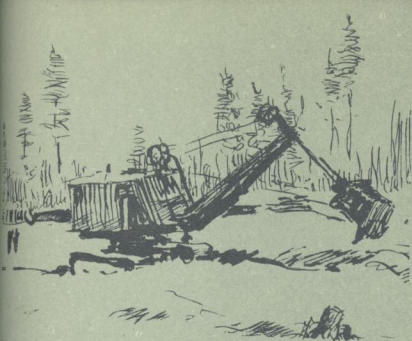
НА
КАЦКАНАРЕ

Вид на гору Качанар

Из альбома художника А. Ф. Бурана

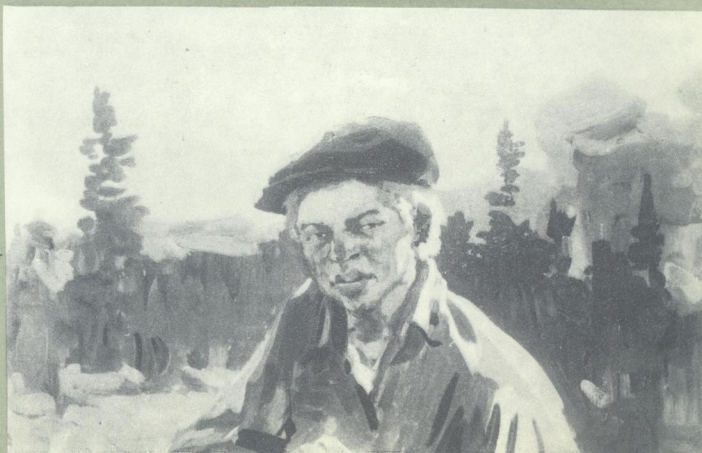

1. К вершине горы Качканар.
2. Первые палатки.
3. Буровые вышки.
4. Мой друг Рудик.

3

4

1929. C. B. Spurr

Александр Гумбольдт на Урале

К 100-летию со дня смерти

Александр Гумбольдт — выдающийся немецкий ученый-естествоиспытатель и путешественник. Его имя носит горный хребет в Китае, университет в Берлине, гекка и озеро в США. В 1829 году Гумбольдт возглавил экспедицию в Россию, организованную на средства Петербургской Академии наук. Он хотел всесторонне изучить Уральские и Алтайские горы, провести различные наблюдения и физические опыты.

Три дня Гумбольдт знакомился на Урале с Березовскими золотыми промыслами. Он очень был обеспокоен «относительно преодоления Березовских вод», имея в виду большой приток воды в рудники из ближних озер и болот. Затем он осмотрел несколько шахт знаменитого Гумешевского медного рудника. В письме от 5 (17) июля 1829 года Гумбольдт описал свой путь к Нижне-Тагильским заводам Демидовых: «...У Нижне-Тагильска проехали мы верхом густым лесом, заваленным целыми тысячами полусгнивших деревьев, на Белую гору, на которую и не преминули взобраться...» В этом же письме, между

прочим, ученый-путешественник обратил внимание на низкую производительность труда на частных заводах и тяжелый труд крепостных рабочих.

На рудниках Демидовых он ознакомился с паровыми машинами Черепановых.

В Златоусте Гумбольдт встретился с талантливыми учеными — металлургом П. П. Аносовым и геологом Р. И. Лисенко. Он был очень тронут вниманием златоустовских горных офицеров, отметивших «доброхотию» его 60-летие. В этот день ему подарили «превосходную саблю с дамассковым клинком», выкованную из первых образцов булатной стали П. П. Аносова.

А. КОЗЛОВ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

что среди первых русских путешественников, исследовавших Азию, были и женщины.

На восточном берегу полуострова Таймыр есть бухта Марии Прончищевой. Это имя носила первая полярная путешественница. Вместе со своим мужем она участвовала в Великой северной экспедиции, организованной в 1733—1743 гг. по инициативе Петра I. Отряд В. Прончищева обследовал берег Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея.

Первой исследовательницей Центральной Азии, Северного Китая и Монголии была Александра Потанина.

Лица Октябрьска в городе Качканарске.

Рисунок А. Бурака.

Верный друг и товарищ, она спутствовала своему мужу во всех его экспедициях, начиная с первого путешествия в 1876—1877 гг. Большой ученый, она написала ценные труды по этнографии Центральной Азии.

В ряду славных имен русских женщин стоит имя Ольги Федченко. Вместе с мужем, а после его смерти (в 1873 г.) с сыном она совершила путешествие в Среднюю Азию, на Тянь-Шань и Памир. Она собрала замечательные коллекции растений, обработала и издала труды экспедиций, самостоятельно написала важные для науки работы, в числе их «Флора Памира». Ольга Федченко была избрана членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

В. М. Азин.

ЧЕРНОГЛАЗЫЙ ОРЛЕНОК

А. ГУНДОРИН,

бывший начальник артиллерии 28-й дивизии,
генерал-майор запаса

Рисунки Л. ПОЛСТОВАЛОВОЙ

Это было верстах в двадцати пяти — тридцати от Красноуфимска по Сибирскому тракту. В большое село (название его я запомнил, да это и не имеет большого значения) входили части 28-й дивизии.

В голове конной группы командиров с ординарцами скакал на вороном коне начальник дивизии Азин. Позади остался сорокаверстный переход, но взмыленный красавец конь все просил поводьев, порываясь вперед.

Коня приходилось сдерживать. Улица была заполнена народом. В особенности много было ребятшек. Роями носились они, перебегая дорогу под самыми конскими копытами. Того и гляди нечаянно задавишь.

Вот и сейчас ватага мальчишек перескакивает улицу, проскакивая под вспененными мордами коней. Черноволосый, точно головешка, босоногий парнишка командует:

— Ребята, сюда, через огород, бегом марш!

За поворотом улицы команда ребятшек во главе со своим командиром снова выпала на дорогу. И теперь черноволо-

сый отдавал команду, которой беспрочно подчинялись ребята.

— Ишь ведь, заправский командир, — заметил Азин...

У большой бревенчатой избы Азин спешился, принял рапорт начальника оперативной группы штаба, дал несколько распоряжений и присел на крыльцо.

Поодаль стоял черноволосый мальчишка, во все глаза разглядывая Азина.

— Ну-ка, подойди! Куда это ты ребятшек таскаешь? Еще не ровен час под лошадь попадут, тогда как?

— Никак нет, товарищ Азин, под лошадь у нас никто не попадет, потому дисциплина, по команде ходим.

— А где это ты научился командовать?

— Так что, разрешите доложить, от солдат... Тут и белые были и наши, красноармейцы, мы слышали, вот и научился...

— Научи-и-и-лись, — протянул Азин. Как поугай: «Так точно!», «Никак нет!»... В солдатики играете? — повесил голос начдив.

Мальчишка покосился на плетку, которой Азин похлопывал по голенищу, и засопел.

— Ну-ну, не сердчай, я ведь в твою годы любил поиграть и покомандовать...

— Дядя Азин, вы не думайте, что мы балуемся... Мы ведь изо правды... А меня ребята сами выбрали...— горячо, сверкая глазами, заговорил парнишка.— Вон там, за буграми, наш караул стоит...

— Что за караул, кого караулят?

— Белых караулим... Они из села ушли с утра да в лесу попрятались, а мы смотрим, чтобы не разбежались... мы в лес разведку посылали. Гришка Козырев ходил...

— Ну-ну, — нетерпеливо постукивая плетью по перилам крыльца, торопил Азин.

— Ну, говорит, сидят они в лесу по ямам, не уходят.

Азин крикнул ординарца:

— Давай за Контрымом, чтобы сей час тут был...

И, повернувшись к ребятам:

— А где Гришка?

— А я вот, — застенчиво выдвинулся из-за черноволосого рыженький мальчишка.

— Ну!

Мальчишка захлопал глазами.

— Экой ты, — переступил ногами Азин, но осекся под взглядом черноглазого.

— Дяденька Азин, вы его не торопите, он сроду такой. Ежели спрашивать да торопить, от него слова не добьешься. Ты, Гришка, скажи командиру, что там видел, а потом покажешь, как пройти...

Мальчишка помолчал, хлопал глазами и протянул:

— А ты ведь уж сказал, а, как пройти, я могу...

Из-за угла избы вывернулся Контрым и вытнулся перед Азиным:

— По вашему приказанию...

— Ладно, без докладов сегодня...— оборвал Азин. — Бери взвод конных, этого вот Гришку, и он покажет, как пройти... В лесу там остатки беляков прячутся. Прочесать и взять... Исполняйте!

Контрым, подхватив мальчишку под руку, бегом кинулся к коновязи.

— Ты мне за парня в случае чего головой отвечаешь, — кинул ему вдогонку Азин.

— Дяденька Азин!.. — послышался позади него не то шепот, не то всхлипывание. — Дяденька Азин, а я-то... я ведь командир, а без меня белых будут брать...

Начдив положил руку на плечо черноволосого:

— На этот раз — без надобности. За меня — Контрым, за тебя — Гришка... Справятся...

Азин подвел парнишку к крыльцу и, легонько нажав на плечо, усадил его на ступеньку. Потом сел сам.

— Ты, командир, скажи мне, откуда ты такой явился? Звать как?

— Коля... Николай Федорович Пермиков, — поправился черноволосый. — Мы здешние. Тятю и мамушку белые кончили. А я с сестрой живу, с Дусей... Нас белые не нашли, она в лесу хоронилась, а я в бане прятался. Очень они тятю мучили, я слышал из бани... А мамушка только один раз и крикнула...

Мальчишка сгорбился, опустил голову. Азин сильно бил кулаком по колену, в такт своим мыслям...

— Ну... — искоса поглядел на парня.

Навстречу ему поднялись полные слез и недетской тоски черные глаза.

— Дяденька Азин, возьми меня в Красную Армию... Мне ведь 12 лет минуло. Я и из винтовки стрелять умею и гранату брошу... И команды знаю... Ну, хоть в разведку, хоть куда...

Азин молча смотрел на тоненькую, трепещущую рядом с ним фигурку в посконной рубашонке и задумчиво качал головой. Он мысленно представлял этого ребенка в походе, в дождь и зной, в мороз и выюгу, раненого, искалеченного, убитого.

— Нет, дорогой, не могу я тебя принять. Рад бы душой такого орленка в своей дивизии иметь... Ни закон, ни совесть не позволяют... Подрости, друг, поучись, — Азин положил руку на черные вихры и, заглядывая в глаза мальчишке, внятно закончил:

— Потерпи...

Позади надлива негромко звякнула шпора. Кто-то незаметно подошел и, представив каблук, деликатно давал о себе знать.

— Из второй бригады от товарища Пурринга!

— Давай в штаб, — приказал наддив и, не оборачиваясь, быстро шагнул на крыльцо.

Выслушав доклад, отдав приказания, Азин рассказал командирам про встречу с мальчишками.

— Вот до чего белые народ довели! Ребятишки, дети в бой врутся. Дай ему винтовку — он сейчас в атаку победит... Раскалится народ. Белым теперь конец,

под ногами у них горит... Каждая былинка жжет!

— А ну-ка, Стэк, — обратился он к ординарцу. — Где эти орлята? Позови их сюда, надо их хоть чаем напоить...

Но у крыльца уже никого не было.

«Обидел я его», — подумал Азин.

На другой день штаб дивизии спозаранку двинулся по Сибирскому тракту на восток. Прошло два дня в движении. На одном из коротких привалов, когда июльский полуденный зной загнал надлива в прохладную избу, где он пил ледяное молоко, только что принесенное с погребницы, в дверях показался Стэк.

— Товарищ Азин, а ведь орленок-то сам прилетел!

— Какой еще там орленок? Говори яснее!

— Да тот, что в дивизию просился, командир ребячьей гвардии...

— Ну и что? Я же ему отказал! У нас не приют для малолетних...

Азин нервничал. Нарочито грубыми словами он точно отгонял от себя не давшее ему покоя ощущение своей неправоты перед мальчишкой. Говорил резкие слова, а думал: «Обидел я его и зря обидел».

Стэк молчал. Он хорошо знал своего командира: когда сердится, не перечь. Подождал. Спросил:

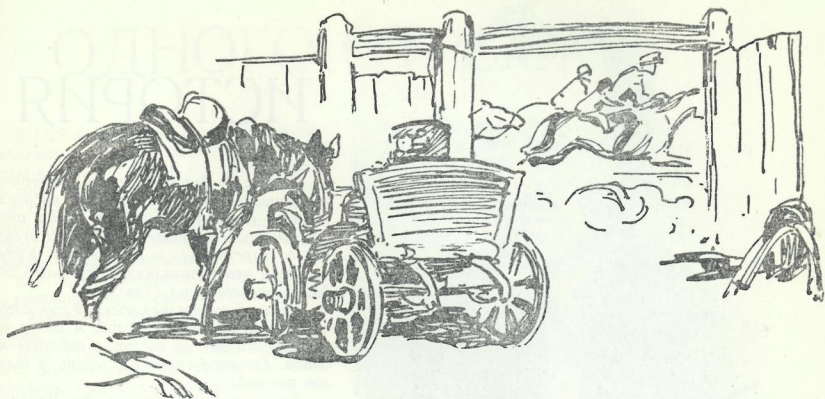
— Разрешите продолжать? — И, не дожидаясь ответа, равнодушным голосом стал докладывать о том, что мальчишка явился в расположение штаба дивизии верхом на лошади с потником и веревочными стременами, пристроился к конной разведке. Очень по душе людям пришелся и местность отлично знает, проводник — лучше не надо. Бойцы просят разрешить оставить его. На довольствие не числится. Сами, говорят, прокормим и оденем.

Азин, насупясь, слушал Стэка, но, по мере того как тот, все более воодушевляясь, подходил к концу рассказа, в глазах надлива замелькали искорки.

— Эх, хорошо поет собака, убедительно поет... — протянул Азин, посверкивая глазами на Стэка. — Ка-ак они тебя обработали, разведчики-то, прямо не ординарец, а ходатай по делам о малолетних... Давай их сюда! Знаю уж, где-нибудь за углом припрятаны...

Стэк не заставил повторять приказания, и через минуту в избу вошли четверо разведчиков и Коля.

— Так что, по вашему приказанию товарищ начдив...

Азин встал и, уперев кулаки в бока, двинулся из-за стола к разведчикам.

— По приказанию, говорите? А по чьему приказанию разведчики 28-й дивизии действующей Второй Красной Армии Восточного фронта принимают в свое подразделение несовершеннолетних? Да еще, которым начдив лично в приеме в армию отказал? Вы что, своевольничать? Стэк, давай сюда!

Стэк благоразумно не откликнулся.

Разведчики потихоньку пятались от наступавшего начдива, но, упершись плечами в притолоку, стали.

— Товарищ начдив, разрешите обратиться! — заговорил громадный боец, нависая над Азиным. — Ведь мы не самовольно, это парнишка самовольничал, прибежал, а мы просим: отмените вы свой запрет, разрешите мальчишку оставить. Мы, конечно, закон понимаем... А с ним нешто по закону поступили белые — враз осиротили ни за што, ни про што? Закон тут один — зуб за зуб...

— А мальчишка-то уж больно смысленый, — улыбаясь ласково, обернулся к Коле разведчик, — все тропки, все дорожки знает, все ухватывает с полуслова. Он нам всем по сердцу пришелся, милой сын...

Азин слушал неторопливую речь сол-

дата, и постепенно отходило его сердце, пока вся эта путаница из самолюбия и глупой жалости к мальчишке, раздраженная своей нелепостью, не уступила места простой и ясной мысли: да ведь вот она, любовь-то к человеку. Не жалеть его надо, а любить, так, как любит солдат, взявший в свою суровую семью сироту.

И, круто повернувшись, Азин, усмехаясь в усы, бросил через плечо:

— Ладно, уговорил! Стэк-эк!

Ординарец на этот раз не заставил себя ждать.

— Скажешь писарям: в приказ, зачислить Пермякова Николая, круглого сироту, сына рабочего, бойцом команды конных разведчиков, на довольствие и прочее...

Скоро Колю Пермякова одели, обули, выдали ему карабин, подобрали легонькое казачье седло. И лошадка у него была своя, как раз подходила под его рост. Бойцы уважительно величали его по имени-отчеству, а по-за глаза называли «черноглазым орленком». Под этим именем и знали его в частях дивизии на Урале и на Южном фронте.

А. П. Бондин.
Портрет художника М. Колпакова.

ИСТОРИЯ

Многие из юных читателей, наверное, знакомы с повестью уральского писателя Алексея Петровича Бондина «Моя школа». Она рассказывает о детстве писателя, о его сверстниках, о рабочих, о жизни человека при капитализме. Эту книгу любил и высоко ценил Горький.

Алеше Бондину шел восьмой год, когда он остался круглым сиротой. А уже с четырнадцати лет он поступил работать на завод. Тяжелая трудовая жизнь и была его школой.

Еще в юности, скитаясь по Уралу в поисках работы, Алексей Петрович устроился слесарем на Лысьвенский завод. Жил на квартире тоже у слесаря завода — Катышева. Позднее он рассказал мне жуткую историю об этом рабочем-изобретателе. Талантливый человек, который мог бы принести столько пользы людям, погиб.

ТЕЛЕФОН

Рисунки Е. ГИЛЕВОЙ

Мне кто-то сказал, что из двух трубок, бычьего пузыря и нитки можно сделать телефон. Я сообщил эту новость Ленке. Тотчас же достали две длинные жестяные банки, вышибли из них донья. За пятак купили на базаре бычий пузырь, натянули его, вместо доньев, прокололи в центре дырки, продели концы ниток и повесили телефон. Им решили соединить дом с баней. В этом деле и Екатерина приняла горячее участие. Целый день мы возились

с телефоном. Брат Павел скептически отнесился к нашей затее.

— Думаете, заговорит? — и посмеялся над женой: — А ты чего с ними связалась? Деточка тоже!

Екатерина грустно посмотрела на него, проговорила:

— Ну, что тебе, жалко? Детства-то ведь не было у меня, так хоть сейчас... наверстаю...

В ней действительно пробудилось что-то беззаботно-радостное, ребяческое.

ОДНОГО ОТРЫВКА

В 1927 году Алексей Петрович написал небольшую повесть и назвал ее по имени героя «Иван Катышев». Рукопись лежала до поры до времени в письменном столе. А в 1933 году Алексей Петрович начал работать над книгой «Моя школа», в которую и вошли написанные ранее главы повести «Иван Катышев».

Как-то, просматривая взятую из архива рукопись «Моей школы», я увидела главу «Телефон», которая в повесть не вошла.

Подростком — а это было в 90-е годы — Бондин уже имел представление о телефоне. Принцип его устройства он изучал на уроках физики в городском училище. Кроме того, уже тогда в Нижне-Тагильском горном округе между всеми заводами существовала телеграфная связь. Рабочие ребятшки, всюду сующие свой нос, не могли не знать об этом.

В свое время автор рассказывал о том, как он в детстве с братом и невесткой забавлялись игрой в телефон. Провели его из бани в кухню дома. Алексей Петрович смеялся, вспоминая, какой страх охватил его в бане, когда осенним поздним вечером искал он причину молчания телефона.

Я тоже смеялась и мне это было приятно. Ведь в дореволюционное время большинство людей из простого народа были малограмотные или совсем неграмотные, а потому и невежественные. Верич в домовых, леших и во всякую чертовщину.

Вот об этом-то и написал Алексей Петрович в неопубликованной главе «Моей школы» — «Телефон».

А. БОНДИНА,
г. Нижний Тагил

Глаза весело поблескивали. Лицо молодело и казалось девичьим. Она с нами жарко спорила, сердилась. Когда мы сорялись, она говорила:

— Тогда я с вами не буду играть.
Нам это нравилось.

***

Осенний день померк, когда мы кончили проводку телефона. Но он... не заговорил. Павел подшучивал над нами. Мы разочарованно смотрели на трубку, заглядывали в нее, дергали за нитку.

— Что-нибудь в бане неладно, ребята,— деловито говорила Екатерина.— Надо туда сходить. Ну-ка, кто смелый?

Я и Ленка вопросительно смотрели друг на друга. Нам говорили, что в бане кто-то живет, и этот «кто-то» вечером тихо выходит из-за печки. Я не верил в эти сказки, но при одной мысли очутиться одному в бане ночью у меня почему-то холодела кровь. Сознаться же, что боюсь, не хотелось, и я смело вызвался идти.

Кругом было тихо, темно. Только подувал прохладный октябрьский ветерок. Сверху из темных небесных глубин, таинственно мерцая, ласково смотрели звезды.

Я тихо продвигался меж гряд, нащупывая тропку. Пламя свечи под ветром беспокойно колебалось. От огня мне ничего впереди не видно, и я шел по привычке, зная, где свернуть к бане. Она стояла, прижавшись к изгороди соседнего огорода, и казалась мне огромной.

Где-то монотонно влзла собака. От легкого порыва ветра свечка моя

погасла, и на миг я ослеп. Постепенно осмотрелся. Баня — рядом. Вдруг мне почудилось, что дверь тихонько скрипнула, приоткрылась, и внутри бани мелькнула какая-то черная тень. Не помня себя от страха, я бросился бежать. Казалось, за мной несется какое-то чудовище с огромной волосатой головой. У него длиннущая борода. Она колышется и уходит в черную ночь. Мне даже слышалось дыхание этого чудовища. По телу ползали мурашки, а на голове моей волосы будто быстро росли. Я боялся оглянуться. Когда вбежал в комнату, Павел шутливо спросил:

— Примчался? Ты ладно как летел, будто настеганный. Кого видел?

— Никого не видел, — еле шевеля языком, выговорил я.

— А был в бане-то?

— Был.

— Не врй. Я ведь смотрел, видел, как ты оттуда навергывал.

***

Дня два мы искали причину, отчего не говорит наш телефон. Наконец додумались. Подсказала Екатерина: «Потому молчит, что нитка прикасается к дереву». Мы переделали.

Я в жизни не испытывал такого восторга, какой испытал, когда зашел

в баню и прислушался в трубку. В ней было слышно гудение, а сквозь него откуда-то, будто из-за стены, доносился глухой говор. Я внятно слышал голос Леньки и смех Екатерины у самой трубки.

— Катя! — крикнул я в трубку.

— Ну?!

— Слышно меня?

— Слышно! — она радостно расхохоталась.

— Кто у телефона? — крикнул Ленька.

— Я!

— Какая станция?

— Баня!

Разговаривать по телефону нам больше не пришлось. Днем — на работе, а вечером никто из нас не решался идти в баню. Раз вызвалась Екатерина. Она смело вышла, и через несколько минут мы услышали:

— Олеха! Ну, как?

Но разговор вдруг оборвался. Вскоре она торопливо вбежала в избу, захлопнула дверь и, накинув крючок, показала в дверь кукиш, говоря:

— Усь, возьми! На-ка, выкуси!

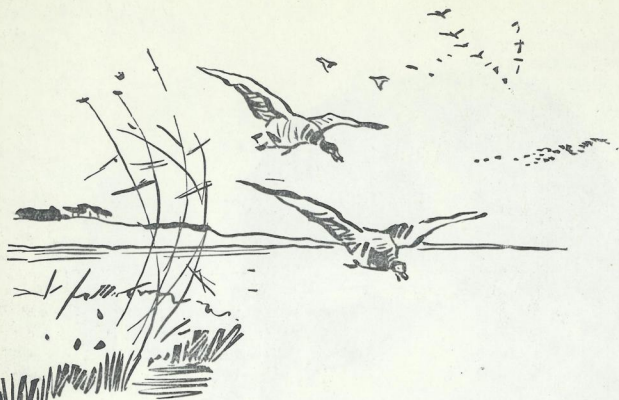
Она была бледна и чем-то напугана. С этих пор вечером в баню мы уже не ходили.

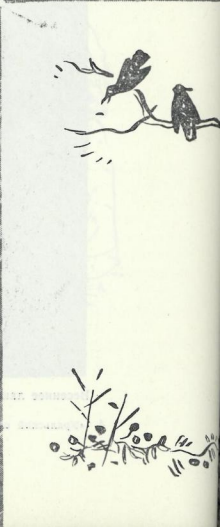
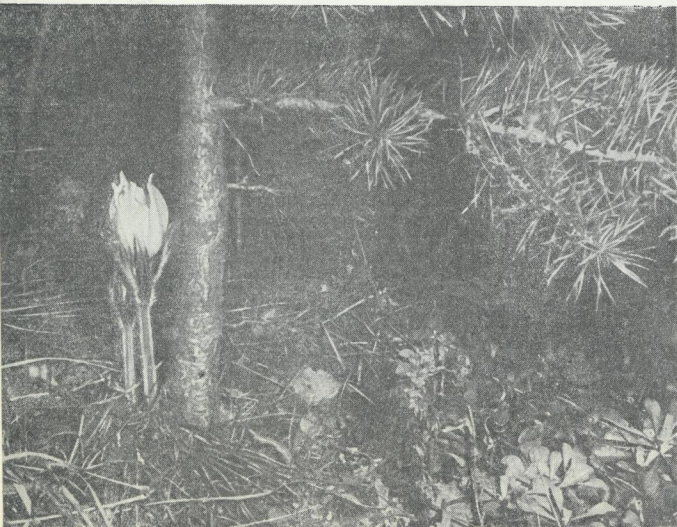
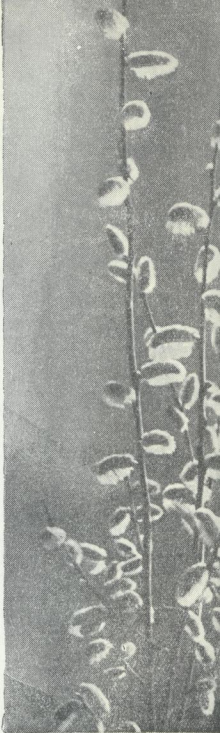
Весеннее лакомство.

Фото И. ПАШКЕВИ

ВЕСНА ПРИШЛА

Рисунки В. ВОЛОВИЧА.
Фото М. ФИЛАТОВА.

БЕРЕЗЫ НА РАССВЕТЕ

Рассказ

Город, пышущий, как натопленная печь, утонул в тучах желтой пыли. Она забивалась ребятам в глаза, в нос, в рот, скрипела на зубах, слепила. Жаркий ветер гулял по улицам.

— Айда в лес! — кричал Бобрικ Левке. — Пылица здесь, не продохнешь!

Ребята разбежались по домам, насовали в карманы немудрящей еды и быстро зашагали к окраине.

Заповедный лес был любимцем всего города. Поэты приходили сюда писать стихи, художники — рисовать пейзажи, а композиторы — сочинять песни. В лесу был удивительный воздух. Вдыхая его, люди вдыхали здоровье.

С трех сторон знаменитую рощу окружали высокие таежные сопки, а с четвертой стороны текла веселая, быстрая река. Чуть свет к ее берегам выходили длинноногие лоси. Они всасывали воду и фыркали, разбрасывая брызги. Подняв головы, смотрели на зарю. Она пламенела в их глазах. С замшевых губ сыпались алые капли.

Вместе с лосями встречать зарю приходил и художник Виолин. Он рисовал картину «Березы на рассвете». Сейчас он спешил домой, счастливый от того, что подсмотрел в лесу.

Город встретил его тучей песка, от которого пришлось зажмурить глаза. Художник вспомнил, что в былые времена и на восточной стороне города шумели боры и рощи. Тогда на улицах было свежо и тихо. Но рощи почему-то вырубил и словно распахнул ворота ветрам и пыли.

Увидев Бобрика с Левкой, Виолин грустно подумал: «Задыхаются ребяткиши! Жить бы им в лесу среди цветов и травы!»

Вихри вырывали из рук мольберт и плоский ящичек с красками...

И. ЛАВРОВ
Рисунки Л. ПОЛСТОВАЛОВОЙ

Как только ребята нырнули в Косачиную рошу, ветер сразу опал, как будто ему сломали крылья.

— Ура-а! — завопил Бобрник.

Ребята выскочили на круглую поляну и повалились на траву. Здесь почему-то все было круглым. По краям поляны хороводом стояли большие березы. Ветви с них обвисали почти до самой земли. Среди поляны вздымалась тоже огромная береза. А ее, как мать, окружал хоровод из маленьких стройных березок. Их снежно-белые стволы были гладки и стройны, как свечи.

Вот эту березовую дружную семью и рисовал художник на рассвете. Он о чем-то говорил с ними, и они ему шептали что-то такое, чего не передать человеческими словами. Только красками можно рассказать об этом. Уходя, он крикнул: «До следующего рассвета, милые!»

Виделось на круглой поляне и белое круглое озерко. Это густо росли высокие, крупные ромашки. Люди жалели их, не рвали: так они были красивы.

Бобрник немедленно нырнул в него. В восторге кувыркался, делал кульбиты. Когда же выбился из сил и встал, белого озерка будто и не бывало. Сломанные, измочаленные ромашки лежали неподвижно. Лишь кое-где испуганно качались уцелевшие цветки.

— Эй, подзакусим! — крикнул Бобрник и шлепнулся рядом с Левкой.

— Вот здорово в лесу! — проговорил он, уплетая хлеб и хрустящий огурец.

Скоро все припасы были уничтожены.

По пути в лес ребята купили три бутылки лимонада. Приятно было пить его сейчас прямо из горлышка.

Позавтракав, Бобрник блаженно растянулся на траве. Левка, лежа на боку, рвал газету и пускал клочки по ветру. близоруко щурился глаза. Был он всегда сонный, медлительный и как будто ко всему равнодушный. Каких только шуток не выкидывал с ним Бобрник! Спящему Левке он мог вымазать лицо сажей, подставлял ногу, незаметно привязывал хвост из мочала, забрасывал его кепку на крышу. Кроткий и безобидный Левка все выносил покорно и только лениво мямлил: «Да брось ты... Чего ты... Ладно уж тебе...» Несмотря на то, что Бобрник изводил Левку бесконечными проделками, жить друг без друга они не могли. Куда один, туда и другой.

Лечь надоело. Бобрник вскопчил, огляделся и побежал к хороводу молоденьких березок, что стояли вокруг своей матери-березы. Он потянул к себе стройную свечку, нагнул вниз. Она глухо шелкнула и упала кудрявой верхинкой в ноги к матери. Старая береза тревожно шумела каждым листком.

Бобрник до тех пор крутил надломленный ствол березки, пока он в переломе не измочалился и не оторвался. То же самое лениво проделал и Левка.

А потом началось жаркое сражение. Бобрник атаковал Левку. Он хлестал его березкой так, что листья летели во все стороны. Левка прыгал, отбивался, падал на кусты.

Под градом ударов он утерял всю свою сонливость. Выдрал куст багульника и замахнулся, но тот оказался плохой защитой.

— Эх, ты, вояка! — хохотал Бобрник.

— Сам вояка!

- Тюлень!
- Сам тюлень!
- Прси пошадь!
- Сам проси!

Наконец Левка, сопя и обливаясь потом, поднял руки.

Заключив мир, они с воинственным кличем напали на остальные березки. Вскоре враг был повергнут к ногам победителей. Глаза у ребят радостно горели, на лбах бисером высыпал пот.

Нет, просто здорово можно провести время в лесу!

Ствол старой березы снял, как сахарный. Бобрικ раскрыв перочинный ножик и ловко распластал белую кору. Содрав два кольца, он опоясался ими. Они обвинили его талию, как будто это был родной их ствол.

Левка подошел, испугался.

— Засохнет же, зачем ты!

— И правда, а я и забыл,— и Бобрικ почесал затылок, а потом махнул рукой.— Да ладно тебе хныкать! В лесу полно этих самых берез!

Тут вспомнили про бутылки. Одну поставили среди поляны и принялись пугать в нее другой бутылкой. Самым метким оказался Левка. Бутылка звякнула, и в разные стороны брызнули сверкающие осколки. Третью бутылку Бобрик запустил в березу, она ударилась о ствол и взорвалась.

Когда они вышли из леса, Бобрик воскликнул:

— Ну и красота! Давай сюда каждый день ходить!

...Художник Виолин, кутаясь в плащ, вошел в лес. Было еще темно. Он бесшум-

но выскользнул на любимую полянку. Закурив, лег в траву.

Тихо. Темно. Вот прошелестел листок и снова уснул. Вот что-то зашуршало, зашуршало и стихло. Должно быть, прошмыгнула мышь. Художник вглядывался в ту сторону, где спала смутно черневшая береза-мать, окруженная детьми. Ему хотелось уловить самое начало рассвета...

Миг—и в лесу что-то стронулось. Дрогнул густой мрак и еле заметно начал развеваться.

Прошло минут пятнадцать.

Над головой художника неожиданно громко зашумела ветвь, другая, третья, и загворжила, забормотала вся осинка, стряхнув сон. А за ней проснулась и шумно обрадовалась соседка. И так пошло, и пошло все дальше и дальше. Дерево за деревом просыпалось и трепетало. Наконец ветерок докатился и до большой березы. Она вся будто вскинулась, развела руки-ветви, встряхнулась и выдохнула: «Здравствуй, утро! Здравствуй, земля!» И шумит зеленым платьем своим, шумит...

Посветлело. Взволнованный художник боялся что-нибудь пропустить, не заметить. Вот этот миг и нужен был ему. Но что же это такое? Где муженькие березки? Торчат только тоненькие высокие пеньки. Будто кто-то врл вокруг березы палки, чтобы огородить ее.

Виолин испуганно побежал. Он чуть не вскрикнул, когда увидел, что весь хороводик истреблен. Заметив два пояса, вырезанных в белоснежной коре, он ринулся к старой березе. Дрожавшими руками ощущивал огненный ствол. Вырезы были мокры от сока.

Художник чувствовал, как к горлу подступает комок. Ничего не понимая, он огляделся. Уже совсем рассвело. И перед ним открылась круглая поляна, усеянная стеклами, обрывками бумаги, сломанными ветками, измоченными ромами...

Картину «Березы на рассвете» художник так и не закончил...

Перечитывая как-то письма Николая Гавриловича Чернышевского, я обратила внимание на коротенькую записку, посланную великим революционером-демократом молодому ученому В. И. Ламанскому 27 сентября 1860 года. «Вы желаете познакомиться, Владимир Иванович, с Егором Дмитриевичем Южаковым. Я просил его побывать у Вас. Вы услышите от него очень много любопытного... Если бы у Вас нашлись для него уроки или какие-нибудь другие занятия, это было бы отлично».

С именем Южакова я встретилась впервые. Кто он? Что интересного мог поведать талантливому этнографу, будущему академику? Чем было вызвано живое участие, которое принимал в его судьбе Чернышевский?

Я обратилась к воспоминаниям ученых, писателей, общественных деятелей 60-х годов, к старым журналам, к потребленным комплектам газет... И лишь недавно, просматривая в ленинградском областном архиве списки студентов и вольнослушателей Петербургского университета, нашла, наконец, имя Южако-

ва. Оно стояло 27-м на поружевшем от времени листке в перечне лиц, причастных к студенческим волнениям.

В другом архиве удалось обнаружить секретную переписку коменданта Петропавловской крепости. Она помогла мне установить, что Егор Дмитриевич Южаков родился в селе Бондюге Чердынского уезда Пермской губернии, что здесь он провел свое детство и юность. В Перми окончил духовную семинарию. В 1861 году, уже вольнослушателем Петербургского университета, за свои свободолобивые убеждения был заключен в Петропавловскую крепость. Плац-адъютанты получили тогда строжайший наказ: ни с Южаковым, ни с его друзьями «не разговаривать, никого к ним не допускать, ничего никому посторонним об них не объяснять».

Новые поиски, и вот я держу в руках записки самого Южакова.

«Муаллим московий»

«...Я действительно на море... Бурно оно кипит сегодня... Точно страшно голодный зверь, оно сердится, рычит при виде своей добычи, которую не может завладеть. С каким-то упоением смотрю и слежу за могучей, свободной, полной силы, немой жизнью природы».

Строка за строкой выливались из-под пера. Сидя у выходившего на Неву окна, за несколько месяцев до ареста, Южаков вспоминал о недавнем путешествии

на Восток, о встречах с чудесными людьми, называвшими его там своим другом, братом.

Седой Ливан... Уралец приехал сюда, чтобы познакомиться с жизнью и бытом арабского народа, чтобы почувствовать неповторимую красоту южной страны. «Пред этой картиной немеешь... — записывал Южаков. — Никакая игровая фантазия художника ничего подобного не начертит себе».

Южаков сошел на арабский берег, и тут оказалось, что земля, которая с моря представлялась райским уголком, на самом деле не была приютом благополучия, счастья, покоя. На шумной набережной Егор Дмитриевич встретил множество нищих. На узких улицах восточного города его внимание привлекли одетые в лохмотья арабские дети. Он увидел жалкие конуры, в которых ютились ливанская беднота.

Южаков поселился у старого араба, где сразу же почувствовал себя желанным гостем. Ему отвели лучшую комнату небольшого домика.

Уралец встречался в Ливане с арабами, которые бывали в России и на себе испытали радушие, гостеприимство русских людей. И, когда он сам появлялся в домах арабов, его принимали приветливо, тепло. Ему часто дарили на подносе... душистый цветок — так принято встречать тех, кого любят или хотят полюбить.

Как-то Егор Дмитриевич зашел в арабскую школу. Из класса в класс

понеслось: «Муаллим москвий! Русский учитель!» Дети высыпали в коридор и окружили Южакова.

«Около меня образовался ужасный хаос крику, шуму и голосов, — вспоминал он потом, — но мало-помалу волнение утихло. Большие мальчики восстановили порядок и тотчас же с увлечением стали предлагать себя в ученики ко мне. Я им отвечал, что готов бы с большим удовольствием, но не имею ни средств, ни способностей для этого. Они опять повторили, что давно и весьма охотно желают учиться русскому языку. «У ана, у ана вирид таалем москоббе! И я, и я хочу учиться по-русски!» Видя твердую готовность познакомиться с языком моего народа, я согласился их учить».

Пока Южаков беседовал с будущими учениками, один из мальчуганов сбежал домой. Он поделился с отцом большой радостью:

— Человек из Московии согласился учить и меня, и товарищей русскому языку. Но где нам заниматься? Не сможешь ли, отец?

— Что же, пусть дорогой гость располагает моим домом.

В том, что арабы хотят учиться русскому языку, «видна их охота заявить свое несомненное расположение к России, искреннее желание ближе познакомиться с моей страной. И я с жаром изъявил готовность служить на пользу арабов», — писал Южаков.

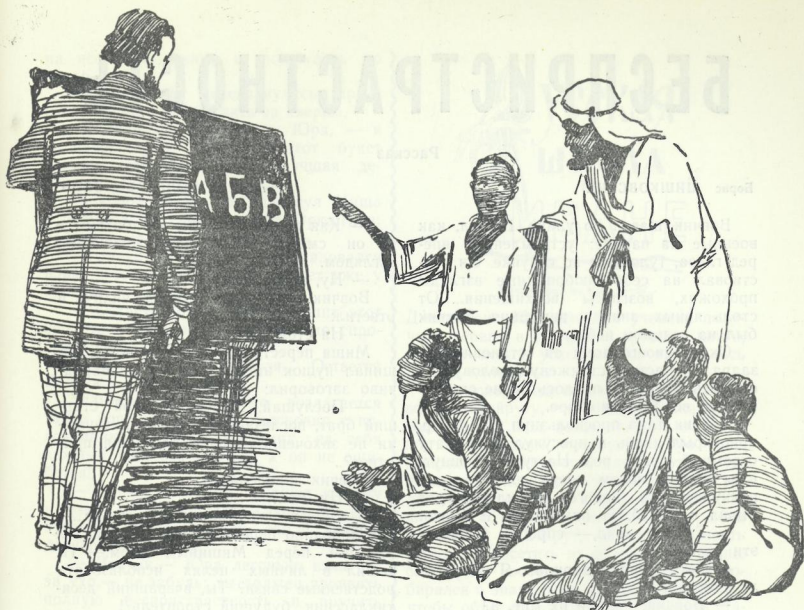
Самодельная азбука

Но как учить детей языку, если под рукой нет даже азбуки?

Южаков переслал друзьям на родину припасенные на черный день 30 рублей с просьбой как можно быстрее закупить для него необходимые учебные пособия. Однако путь из Бейрута в Россию и обратно был очень долгим, и Егор Дмитриевич провел ночь за столом, готовя для своих будущих учеников русские буквы. С ними он пришел на будущий день в школу. На разные голоса произносились в арабском доме: «А, б, в...» Дети складывали из этих букв русские слова. Они были так увлечены, что не чувствовали усталости, хотя занимались до этого десяти часов в арабской школе.

А когда окончился первый урок, комнату заполнили взрослые. Вперед про-

шел почтенный старец. Подняв руку, он произнес:

— Маш алла!

Крепко пожав Южакову руку, старец заявил, что рад случаю, доставившему ему удовольствие высказать свое расположение к России. Повернувшись к внуку, он приказал ему прочесть русские буквы, которые тот узнал на первом уроке. «И нужно было только видеть,— вспоминал Южаков,— с какой гордостью произносил их мальчуган».

Так начала свое существование первая в Ливане русская школа.

Тяга арабских детей к русскому языку была настолько велика, что заниматься пришлось и утром, и вечером. С каждым днем росло и число учащихся. Вскоре к двум классам прибавился третий.

Чудесные отношения сложились у уральца с арабскими детьми. В обычных так называемых народных школах они дрожали от одного лишь взгляда учителя. «Я же не позволял себе сказать им грубого или оскорбительного слова...— писал Южаков.— И с первого же раза

заметил, что они стали заискивать моего внимания, ласкались около меня. А главное, я был русский, это было для них дороже и сильнее всего...»

Южаков встречался с детворой не только на уроках. Они часто бродили вместе по окраинам Бейрута. Они совершали далекие прогулки, подымались по покрытым садами скатам седого хребта. Они сидели на берегу прозрачного, светло-голубого моря, и Южаков рассказывал арабским детям о далекой России, о своем детстве, о родном уральском селе Бондюге...

Видя, каким огромным авторитетом пользуется русский учитель у их детей, родители все чаще стали обращаться к нему за советами. Многие выразили желание тоже учиться языку. Пришлось создать специальный класс—для торговцев и ремесленников.

Наконец настал день, когда пароход доставил в Бейрут азбуки, грамматики, словари—те самые учебники, которые выписал на свои скудные средства Егор

Окончание на стр. 58

БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

Рассказ

Борис ШИШКОВСКИЙ

Рисунки Л. ПОЛСТОВАЛОВОЙ

Вовчик шагал по улице. Шагал, как военные на параде: устремленные вперед глаза, туловище по струнке. Он чувствовал на себе любопытные взгляды прохожих, возгласы восхищения... От столь явных знаков внимания Вовчик был на седьмом небе.

Около своего дома он остановился и задрал лобастую стриженую голову: из открытых окон слышалось пение, смех, — значит, все были в сборе.

Вовчик тихо проскользнул в коридор, приоткрыл дверь и просунул в комнату огромный букет роз. Наступила минутная тишина, потом дверь широко распахнулась, на пороге появились брат Миша с Таней, за ними Юра и Клава.

— Где ты взял, — спросил Миша, — эти розы?!

— Тетя Варя подарила... Я ей в саду помогал!

— Вовчик, подари их мне, а?

— Как бы не так, сам заработай! — и он смерил брата уничтожающим взглядом.

— Ну, зачем они тебе?!

Вовчик сунул лицо в букет, чихнул и ответил:

— На стол поставлю...

Миша переступил с ноги на ногу, пощипал пушок на верхней губе и вкрадчиво заговорил:

— Послушай, Вовчик, я твой старший брат, пожалуйста уезжаю... Неужели не захочешь сделать для меня приятное?..

Вовчик заколебался.

— Ну, как?

— Э... э... так дело не выгорит... — взволнованно перебил Юра и помахал пальцем перед Мишиным носом. — Ты решил в личных целях использовать родственные связи? Ты, вчерашний десятиклассник, будущий строитель?!

— Так я... Ведь это в порядке вещей, что отъезжающим дарят цветы!

— А мы, — Юра ткнул себя в грудь и кивнул на Таню и Клаву, — а нас куда? Вместе учились — вместе едем. Так почему же одному тебе?

— Браво, Юра, — воскликнула Таня, и ее зеленоватые глаза заискрились смехом.

— Правильно! — весело поддержала Клава.

Миша тяжело вздохнул:

— Я совсем не собирался присвоить этот букет, а хотел... — и он укоризненно посмотрел на Таню.

Юра выразительно взглянул на Клаву и улыбнулся:

— Критика не должна дремать, когда ущемляется чье-либо право.

Вовчик уселся на подоконник и с любопытством наблюдал за братом и Юрой. Он уже стал подумывать, не разделить ли букет пополам? Но Юра встал в позу оратора и важно изрек:

— Девушки, в интересах всех присутствующих вы должны нас оставить

на несколько минут и подождать во дворе.

Таня и Клава переглянулись, прыгнули со смеху и скрылись за дверью.

— Теперь, — продолжал Юра, — я выскажу свою мысль: — этот букет должна получить самая лучшая девушка!

— Идет! — радостно выдохнул Миша и подумал: «До чего же этот Юрка глуп: добровольно отдает букет Тане».

— Значит, согласен? — обрадовался Юра: «Можно считать, что букет уже у Клавы».

— Остается одно: кто разрешит этот шекотливый вопрос? — небрежно спросил Миша.

— Нам с тобой нельзя... Остается Вовчик.

Услышав, что на него возлагается такое поручение, Вовчик соскочил с подоконника и снова напустил на себя важный вид. Уж кто-кто, а он не ошибется!

— Вовчик, — Миша подошел к нему и взял за подбородок, — запомни: этот букет ты должен вручить самой лучшей девушке!

— Вовчик, — Юра легонько взял его за ухо, — не забудь: ты должен проявить полную беспристрастность и вручить букет по назначению — самой лучшей девушке!

— Самой лучшей!

— Да!! — в один голос подтвердили оба и вытолкнули Вовчика за дверь.

Когда часы отсчитали достаточно времени для того, чтобы Вовчик наверняка выполнил поручение, Миша с Юрой вышли на крыльцо и... обомлели: посреди двора перед Вовчиком стояла соседская девчонка — черноглазая, с воинственно торчащими косичками — и прижимала к груди огромный букет роз.

Начало см. на стр. 55—57.

Дмитриевич Южаков. Его ученики получили первые в их жизни русские книги, занятия пошли успешнее, не прерываясь даже в каникулы.

«Я вскоре сделался известен почти всему Бейруту, — сообщал Южаков. — Куда бы ни шел, везде приходилось слышать: «Муаллим московий!». Его приглашали во множество домов, чтобы услышать рассказы о великой стране, о великом народе. Даже с гор, куда проникли вести об «учителе из Московии», люди приезжали в Бейрут, чтобы пригласить Южакова посетить их деревни. «В конце сентября, — сообщают его записи, — я собирался с знакомыми арабами на Ливан, чтобы объехать его и потом посетить Дамаск... я имел возможность побывать, даже погостить, в разных местах Ливана, что чрезвычайно льстило моему любопытству».

Южаков уже собирался в увлекательную поездку по стране. Но накануне его вызвал к себе консул российского царя. Не по душе было ему затянувшееся, по его мнению, пребывание на Востоке русского человека. Воспользовавшись формальным предлогом — просрочкой паспорта, он предложил Южакову покинуть Ливан.

Это глубоко возмутило арабов. Дважды ходили к консулу делегации бейрутцев. Дважды просили они царского чиновника отменить свое решение. Но тот остался непреклонным.

Сотни арабских детей, множество взрослых ливанцев провожали Егора Дмитриевича Южакова — создателя первой в их стране русской школы. «Так кончилась моя карьера в Бейруте, — с иронией заканчивал он свои записки. — С чем приехал, с тем и уехал; только карман сделался уже окончательно пуст...»

А. ЛЮБАРСКАЯ,
действительный член
Географического
общества СССР

Рисунки Ю. ЕФИМОВА

СОВЕТЫ СОЛДАТА

(см. рисунок на стр. 61)

Днем видно...

Деревню за 9 километров.
Заводские трубы за 6 километров.
Обычный дом за 4 километра.
Большое отдельное дерево за 2 километра.
Фигуру человека за 1,5 километра.
Телеграфный столб за 1 километр.
Движение ног коня за 850 метров.
Переплеты в окнах за 500 метров.
Голову человека за 400 метров.
Черепицу и доски на крышах за 200 метров.
Черты лица человека за 200 метров.

Ночью видно...

Костер за 6—8 километров.
Свет карманного фонаря за 1,5 километра.
Свет горящей спички за 1,5 километра.
Огонь папиросы за 0,5 километра.

Дорогая редакция!

Когда я служил в Советской Армии, мне пришлось убедиться, как важно уметь определять расстояния на местности без приборов, а иногда в таких условиях, когда и приборы не помогут. Я уже давно демобилизовался, но многие правила и способы помню хорошо до сих пор. Мне думается, что некоторые из них не мешало бы туристу-следопыту. В походе пригодится.

С приветом, Рауф ШАКИРОВ,
электрослесарь шахты № 18-Наклонная,
г. Еманжелинск

Ночью слышно...

Гул самолета за 40 километров.
Идущую автомашину за 2 километра.
Копанье копыт за 1 километр.
Падение дерева за 800 метров.
Рубку леса за 800 метров.
Разговор за 100—200 метров.

Кажутся...

Ночью костер или вспышка огня ближе истинного расстояния.
В тумане расстояния больше истинных.
В сумерках все предметы дальше.
Крупные предметы всегда ближе, чем мелкие.
При наблюдении снизу вверх предметы ближе, чем при наблюдении сверху вниз.
Чем темнее фон, на котором виден предмет, тем предмет кажется дальше.

МЕДОВАЯ РОСА

В прошедшем году в июле-августе в окрестностях Шали я наблюдал интересное явление природы, которое в народе называется «медовая роса». По утрам листья деревьев: липы, осины, березы — покрывались блестящим на вид, сладким на вкус, липким веществом. Какова причина появления «медовой росы»?

В. ВЕРЕЩАГИН,
руководитель исторического
кружка средней школы № 90,
ст. Шали.

В середине лета, обычно в период продолжительной сухой и жаркой погоды, на листьях деревьев и кустарников появляются густые сладкие капельки. Иногда их бывает так много, что, сливаясь, они покрывают всю поверхность листа. При ветре капли падают на траву. В народе их называют «медовой росой».

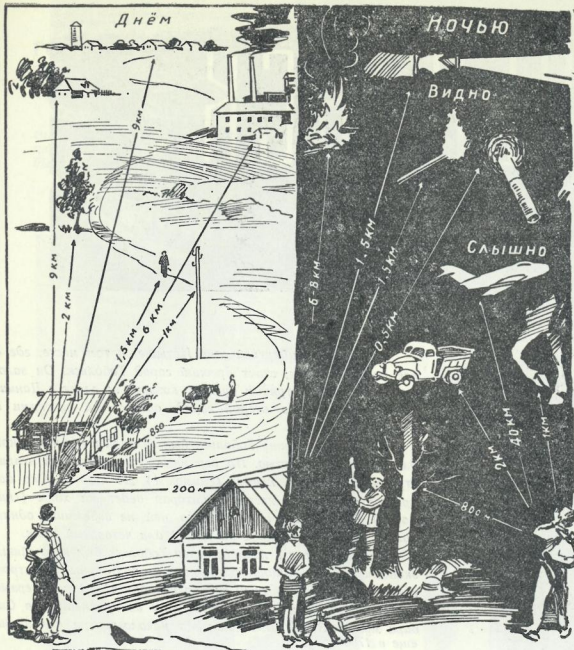
Она ничего общего с обычной росой не имеет. Это не что иное, как отходы пищеварения лиственной тли.

Тля быстро размножается. Для

роста ей нужно много белковых веществ. Их тля извлекает из растений. Но в соке растений белков меньше, чем сахара. Чтобы извлечь немного белка, тля вынуждена переработать огромное количество сока. Избыток сахара при этом она выбрасывает в виде капелек «медовой росы».

Этими отбросами питаются муравьи и пчелы. Но мед, собранный пчелами из «медовой росы», называемый падевым, в пищу не годится.

Л. ФЕДОРОВ

В ПОХОДЕ ЭТО ПРИГОДИТСЯ

МОЙ УРАЛ

Л. СОРОКИН

Сосенки бегут, как мальчишки.
И вдруг полахает огнем
В полнеба гигантская вспышка
Над синим уральским хребтом!

Здесь даже потухших вулканов
Никто не встречал
до сих пор,
Но поезд помчался нежданно
Среди огнедышащих гор.

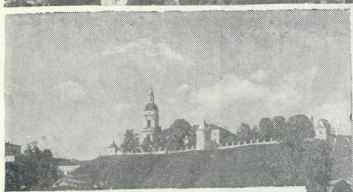
Прислушайся к близкому гуду,
Вглянни, как все тучи горят, —

Сильнее вулканов
повсюду
Мартены и домы бурлят.

В леса углубляется скорый,
И вновь за вагонным окном
Зеленые дальние горы
Бросаются в небо огнем!

И ждешь, что стальная ракета
Вновь ринется в звездный простор:
Она ведь рождается где-то
В краю огнедышащих гор!

ТОБОЛЬСК

1

На мезучей сибирской реке Иртыше, в том месте, где в нее впадает Тобол, стоит древний город Тобольск. Он заложен в 1587 году отрядом русских казаков во главе с Данилом Чулковым. Это второй город, основанный русскими в Сибири.

Когда-то в старину Тобольск был сильной и очень важной для русских крепостью. На огромном холме высился неприступный тобольский кремль (снимок 1). До него нелегко добраться и сейчас: в лестнице, которая ведет на холм (снимок 2), больше ста ступенек. По ней не взбежишь одним духом, как к себе домой на третий или четвертый этаж.

В течение трех с лишним веков Тобольск был важнейшим экономическим, административным и культурным центром всей Сибири. Здесь вышли первая сибирская газета и первый сибирский журнал. Здесь создан один из крупнейших в Сибири музеев. Здесь было положено начало театру в Сибири, еще в 1703 году.

Посмотрите на это старинное деревянное здание с балкончиками и башенками, похожее на сказочный терем (снимок 3). Это здание Тобольского драматического театра. Пожалуй, такого оригинального здания не имеет больше ни один театр нашей страны.

2

До Октябрьской революции Тобольск был местом, куда царское правительство ссылало негодных ему людей. В 1791 году в Тобольске несколько месяцев жил перед отправкой в Илимскую ссылку великий русский революционер Александр Николаевич Радищев. В XIX веке царь ссылал сюда участников польских восстаний. В 1902 году здесь умер после двадцатилетнего тюремного заключения и ссылки украинский поэто-революционер П. А. Грабовский.

Немало лет провели в Тобольске сосланные Николаем I декабристы: Семенов, Башмаков, Свистанов, Бяратинский, Штейнцел, Анненков, А. Муравьев и другие. Многие декабристы так и не дожили до окончания ссылки, умерли и были здесь похоронены. Среди них — друг Пушкина Кхельбекер.

Тобольские пионеры нередко приходят на мо-

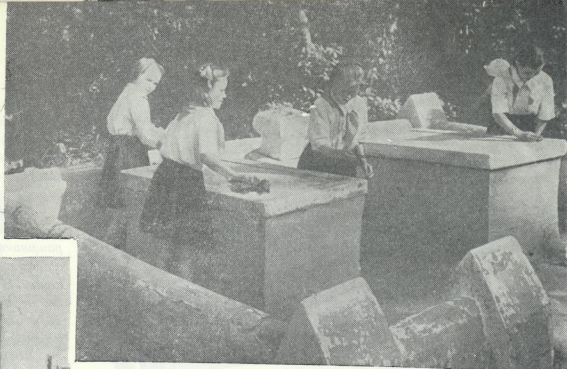

3

ГОРОДА южного края

гилы декабристов, украшают их цветами, следят, чтобы могилы были в порядке (снимок 4).

4

5

В Тобольске родились великий русский ученый Д. И. Менделеев, выдающийся художник В. Г. Перов, известный русский композитор А. А. Алябьев, автор знаменитого «Соловья». Таких мемориальных досок, какие вы видите на фотографии (снимок 5), немало в городе.

Здесь же провел свои школьные годы и 26 лет работал преподавателем, а затем и директором тобольской гимназии поэт П. П. Ершов,

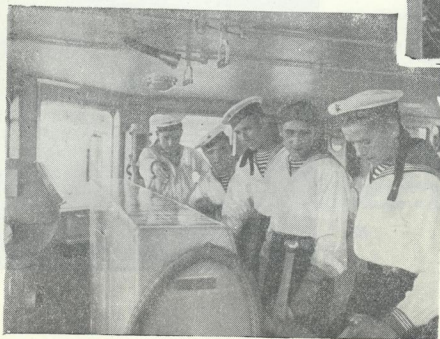
который написал любимую сказку детей «Конек-Горбунук».

Два с половиной века славится город художественной резьбой по мамонтовой кости. Ткут

6

здесь и сибирские «махровые» ковры. Традиционный рисунок ковров — яркие крупные цветы на черном фоне — пользуется большим успехом у сибиряков. Ковры изготовляют мастерицы местной артели «Труженица» (снимок 6).

7

Тобольск — крупный речной порт, важный для Тюменской области центр рыбообрабатывающей и судостроительной промышленности. На судостроительном заводе (снимок 8) изготавливаются катера, самоходные и буксирные баржи для сибирских рек.

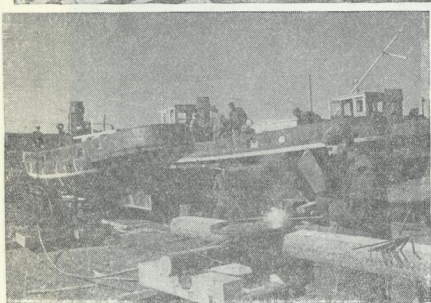
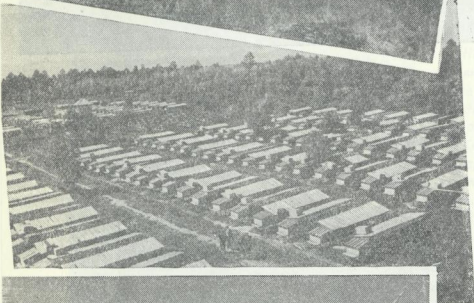
В окрестностях города развито звероводство. В зверосовхозе и на колхозных зверофермах выращиваются сотни серебристо-черных лисиц и голубых песцов. Их ценный мех идет во все концы нашей страны и за границу. Тобольские звероводы не раз завоевывали почетное право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Посмотрите, как выглядит одна из ферм Тобольского зверосовхоза (снимок 9). Аккуратные домики для зверей образуют целые кварталы. Настоящий городок!

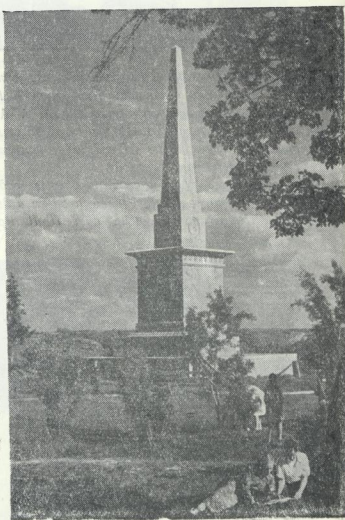
А сколько вблизи города красивейших мест для отдыха! Вот берег Иртыша (снимок 10), куда приехали в воскресенье тобольяки. А когда-то здесь стояла крепость Искер — столица татарского хана Кучума. Войско Кучума разбила дружина Ермака. Под Тобольском погиб и сам Ермак, застигнутый врасплох внезапным нападением татар. На одном из холмов ему поставлен памятник (снимок 11).

И. ДАВЫДОВ.

Фото И. ТЮФЯКОВА

Сегодняшний Тобольск — город молодежи, кузница кадров для северных районов громадной Тюменской области. Педагогические институты и училище, рыбный, библиотечный, зооветеринарный и многие другие техникумы ежегодно выпускают больше тысячи молодых специалистов. Среди капитанов и штурманов наших северных рек немало воспитанников Тобольской мореходной школы. Летом по Иртышу курсируют десятки различных речных судов, будущие мореходы проходят на них практику (снимок 7).

8

11

10

9

Владимир ПОПОВ

В редакции «Вокруг света», 1910 год.

В мае страна отмечает День советской печати.

Человек, о котором рассказывают в своих воспоминаниях писатели Н. Ловцов и Б. Рябинин, не путешественник, не первооткрыватель, не геолог и не историк. Он журналист. Это был истый следопыт Урала. Своей пытливостью и любовью к нашему краю, своей неутомимой работой он немало способствовал познанию Урала, развитию у молодежи мужества, настойчивости, стремления к поискам, к дерзаниям, любви к Родине.

«ПЕРВЫЙ СЛЕДОПЫТ»

«Первый следопыт» — так когда-то мы, молодые писатели, в шутку называли Владимира Алексеевича Попова, редактора ежечасника «Всемирный следопыт», издававшегося в 20-х годах в Москве.

На «тропу следопытов» Владимир Алексеевич Попов вступил еще в 1908 году, когда в издательстве «Т-во И. Д. Сытин» ему поручили редактировать журнал «Вокруг света».

Владимир Алексеевич сам не был путешественником, но до самозабвения любил путешественников и туристов, увлекался приключениями на охоте, кропотливо собирал литературу по охоте и рыболовству. Он любил мечтать и фантазировать и лучшие страницы в журнале отдавал жанру научной фантастики. Не чужд был Владимиру Алексеевич и юмору. Ему нравился веселый и добрый смех, остроумие, оригинальность.

Во «Всемирном следопыте» Попов стремился показать человека сильного, волевого, борца за правду, за свободу, за высшие идеалы.

Владимир Алексеевич всегда искал и умел находить новых авторов. В 1926 го-

ИЗ СЛОВАРЯ УРАЛЬСКИХ ОХОТНИКОВ

Я не лингвист и не историк. Изучением словаря уральских охотников мне пришлось заняться с чисто практической целью — для того, чтобы понимать язык людей, с которыми вместе коротаешь ночи в таенных избушках, ходишь помышлять зверя и чьи увлекательные рассказы слушаешь у лесных костров.

Началось это так.

Однажды, когда мы пробирались по тайге под Конжаковским Камнем, проводник вдруг притаился за деревом и зашептал мне:

— Волен, волен ходит.

Я его не понял, но присел и начал всматриваться в расстилающуюся впереди старую гарь. Я думал, что знаю всех зверей, а вот, кто такой волен, не слышал.

В густом кусту ряб-ны я разглядел молодого лося. Оказалось, что воленами здесь зовут лосей в возрасте до двух лет.

ду в журнале «Всемирный следопыт» появилась необычайная по своей фантастике, но научно обоснованная повесть тогда еще никому не известного Александра Белыева — «Голова профессора Доуэля». Она захватила молодых и старых читателей журнала. Автору этого произведения помог Попов.

Пожилой человек из Сочи, Смирнов, отнюдь не литератор, написал как-то бесхитростный рассказ и послал его в «Следопыт». Рассказ в журнале не появился. Но, почувствовав в авторе следопытскую жилку, Попов вызвал его в Москву. В это время экспедиция Академии наук отправилась под руководством Л. А. Кулика на поиски Тунгусского метеорита. И Смирнов был направлен от журнала с ответственным заданием — нагнать экспедицию и описывать каждый шаг ее работы. В 1927 году в нескольких номерах журнала печатались увлекательные очерки Смирнова о путешествии к месту падения таинственного метеорита.

В подмосковном городке Загорске жил музыкант Валим Ветов. Писатель Михаил Михайлович Пришвин, как-то зайдя в редакцию «Следопыта», рассказал Попову о Ветове:

— Удивительно колоритная фигура — высокий, худой. Замечательный охотник и остроумный рассказчик. Слушая его, народ со смеху давится. Как-то я прочел его письмо — литературно написано. Рекомендовал пойти к писателям — не идет.

В тот же день, после работы, Попов помчался в Загорск. Там с большим трудом он разыскал Ветова и предложил ему сотрудничать в журнале. Тут же из своих

Из словаря уральских охотников

Был со мной и такой случай. Для того чтобы переправиться через реку Лозьву, была нужна лодка. Старик-рыбак сказал:

— Иди по берегу вверх по реке, там старый тес увидишь, от него влево повернешь и найдешь в кустах лодку.

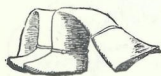
Часа два я проходил, а лодки не нашел.

Оказалось, что старым тесом рыбак называл старую охотничью тропу, обозначенную затесками на деревьях. Я же искал доски, сложенные на берегу, и еще удивлялся, откуда они здесь, в тайге, могли вьяться.

После такого случая я стал записывать местные, уральские, названия зверей, птиц, явлений природы, предметов охотничьего обихода и теперь хочу рассказать о них. Может быть, мои записи помогут тем, кого манят глухие охотничьи тропы и лесные просторы родного Урала.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОХОТНИЧЬЕГО ОБИХОДА

Бродни — так называется охотничья обувь, напоминающая высокие болотные сапоги. От сапог она отличается покроем и тем, что на подошву идет не толстая подметочная кожа, а мягкая, такая же, как и на голенищах.

личных средств выдал ему аванс под несуществующую рукопись.

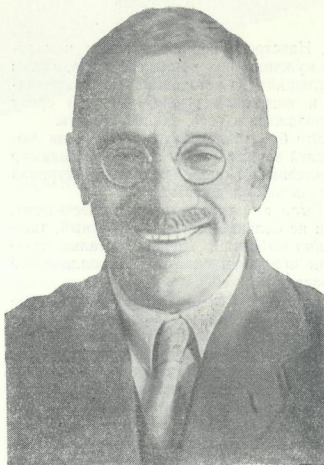
Чутье не подвело Попова. Вскоре в журнале появилась небезызвестная серия юмористических рассказов о неудачах азартных охотников под названием «Приключения Бочонкина и Хвоща».

У Владимира Алексеевича была острая интуиция на новых авторов. Он как-то незаметно находил их след, безошибочно шел по нему до тех пор, пока в его ягдташе-портфеле не оказывалась новая рукопись.

Однажды, зайдя к Попову, я застал у него множество незнакомых людей в мохнатых оленьих малицах, в расписных меховых унтах. Покуривая коротенькие трубочки, они сидели на полу в кабинете редактора. Оказывается, известный северный охотник Журавлев, завершив на собачьих упряжках пробег от Урала до Москвы, зашел со своими товарищами в редакцию. Владимир Алексеевич, сияющий от удовольствия, разгуливал по кабинету чуть подпрыгивающей походкой, увлеченно беседуя то с одним, то с другим каяром. Сотрудники редакции торопливо записывали рассказы гостей.

Бывал в редакции «Следопыта» и исследователь Усурийских дебрей Владимир Клавдиевич Арсенев, он оставил редактору на память «корень жизни» — женьшень. Частенько заходил первый начальник острова Врангеля известный полярник Ушаков.

Так редакция «Всемирного следопыта» в 20-х годах была своеобразным клубом неугомонных людей — путешественников, искателей, мечтателей. Здесь рождались

новые маршруты, новые идеи, и тут же начинались очерки, рассказы, повести. И душой всего этого был непременно Владимир Алексеевич Попов.

Николай ЛОВЦОВ

У ИСТОКОВ ДЕЛА

В тесном помещении по Банковскому переулку, где ютилось в тридцатых годах Свердловское издательство, среди комнат, отделенных друг от друга фанерными перегородками, не сразу можно было найти стол редактора «Уральского следопыта».

Бродни шьются крепкими смолеными нитками, а зачастую — оленьими или лосиными жилами. Для того чтобы было тепло и мягко, внутрь кладется стелька из сухой травы. У щиколотки и под коленом нога в броднях перетягивается ремешками. Ремешки не дают обуви ерзать на ноге и защищают от попадания воды внутрь. Хорошо шитые бродни не пропускают влаги и по праву считаются лучшей охотничьей обувью на весенней и осенней охотах. Обувь эта требует тщательного ухода. Ее нельзя пересушивать и оставлять без смазки.

Крошки — наиболее удобный тип заплечной котомки, употребляется уральскими охотниками для переноски груза в тайге. Из толстого черемухового прута выгибается рама, на которую, как полотно, нашивается береста. Вся рама перелетается сырмятинными ремешками для крепости. В верхней части ее крепятся широкие заплечные ремни, внизу они надеваются петлями на оставшиеся незагнутыми концы прута.

Груз, предназначенный для переноски, складывается в обычный или брезентовый мешок, который плотно привязывается к раме специальными узкими ремешками.

Крошки удобны тем, что, плотно прилегая к спине охотника, принимают ее форму, и при этом различные части поклажи не давят своими углами.

Из словаря
уральских
охотников

та». Навстречу поднимался уже немолодой мужчина, ниже среднего роста, слегка сутулящийся, с неторопливыми движениями и негромкой речью, умевший сразу расположить к себе, заинтересовать.

Это был широко известный среди любителей занимательного чтения Владимир Алексеевич Попов, редактор журнала «Уральский следопыт».

Было ему тогда лет под шестьдесят, если не больше, всегда аккуратный, тщательно выбритый. Добрые, усталые глаза были прикрыты очками в металлической оправе.

Свердловское отделение Союза писателей в 1935 году исклопотало разрешение открыть в Свердловске журнал «Уральский следопыт». Возглавить новое дело пригласили Владимира Алексеевича Попова, бывшего редактора «Всемирного следопыта».

Владимир Алексеевич был на Урале впервые. И, тем не менее, в какой-то немисливо короткий срок он успел изучить краеведческую литературу об Урале, выискивал оттуда всякие любопытные познавательные вещи для журнала. У него был на это особый нюх.

Поразительно быстро обзавелся он авторским активом. Можно было подумать, что уральские охотоведы, рыбоводы, не написавшие в прошлом ни строки и теперь осаждавшие стол редактора «Уральского следопыта», только и ждали, когда появится Попов. Все знали, как он еще до революции начал создавать в России литературу путешествий и приключений. И на Урале Попов продолжал свое любимое дело, может быть, даже с большей энергией, чем прежде.

Попов сумел воодушевить написать для журнала интересные очерки, рассказы, информации охотоведа В. Винницкого, гидробиолога Т. Раухвергера, мячуринца-садовода Д. Казанцева. В «Следопыте» напечатал свои первые литературные опыты геолог Ф. Тарханеев, впоследствии писатель. Один из первых своих очерков опубликовал в журнале Николай Кушум, ныне известный поэт.

Я тогда напечатал в газете «Уральский рабочий» и в сборниках несколько пейзажных фотографий Урала. Они привлекли внимание Владимира Алексеевича, он побывал у меня дома, познакомился с моими снимками, отобрал лучшие, и они появились на страницах «Следопыта».

У меня была специальность топографазыскиателя, я часто ездил по Уралу. И вот под воздействием Попова я с большим трудом слепил свой первый очерк — впечатления от поездки по Каме. Редактор издательства К. В. Рождественская и Владимир Алексеевич помогли мне доработать его.

Попов, как редактор «Следопыта», вел очень четкую организационную работу: активисты журнала либо участвовали в походах и поездках по уже готовым туристским маршрутам и в научных экспедициях, либо придумывались и разрабатывались в редакции свои путешествия.

Однажды составилась небольшая компания: писатель Михаил Ефимович Зув-Ордынец (он приехал по вызову редактора, чтобы обогатить свои познания об Урале, полюбоваться на его красоты), я — фотокорреспондент, третий — мой знакомый Р. И. Рабинович. Решили поехать на лодке по реке Чусовой.

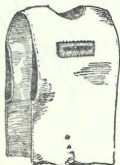
Из словаря уральских охотников

П а й в а — берестяной короб для переноски и хранения продукции лесных промыслов: грибов, ягод, рыбы, пернатой дичи. При переноске на пайве приделываются заплечные ремни. Часто она просто увязывается в крошки.

Л у з а н — чрезвычайно своеобразная верхняя одежда уральских охотников. Представляет себе большой мешок, верхняя сторона которого сшита из шинельного сукна, а нижняя — из обычного холста. В самом центре прорезано отверстие. Когда охотник проденет в него голову, одна половина мешка ляжет ему на спину, другая — на грудь. А когда на пояс их перетянут ремнем, то мешок превращается в одежду. Она зимой прекрасно предохраняет ватник от намочания.

На тех местах, где у лузана проходят швы, оставляются отверстия для того, чтобы за «подкладку» этой одежды можно было класть продукты, патроны и шкурки добытых зверьков. На спинной стороне лузана пришивается конная петля, куда вкладывается топор.

Заночует в лесу охотник, снимет отсыревший за день лузан, а остальная одежда сухая. Пока ужин готовит, лузан у костра высох-

Уральский Следогымыт

Вымпел журнала
«Уральский следогымыт» (во время
поездки по Чусовой, 1935 год).

Стали просить Владимира Алексеевича присоединиться к нам хотя бы на часть пути. Он согласился. Смастерили из треугольного пионерского флажка вымпел, который я храню до сих пор. Этот вымпел развевался на носу нашего плоскодонного судна, над мордой «охраны экспедиции» — эрдельтерьера Снукки.

Владимир Алексеевич находился с нами на Чусовой трое суток (больше не позволили редакционные дела). Он прямо-таки наслаждался путешествием. Как сейчас, вижу его небольшую плотную фигуру у воды. Сразу же после сна он спускался к реке и подолгу купался, фыркая и похрапывая от удовольствия.

Владимир Алексеевич удивительно хорошо выглядел для своих шести десятков. Никакой дрялости, тело, закаленное гимнастикой, крепкое, упругое, руки достаточно твердые, чтобы держать и перо журналиста и весло.

Перед Старой Уткой наша плоскодонка попала в лесной затор. Впереди была запань — русло перегорожено бревнами, специальными тросами. Река на несколько сот метров забита лесом.

Чуть ли не целый день мы, расталкивая бревна руками, пробивались на углу суденышке через это плавающее поле древесины.

Пришлось перетаскивать лодку поверху. Мокрые бревна вертелись под ногами, вот-вот сорвешься и либо сломаешь ногу, либо провалишься. А место глубокое, быстрина, вода под бревнами несет так, что подумать страшно.

Было уже совсем темно, когда окончились наши мытарства, и мы разбили лагерь у подножия камня Богатырь. Запылал костер. Наша лодка с ободранным днищем, с вылезшей из пазов паклей вышла из строя, сами мы перезябли и устали до изнеможения. Зато великолепное настроение было у нашего редактора. Владимир Алексеевич расхаживал по лужайке перед костром и с довольным видом потирал руки:

— Замечательно! Замечательно!

— Чтоб вас черт побрал с вашим «замечательно!» — ворчал Зуев-Ордынец. — Он еще смеется!. Видали? Мы тут маялись, маялись, можно сказать, с опасностью для жизни, а он — рад...

нет, станет спать ложиться, набросает пихтовых веток, расстелет на них лужан — и постель готова.

Осиновка — маленькая лодка-долбленка. Ее выдалбливают из ствола осины. Когда взглянешь на нее, удивляешься, откуда здесь взялись такие толстые осины. Оказываются, для того чтобы лодка стала широкой, выдолбленное дерево греют на огне и, как говорят специалисты, «разводят борта». Удобство этой лодки заключается в ее легкости, что очень важно при передвижении по таежным захламленным завалами речкам. Ездить в осиночках довольно трудно. Человек непривычный может перевернуться и выкупаться. Для того чтобы повысить грузоподъемность осиновики, иногда борта наращивают досками. Гребец сидит на корме, поджав ноги под себя. Весло всего одно, напоминающее обычный кормовик.

На реке Пельым мне пришлось наблюдать, как ловно местные жители управляют с этими маленькими и верткими лодками. Они ездили в осиночках, стоя на ногах, стреляли по уткам прямо из лодки, в то время как мне с трудом удавалось сохранять равновесие даже сидя.

Из словаря
уральских
охотников

Г. БАБАКОВ

— Хороший очерк будет, — кратко возразил редактор. — Занимательный!

В любом литературном произведении Владимир Алексеевич выдвигал на первый план занимательность. Однако она в его понимании не была самоцелью, а обязательно служила познанию. И наше приключение на лесной запани у Старой Утки в глазах закоренелого ловца острых сюжетов было удачным поводом рассказать об особенностях жизни на Чусовой, о сплаве, об экономике реки.

Неугомонный Владимир Алексеевич Попов с присущей ему энергией и деловитостью взялся и организовал также издание «Библиотеки занимательного краеведения», посвященной Уралу.

Изучение края — ключ к углубленному познанию Родины. Так считал этот неутомимый следопыт. Во вступительной статье к первому номеру «Уральского следопыта», написанной В. А. Поповым, говорилось:

«Древний седой Урал-кустарь превратился в один из передовых промышленных центров Советского Союза. Урал скинул свои ветхие одежды, преобразился и непрестанно обстраивается. Широкое развертывание следопытско-краеведческого движения на Урале может дать большие практические результаты для строительства социализма».

В. А. Попов был примером цельности натуры и беззаветного служения своему

делу. Безупречный по внешним манерам, он всю жизнь сохранял особый, свойственный старой русской интеллигенции облик необычайно скромного, вежливого, услужливого человека. Любил театр, наслаждался хорошими книгами. Возмущался теми, кто коверкает русский язык, отлично знал и английский.

Рассказывали, что старший сын его — талантливый юноша — трагически погиб на геологических изысканиях где-то на Алтае или в Сибири. Это наложило отпечаток на характер и поведение Владимира Алексеевича. Своей собранностью и выдержкой он напоминал героя Фенимора Купера — благородного Чингачуга, не пролившего ни единой слезы, не проронившего ни одной жалобы, когда его сын Ункас навсегда ушел от него.

Наверное, потому молодежь и тянулась к Попову. С душой ласковой, я бы сказал, даже нежной, он обогревал всякого.

Умер он в дни Отечественной войны. Наш журнал «Уральский следопыт» по праву считает себя сыном старого «Уральского следопыта» и внуком «Всемирного следопыта». У истоков нашего следопытства, организатором этого увлекательного дела стоял интереснейший, большой человек — Владимир Алексеевич Попов.

Помянем же его добрым словом!

Борис РЯБИНИН

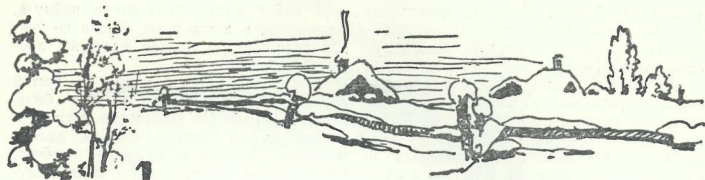

НЕОБЫЧНЫЙ ФОНТАН

Я сфотографировал его в Свердловске на улице Ленина весной прошлого года. В сооружении фонтана не принимали участие ни архитекторы, ни художники, ни строители. На «открытии» фонтана, как видно по снимку, было совсем немного народа. Фонтан появился внезапно и так же внезапно исчез.

Где-то в водопроводной сети под давлением отяжелевшего грунта осела труба. В месте перегиба вода не успевала проходить. Напор был велик, и она нашла выход, слабое место — смотровой колодец. Сорвала тяжелую чугунную крышку люка и белоснежным столбом вырвалась наружу.

Х. Николаев

Крайной русак

Н. НИКОНОВ

Рисунки В. БУБЕНЩИКОВА

Рассказ

В маленькую похожую на хутор деревню со славным названием Затишье я приехал, чтобы охотиться на зайцев.

Глубокая осень. Обычно в конце октября уже зима пушит снегом, колючим холодом несет с северных увалов, и устанавливается санный путь. А нынче осень задумалась, надолго задержалась, грустная, серенькая и теплая. На третий день моего приезда к вечеру пошел снег, мягкий и, казалось, тоже теплый.

А наутро было светло и чисто. В лицо веяло пахучим холодком первого зимнего дня.

Я собрал ружье и пошел в поля. Они широко раскинулись по обе стороны от деревни, ровные, как скатерть, пересеченные узкими полосами невысоких прозрачных перелесков. Самый лес едва виднелся на горизонте, за полотном железной дороги, за крышами отдаленных деревень.

Сразу у околицы попались заячьи следы. Утопанные тропки выходили из-под прясел, пересекали пашню и вели в ближайший березовый колок. Ночью зайцы приходили в огороды, искали капустные кочерыжки, пугливо прислушиваясь к лаю собак.

Я двинулся по самому свежему следу. Заяц пробежал всего час-полтора тому назад. След был крупный, четкий, но странный. Там, где отпечатываются передние лапки, вместо двух лунок, была

одна. Очевидно, русак поджимал одну лапку, или у него не было ее вовсе.

«Интересно, что за инвалид такой», — подумалось мне. Через пашню след шел прямо, без петель и скидок. Заяц торопился до рассвета убраться в колок. Приближаясь к березняку, я снял ружье и взял его на изготовку. Может быть, он тут лежит где-нибудь у кучи хвороста, шевелит раздвоенной губой и не думает об опасности. Но в перелеске было пусто. След петлял между березами, нырял в кусты, заворачивался, выходил на прежнюю стезю. Русак путал следы. И я тоже кружился среди мелкого сосняка, берез и осинков, но вслугивал только стайки розовых снегирей.

Следы хромого зайца вывели меня из колка и вновь пересекли поле. Но что это? Здесь заяц вдруг перешел в галоп, бросался в стороны, останавливался, мчался так, что след был закидан землей. Кто преследовал его? Уж не лисица ли? Быстро осмотрел поле. Лисьих следов нигде не было. Я пробежал по пашне. След зайца юркнул в пологий овраг, заросший кустами. Медленно, осторожно по-

шел я по обочине. Впереди показалась большая куча белого кварца, засыпанного снегом. Что-то светлое шевельнулось на ней. Не заяц ли?

До камней было далеко. Я вглядывался старательно, но так и не мог понять, кто сидит на вершине кучи. Только не заяц!

Я начал медленно приближаться и едва сделал несколько шагов, как с камней мягко поднялась огромная белая сова. Она бесшумно кружила над оврагом, легко и низко полетела вдаль, непривычно белая, пушистая и загадочная.

В недоумении опустил ружье. Стрелять было бесполезно.

Полярная сова! Я видел ее живую в первый раз. Эх, ротозей! Отпустил редчайшую добычу. Какое великолепное чучело можно было бы поставить у себя на столе!

Так, проклиная себя и глупую неосторожность, я повесил ружье за спину и подошел к куче кварца. И вдруг... Ф-фы! Разбрасывая снег, вылетел изпод нее русак и метнулся в кусты. У меня опустились руки. Вторая неудача!

Оказывается, камни были сложены так, что под кучей образовалась низкая пещера. Сюда, в убежище, и примчался хромой русак, увертываясь от настигавшей его совы. А она присела на кучу, ворочала круглой головой и, наверное, соображала, как лучше подкараулить пугливого зверя.

Мне ничего не оставалось делать, как вновь двинуться по следу хитрого зайца. Втайне же я мечтал еще раз заметить сову, подобраться к ней на верный ружейный выстрел.

Овраг кончился, и тут к следу русака присоединилась еще одна совсем свежая четкая строчка следков, очень похожих на собачьи. Однако они были мельче, круглее и аккуратнее.

«Это лисица! — вслух сказал я. — Те-

перь зайцу конец. Если его не найду я, он попадет в когти совы, а если не увидит сова, лисица быстро достигнет хромого зверька».

Рассуждая так, я вошел в густой лесной остров. Русак, должно быть, почуял погоню. Он неутомимо кружил и петлял, делал резкие прыжки далеко в сторону, и, если б не ровная ниточка, продолженная лисицей, я бы давно запутался.

Лисица была гораздо лучшим следопытом, острое чутье позволяло ей безошибочно разбирать неожиданные повороты, в иных местах она шла напрямик.

Длительная погоня утомила меня. «Пора домой, — решил я. — Пусть русак живет себе на здоровье, если сможет спастись и на этот раз».

Начиналась опушка. Что-то рыжее промелькнуло впереди. Я осторожно выглянул из-за сосенки и тотчас спрятался.

Ярко-красная крупная лисица стояла на полевой меже и, подняв узкую мордочку, усиленно принохивалась.

Выстрел грохнул как-то особенно раскатисто и гулко. Кисло запахло порохом. Натыкаясь лицом на колочие ветки, я продрался сквозь сосняк. Лисица растянулась на снегу с откиннутым в сторону огненным пушистым хвостом.

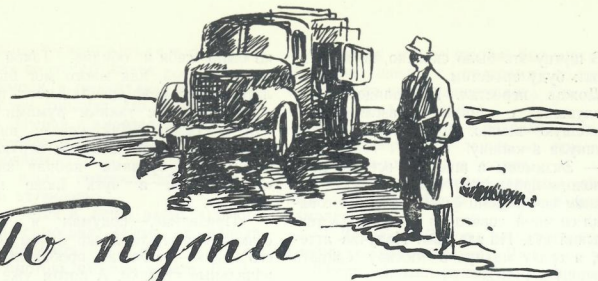
Все еще дрожаями от волнения ружьями я бережно привязал дорогую добычу к сумке. И почему-то мне было жаль эту красивую крупную огневку с белым горлом и белым кончиком хвоста.

Теперь я шел к деревне напрямиком, через поля. Вечерело, вдали мерцали огоньки. След хромого русака снова попался мне, он уходил в знакомый овраг. Значит, косой все-таки ушел.

Я приблизился к куче кварца. Да вот же он!

Заяц выскочил из своего убежища, сделал несколько неловких прыжков и вдруг сел неподвижно совсем близко. Я остановился. Русак сидел, словно окаменелый, чуть пригнувшись, опираясь на три лапы. Только уши его, прижатые к спине, мелко и жалко вздрагивали. Четвертая, передняя, лапка была безжизненно подогнута к груди. Очевидно, он прекратил сопротивление и покорно ждал смерти.

Но рука не подняла ружье. Я резко повернулся, спустился в овраг и, не оглядываясь, ускорил шаг.

По пути

В. КОНОНОВ

Рассказ

Дожди успели уже размыть грунтовую дорогу, которая извилистой лентой тянулась к видневшейся за кустыми кустарниками стройке. День только начинался. Времени у меня было много, я шел не спеша, стараясь ступать в колею, проложенную колесами грузовиков.

Позади меня раздался натужный гул мотора. Я оглянулся. Самосвал, забрызганный грязью до «клетика», медленно, осторожно продвигался по скользкой дороге. Я кое-как выбрался на обочину. Но машина, поравнявшись со мной, остановилась.

— Так и утонуть можно, — шофер с улыбкой высунулся из кабины. — На стройку?

— Туда!

— Садитесь, подброшу.

Я согласно поддакнул.

Машина шла медленно. Упругие сиденья мягко подбрасывали. Я сбоку глянул на лицо водителя. Чернобровое, гладко выбритое, с тонким с едва заметной горбинкой носом, оно все было обращено вперед. Глаз его не было видно, но я чувствовал, как внимательно следят они за дорогой. Сильные молодые руки легко лежали на баранке.

Вдруг шофер повернул голову. На меня глянули веселые с юношеским любопытством глаза:

— Инженер?

— Корреспондент... Газетчик.

Брови, как крылья ласточки, взмахнули вверх. Взгляд его неожиданно потеплел.

— А вы из какой газеты?

Я назвал.

— Здорово! — воскликнул он.

— Почему здорово? — теперь уже я смотрел на него вопросительно.

— Это так неожиданно, — парень смутился. Потом, взглянув на меня, твердо произнес: — Я уважаю ваш труд! Мне ведь газета помогла найти верный путь в жизни, свое место.

Я насторожился.

— Да, газета, — парень сдвинул кепку и вдруг повеселевшим голосом сказал: — Я сначала артистом мечтал стать!

— Что же помешало? — спросил я.

— Ничто, — он улыбнулся. — Да, ничто и никто! Я был уже им!

— Как это? То хотел быть, то был...

— А вот как. Расскажу по порядку. Только после спасибо Олегу Дунаеву передайте. Он ведь в вашей газете работает?

Я кивнул головой.

— Весна в том году была ранняя. Уже в мае температура около тридцати градусов. В школу ходить неохота — жарница! А приближались экзамены. На аттестат зрелости!

И вот в наш город приехала киноэкспедиция. Любимые артисты свободно расхаживали по улицам. Просто здорово! Ну, и, конечно, мы целыми днями наблюдали за съемкой и очень радовались, когда нас приглашали участвовать в массовках.

Помню, я сыграл роль связного. Подскакал на коне к командиру и прокричал: «Товарищ командир, пакет от комдива!»

На этом моя роль и закончилась. Режиссер пожал мне руку и сказал: «Молодцом! Получилось у тебя отлично. Ты настоящий артист!»

В шутку это было сказано, но я сразу решил: буду артистом.

Дождь перестал. И солнце, будто проснувшись, с удивлением взглянуло на прозябшую землю. Его мягкие лучи заглянули в кабину.

— Экзамены в школе я все же сдал неплохо, — продолжал шофер. — На выпускном вечере наш физик долго разговаривал со мной, советовал поступить в технический вуз. Но где там! Получив аттестат, я сразу махнул в Москву сдавать экзамены в ГИК...

Туда я, конечно, не прошел. Какой из меня артист? Но это до меня еще не доходило. И желание стать артистом по-прежнему было велико. Тогда же поступил в театральное училище. На первом курсе стало ясно, что попал я не на свою дорогу. Но учиться не бросил: было стыдно. Кое-как окончил училище. Послали в театр, но работа не радовала.

Ох, и ругал же я себя за то, что не подумал над выбором профессии. И жал-

ко было себя и обидно. Такой здоровый, сильный, как много мог бы я сделать, будь у меня специальность по душе!

Однажды с такими думами развернул я газету. Как сейчас вижу: на третьей странице в левом верхнем углу огромными буквами набран заголовок «Призвание», а чуть ниже мелко — «Очерк».

«Призвание, — подумал я со злостью. — Писать-то легко о нем. А найти его как?» — но все же пробежал глазами начальные строчки. А потом уже не мог оторваться.

Это был очерк Олега Дунаева о молодом шофере, о том, как он нашел свое место в жизни. Читал я и раньше газеты, но все как-то проскальзывало, не волновало. А тут вот! То ли в такое время попался мне очерк, когда на душе было беспокойно, оттого что ты людям пользы никакой не приносишь, живешь без всякого интереса, то ли написан он был как-то особенно, — не знаю, только глубоко

УРАЛЬСКИЕ ПИСАНЦЫ

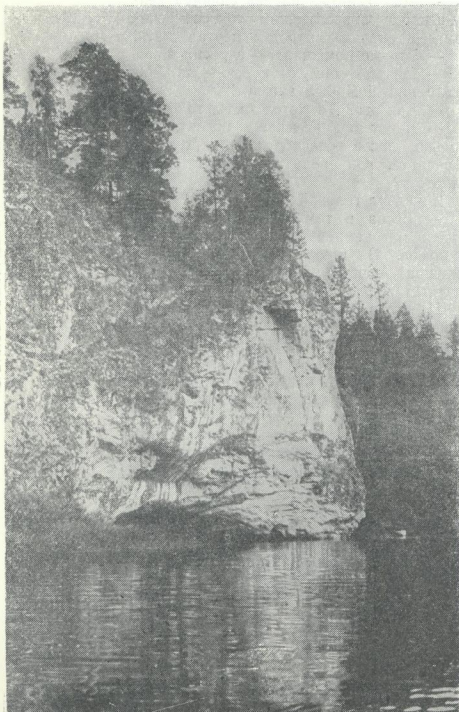
На береговых скалах многих рек Урала можно встретить странные изображения. Чаше всего это фигурки людей и животных, будто нарисованные ребенком. Нанесены на скалы они какой-то очень прочной краской — ни дожди, ни ветер, ни мороз, ни жара не могут разрушить их уже много-много веков. Есть они и на Вишере, и на Нейве, и на Тагиле, и на Серге...

Это рисунки наших далеких предков, о жизни которых мы еще очень мало знаем, и поэтому каждый след их существования интересен и важен для науки.

Но изучены эти следы пока очень слабо. Если об отдельных писанцах кое-где появились небольшие заметки, то, кажется, никто еще из ученых-археологов не собрал воедино все сообщения о камнях-писанцах, имеющих на Урале, никто не занимался подробным описанием и изучением их, определенным, когда и кем сделаны изображения, что на них изображено. А тем временем, как ни прочны изображения, они все же разрушаются, исчезают для науки.

С этого номера «Уральский следопыт» начинает печатать заметки о камнях-писанцах Урала.

Ждем ваших сообщений, следопыты!

в душу запали слова о счастливом шофере. Я даже во сне его видел.

Он замолк и неожиданно ногою вдавил колодку тормоза. По инерции меня толкнуло вперед. Самосвал мягко осел. Только сейчас я увидел грузовик, стоящий у обочины.

— Не наш,— пояснил шофер.— Видно, что-то случилось.

Мотор затих и лишь часто вздыхал, заставляя самосвал, будто от холода, мелко вздрагивать.

— Посмотрю, что там у него. Вы извините, придется посидеть одному,— мой знакомый хлопнул дверцей. Соскочив на землю, оглянулся.— Таков наш шоферский закон: сам погибай, а товарища выручай. В общем, как у моряков.

Прошло несколько минут. Мне надоело сидеть одному, и я, рискуя набрать в ботинки грязи, запрыгал по следам шофера.

У раскрытого мотора стоял с расстроенным лицом паренек. Русый зуб,

выбившийся из-под шапки, был мокрым. Румяные щеки, с полосами солярки, блестели от выступившего пота. Он мельком взглянул на меня.

— Еще крутни,— раздался голос моего шофера. Он лежал на крыле и руками что-то делал в моторе.

Паренек ожесточенно завертел заводным ключом. Мотор кашлял и вновь замолкал.

— Довольно. Зря ты расковырял подкладку головного блока. Дело не в ней.

Юноша бросил рукоятку и удивленно уставился на неожиданного помощника.

— А в чем же?

— Еще сам не знаю,— бросил тот.— Но только блок тут ни при чем.

Он еще глубже просунулся под капот. Видны были только задравшаяся на спине телогрейка да ноги, прочно упершиеся коленями в подкрылок. Руки его чудодействовали где-то в глубине мотора.

— Еду, мотор работает хорошо. А потом сразу затарахтел и ни туда, и

I. На Серге

Небольшая горная река Серга берет начало в глухих лесах на юго-западном склоне Бардымского хребта. Через сто восемьдесят километров, вырвавшись из гор, она впадает в реку Уфу, недалеко от поселка Михайловского.

Несмотря на малые размеры, река очень живописна, особенно в нижнем течении—от города Нижние Серги до устья. Здесь река очень извилиста. На ней много высоких скал, бурливых перекатов, задумчивых лесов.

Есть на Серге замечательный археологический памятник. На большой скале, недалеко от лесозащита Серга, через который проходит туристский маршрут к пещерам, находится на скальный рисунок-писанец. На высоте шести метров над водой, на южной плоскости скалы, красной краской изображены фигуры оленей, людей и разнообразные знаки и насечки. Некоторые из рисунков очень хорошо сохранились и ясно видны с реки на расстоянии в тридцать-сорок метров; другие полустерты и не имеют ясных очертаний.

Насколько известно, других писанцев на Серге пока не обнаружено. Я скопировал на скальные изображения, составил план местности и сфотографировал камень-писанец.

Николай ХРУЩЕВ

ни сюда. Посмотрел — как будто все в порядке. Решил, что с блоком неладно. Его ведь не видно. А этот говорит: напрасно ковырял,— парень кивнул в сторону моего шофера.— Что ж, может, и зря, я третий класс имею. Ошибиться могу запросто.

Наконец мой попутчик вылез из-под капота. Лицо его, строгое, с резкой складкой на переносице, было задумчиво, как у врача, который, осмотрев больного, несколько секунд думает, прежде чем установить точный диагноз.

— Крутни-ка тихонько еще,— попросил он.

Ключ снова запрыгал.

— Сильней... Довольно.

Шофер соскочил с подкрылка. Строгость с его лица как рукой сняло. Оно снова стало открытым и жизнерадостным.

— Я так и знал,— хлопнул он парня по плечу.— Перегорел конденсатор. Ставь новый и гоняй — время дорого.

— Но у меня нет нового,— смущенно проговорил тот.

— Нет? Это хуже. Нужно быть запасливым. Что, если бы ты стал где-нибудь в лесу? Жди там помощи. Видно, не бывал в дальних рейсах.

— Да нет, не приходилось еще.

— Ну, идем, я дам.

Мы пошли к самосвалу.

— Вы какого класса?— принимая конденсатор, похожий на давно не мытый указательный палец, спросил юноша.

Водитель улыбнулся.

— Дело не в классе. Любить машину нужно... Поставить-то сумеешь?

— Сумею! Спасибо вам.

— Да вот еще что. В такую погоду без лопаты выезжать нельзя. Я смотрел, у тебя правое заднее засело. Возьми мою лопату, у меня еще есть.

Шофер от удивления опустил руки.

— Большое вам спасибо,— от души сказал он и, размахивая лопатой, побежал к своему газику.

Столб «Европа — Азия» близ Первоуральска

СКОЛЬКО СТОЛБОВ

У туристов Урала есть заветное место для своих ежегодных слетов — обелиск «Европа — Азия» на дороге между Свердловском и Первоуральском. Не одна тысяча следопытов края побывала уже у этого памятного места. Не обходят его и случайные путники: каждому приятно почувствовать себя одной ногой в Европе, другой в Азии.

Во многих туристских фотоальбомах можно увидеть фотографии и других «пограничных» обелисков.

Одна из них, запечатлевшая момент «самого короткого путешествия из Европы в Азию», помещена и на нашей обложке.

Граница Европы и Азии проходит, как известно, по Уральскому хребту. Никто, конечно, ее не наносил, это граница условная. Но считается, что она проходит по линии водораздела, то есть по линии, по одну сторону которой реки текут в Европу, а по другую — в Азию. Но и это тоже условно, так как, например, Чусовая начинается в Азии, а дальше уходит в Европу.

Но не будем к этому придираться, географы до сих пор еще спорят о том, где должна проходить граница.

А вот сколько на Урале таких «пограничных» столбов — это и не всякий бывалый турист знает.

Наиболее известны три столба «Европа — Азия». Один мы уже упоминали: он стоит в сорока километрах от Свердловска, недалеко от шоссе иной дороги — старинного Московского тракта, по которому издавна шло движение в Сибирь. Установлен столб в 1837 году между деревнями Решеты и Талица на Березовой горе, высота которой в этом месте, по

Солнце золотыми рыбками плавало в отстоянных лужицах. Лучи его, пробиваясь сквозь стекло, усеянное рябью неуспевших высохнуть капель, шевелились на свободном сиденье. Я, усевшись в кабине, глядел на них и ждал водителя.

Вымыв руки в луже и очистив грязь с сапог, он поднялся на подножку. Рукавом тщательно протер снаружи смотровое стекло и только тогда сел на свое место.

Когда он доставал чистую тряпку, я заметил в коричневом переплете книгу и успел прочесть: «Учебник шофера второго класса».

Самосвал вновь басовито загудел, стал разминать податливое покрывало дороги. Мимо проплыл грузовой, улыбающийся паренек махал нам рукой.

Я ждал продолжения рассказа. Это понял мой новый знакомый. Тонкими пальцами с аккуратно подрезанными ногтями он пощипал подбородок.

— Я опять об очерке... Здорово было сказано о бесконечных дорогах, о трудных рейсах, о сильных, веселых лодях-шоферах. Вот она, романтика! Рядом! А я искал ее где-то на сцене. Поверьте, — шофер повернулся ко мне. — После еду в трамвае, иду по улице, а сам к людям присматриваюсь. На вид стараюсь определить шофера. Не замечал их раньше, а тут...

В общем, из театра я ушел. Окончил курсы шоферов. Теперь вот работаю, — он улыбнулся. — Нелегко было привыкнуть к новой профессии, к новым условиям работы, но привык и еще как! Ни за что с баранкой не расстанусь!

Я понял: рядом со мной сидел счастливый человек.

— Вот она и стройка, — гордо сказал водитель. — Приехали.

Вокруг снова рабочие, где-то гудели бульдозеры, но мысли мои были сосредоточены на одном: я думал о человеке, который нашел свое счастье.

„ЕВРОПА — АЗИЯ“?

измерениям тех лет, считалась около 412 метров над уровнем моря.

Другой обелиск (фотография его помещена на третьей странице обложки этого номера) расположен много южнее, в полукилометре от станции Уржумка (на запад). Здесь железная дорога, ведущая из Челябинска в Уфу, пересекает Уральский хребт. Обелиск здесь внушительный и довольно красивый.

Третий столб установлен в том месте, где железная дорога еще раз пересекает Уральский хребт — между Кушвой — Чусовой.

Три станции на этой дороге (первой на Урале!) своими названиями также связаны с границей континентов: одна из них носит имя Европейская, другая — Азиатская, а третья — средняя между ними — Хребт Уральский. Около нее-то и установлены «пограничные знаки».

Между прочим, подъезжая к станции Хребт Уральский, не думайте, что она расположена действительно на самой вершине хребта. Слово в названии, она стоит как бы в яме. Если пойти со станции на запад, то, пройдя несколько километров, увидите около дороги две решетчатые железные башенки. Это и есть «граница». Высота места над уровнем моря 384 метра. Невысоко? Но именно поэтому здесь и выбрали место пересечения хребта железной дорогой.

Есть на Урале и еще столбы «Европа — Азия», но менее капитальные и менее известные. О них-то и стоит вспомнить.

Если в ваших летних походах встретятся такие столбы, то описания и фотографии их (можно и рисунки) шлите в редакцию «Следопыта».

«КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА»

Первая советская приключенческая повесть начинает печататься в новой авторской редакции с шестого номера «Уральского следопыта»

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШЕЙ ИГРЫ

Начало в 1 номере журнала

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Серия пятая

А КАК ЖЕ ИНАЧЕ!

Итак, тайна была почти раскрыта. Но именно «почти». А «почти», как всегда, не считается. Надо было доводить дело до конца.

Записка сообщала, что сведения в огороде, а план в зеркале. Очень похоже на то, как говорит моя бабушка, «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Однако искать надо было не бузину, а... сами понимаете, дело не шуточное.

Я совсем уже нацелился бежать обшаривать ближайшие огороды, но Лена сказала, что теперь все ясно, обмана никакого ожидать нельзя, и что индивидуальные поиски надо бросить, а взяться за это всем коллективом.

Индивидуальные! Много она понимает! Но я, конечно, согласился: мама всегда говорит мне, что женщинам следует уступать, это долг вежливости.

На поиски хотели отправиться всем лагерем, но потом решили, что лучше для этого выделить «штурмовую группу», а то все огороды затопчем. Как ни странно, Лена была назначена командиром ее.

Впрочем «начальник штаба» — это тоже звучит неплохо. По-моему, даже ответственнее. Поэтому я согласился.

План мы нашли сразу же, он был в избе старика, в зеркале, между рамой и стеклом. А вот как им пользоваться — это сообразили не сразу.

План как план, но никаких указаний на нем, где и как искать. На обороте, правда, были какие-то каракули... Вовка уверял, что это просто отпечатались слова с другой какой-то бумажки. У него всегда так в тетрадках: не промакнет вовремя, а потом Пал Иванович ему за неряшливость тройки ставит.

Но я-то догадался, в чем дело. В записке же сказано, как читать план! А расшифровать донесения — это, конечно, обязанность начальника штаба.

Словом, не прошло и полчаса, как, уставшие, но довольные, мы бросили лопаты и достали из ямы... банку консервов. Можно было подумать, что это и в самом деле бычки в томате, как об этом гласила этикетка.

Я не знаю, что это за текст. Похоже на набор случайных букв и цифр, возможно, это результат расшифровки или зашифрованное сообщение. Текст выглядит следующим образом:

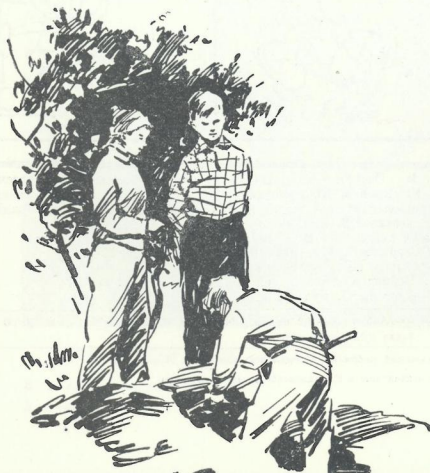
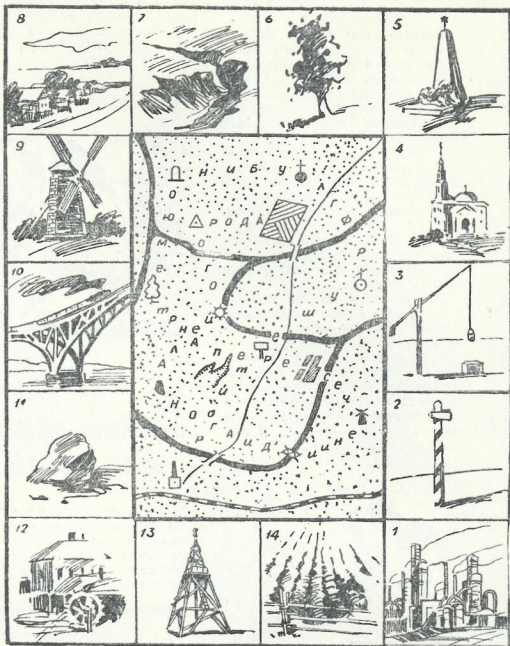
2NΛJYNP49757F 4n 117 N1RNnN \ ΓNnN57J
ΛNШтYafJafC55, a594yπ YλLR9y7y7 Nλ4nc
2ΓN4GNP597N ΛλnYJN9 4n a59NF4cN9y 4N
y7 1 400n4K575749, aYB cN 4y57
NNnN \ λNFc 5n4c454974n

Специалистов вскрывать консервы нам искать не надо: у туристов это первая пища. С волнением, осторожно, словно священнодействуя, вскрывал Вовка необычную банку. Мы все так тесно столпились вокруг него, что ему пришлось отогнать нас, иначе ничего не видно.

И вот банка вскрыта. А в ней — старательно свернутые листки бумаги, написанные мелким, но четким шрифтом. Честь прочитать их досталась нашему командиру — Лене... На этот раз все обошлось без шифров.

Да... интересная это была история! Молодцы геологи! Сколько приключений претерпели они за один день, сколько находчивости и остроумия проявили в сохранении важных для Родины сведений! И не их вина, что не так скоро дошли эти сведения по адресу: впоследствии мы узнали, что в первые же дни войны геологи-добровольцы погибли смертью храбрых и не успели даже сообщить по месту своей работы о важной находке, сделанной за день до начала войны.

Но она не пропала, их находка. Она дошла по адресу. А как же иначе!

Вот игра и окончена. Кто разгадал все загадки и задачи, заключенные в ней, может принять участие в новом конкурсе. Для этого надо объединить все ответы и написать интересное объяснение им. Скажем, рассказ о приключениях геологов, что и как они нашли, почему и как прятали свои записки.

Лучший вариант будет напечатан в журнале, а автор его получит премию — ручные часы. Остальные участники — те, кто правильно решил все задачи, — также получат памятные подарки.

Золото... В кукурузе

Чехословацкие химики Бабичка и Немек исследовали зерна кукурузы, росшей в окрестностях города Ослани. Зерна сожгли. Химики, поместив крупинку зола под микроскоп, были до крайности удивлены. В пепле сверкали крупинки золота!

Тогда Бабичка и Немек принялись изучать и другие растения. И что же! В их золе тоже сверкали крохотные крупинки золота. Его нашли в пшенице, в табаке, в овсе...

В чем дело? Откуда попало золото в растения? Оказалось, что они поглощали этот драгоценный металл из почвы.

Больше всего золота обнаружили в золе еловых и лихтовых шишек: до пятнадцати миллиграммов на килограмм зола.

И не только в растениях обнаружили золото. В лесу под тем же городом Ослани ученые подстрелили косулю и сожгли кончики ее рогов. Крупинку пепла положили под микроскоп. И там тоже оказалось золото!

Владимирский Алмаз

Речь идет не о бриллианте из города Владимира...

Алмаз — это кличка коня-тяжеловоза владимирской породы. Его показывали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Мо-

скве. Весил Алмаз 950 килограммов. Его впрягли в телегу, на которую навалили 17 тонн камней.

И Алмаз преспокойно покатал этот чудовищный груз, словно детскую коляску.

Вернейшее средство против комаров

Совсем недавно было найдено новое и притом самое могущественное средство борьбы с комарами. Какой же охотник или следопыт прославил себя таким замечательным открытием?

Никакой. Антисомамино средство нашли ученые-биологи. Они выяснили, что комары издают два рода неслышимых звуков. Эти ультразвуки не имеют ничего общего с хорошо слышимым комариным жужжанием, которое, как известно, поражается быстрыми колебаниями крыльев.

Что же это за неслышимые звуки? Один из них, оказывается, служит сигналом атаки, призывом к нападению на добычу. По этому звуку, как по сигналу трубы, вся комариная армия дружно бросается на свою добычу.

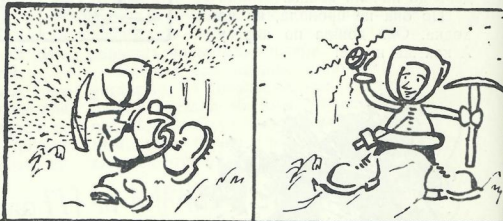
Второй неслышимый звук служит предупреждением об опасности. Это сигнал тревоги. По этому сигналу комары в страхе разлетаются, оставляя свою жертву в покое.

Как только узнали о существовании этих неслышимых звуков, сразу же нашли противокомариное средство.

Ученые создали маленький приборчик, величиной с наручные часы. Путичок отправляется в тайгу, надевает этот приборчик на руку и пускает механизм в ход. Прибор непрерывно издает неслышимый для людей, но зато хорошо слышимый комарами сигнал тревоги. Человек спокойно идет по тайге. А комары так и вьются, так и вьются поодаль, не рискуя приблизиться к своей жертве даже на метр...

Так сами комары дали человеку средство борьбы с ними!

Г. МИШКЕВИЧ

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов (редактор отдела прозы и поэзии), Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов.

Обложка художника В. Воловича.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова.

Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 12/V 1959 г. Бумага 84x108/16=2,5 бум. л. — 8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,5 НС25502. Тираж 50 000. Заказ 103. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, улица им. Ленина, 49.

Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.

— Смотри, будто в сказке!

В „бриллиантовом гроте“
Хунгурской ледяной пещеры.

Фото С. Крапивниченко

21

3 руб.

Уральские минералы. Турмалин .

Рисунок А. Ряудина.